

ЕВГЕНИЙ ТКАЧЕНКО

ПОЛНЫЙ ЦИКЛ МЕСТИ

история о благих
намерениях,
которые приводят в ад

18+

RED. Мистика

Евгений Ткаченко
Полный цикл мести

«ЭКСМО»

2022

Ткаченко Е.

Полный цикл мести / Е. Ткаченко — «Эксмо», 2022 — (RED. Мистика)

ISBN 978-5-04-171293-8

Изуродованный труп на дне недостроенного бассейна. Так начинается дождливое утро лейтенанта полиции, недавно переведенного в маленький городок. Ему еще предстоит узнать, что причины этого убийства кроются в очень далеком прошлом – в эпоху охоты на ведьм. Но, сможет ли он принять это? А еще так некстати другой мертвец буквально восстал из гроба и начал мстить за убитую семью, чем сильно осложняет расследование. Комментарий Редакции: Впечатляющий синтез жути детектива и коварства мистических настроений. От первых страниц до финальных аккордов роман Евгения Ткаченко держит в оковах напряжения и цепях интереса. Что же будет дальше?

ISBN 978-5-04-171293-8

© Ткаченко Е., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

XVI	5
I	9
XV	12
XVII	17
XVIII	21
II	27
XIX	35
III	42
XX	53
IV	60
XXI	67
XXII	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Евгений Ткаченко

Полный цикл мести

XVI

Вначале была тьма. Липкая тьма окутывала все видимое пространство. Шелест дождя стирал звуки ночи. Казалось, с давних пор ничего не изменилось. Тьма и дождь. Они царили повсюду. Единственным светлым пятном в этом и заброшенном месте были проблесковые маячки, да развеселые желтые ленточки, ограждающие место преступления. Словно ярморочные клоуны, они приглашали пройти за ограждение и посмотреть на шоу. Основным гвоздем которого, было тело молодого парня на дне недостроенного бассейна, над которым склонился человек. На нем был коричневый плащ, который придавал ему сходство с заглавным персонажем фильма «Бегущий по лезвию». В общем-то, это одна из причин, почему за ним закрепилось прозвище «Форд». Второй причиной был темно-зеленый Форд Фалкон семьдесят третьего года выпуска, в здешних местах доселе невиданный. Этот человек в коричневом плаще не так давно получил звание лейтенанта и служил в органах охраны общественного порядка. Лейтенант, засунув руки в карманы брюк, внимательно изучал лицо жертвы: зрачки сужены, рот раскрыт в беззвучном крике. Форд был в смятении: поведение подчиненных и начальства намекало на жестокое убийство, а здесь... Впрочем, однозначного ответа о том, что здесь произошло он дать так же не мог. Поначалу он подумал о самоубийстве. Что сложного? Разбежался-прыгнул. Но самоубийцы вроде так не поступают, они обычно просто шагают в неизвестность. Да и вызвали его «на место убийства». Именно это словосочетание он услышал по телефону, когда его подняли ни свет, ни заря. Убийство, но как? До края платформы было не менее пяти метров. Это какой же силищей надо обладать, чтоб так зашвырнуть человека, тем более живого? Форд упорно цеплялся за мысль, что человек лежащий перед ним разбился, упав с высоты. Ничего другого в голову не приходило. Интересно было послушать альтернативные версии. Форд увидел отличную возможность поиздеваться над патрульными, которые суеились по всему месту происшествия. Собственно, он и был причиной повышения их трудолюбия.

Утро началось прескверно – нос заложен, горло першит, температура выше некуда, холодильник пуст, и, конечно же, труп на дне еще недостроенного или уже разрушенного бассейна. Прибыв на место несколько минут назад, Форд застал праздно шатающуюся толпу в форме. Кто-то сетовал на промозглую погоду, кто-то флиртовал с коллегами противоположного пола, а кто-то просто шатался без дела. Мимо проплыл зажавший рот в рвотном позыве один из патрульных. На месте преступления царил откровенный бардак. Но терпение лейтенанта лопнуло, когда одна из сотрудниц на вопрос, что известно о жертве, ответила, что он красавчик... Врожденная ответственность, повышенная температура и буйный нрав быстро смотивировали окружающих на выполнение прямых обязанностей. По крайней мере, злость заставила сердце биться чаще и разгонять кровь интенсивнее – головная боль отступила. Сознание прояснилось, а вместе с этим рассеялась и тьма. После пятиминутного разноса, в который Форд вложил всю душу, остроумие и красноречие, на месте преступления закипела работа. Стражи правопорядка сновали взад-вперед, обменивались замечаниями и советами, одни что-то измеряли, другие что-то записывали, но все без исключения фотографировали. Каждый из них был снабжен фиксирующим статичные изображения устройством. Форд удивился и начал озиаться в поисках эксперта-криминалиста, отвечающего за сбор, исследование и сохранность улик – именно он фиксирует помимо перечня улик их взаимное расположение.

«Неужели не явился? Всякое бывает... да нет, он здесь».

Эксперт, как и все, имитировал бурную деятельность: указывал куда приспособить желтые стикеры, которыми помечают улики, а также как лучше установить освещение. Подобных клоунов Форд встречал и на «Большой земле», только там объектами профессионального интереса были не трупы, а модели.

«Напыщенные пустозвоны фотографируют бездушные тела ради славы и утешения своего эго».

Довольный столь неожиданным сравнением Форд разувлябался, и тут его внимание привлёк помощник эксперта. Он стоял в стороне от суетящейся толпы и разглядывал что-то на земле.

– Нашли что-нибудь?

– О! Лейтенант, извините, не заметил, как Вы подошли. Возможно... я, к сожалению, не знаю, что Вам уже известно.

Форд обернулся, на толпу людей в форме...

– Считайте, что ничего.

– Я всего лишь стажер...

Двое собеседников перевели взгляд на главного эксперта, который с красной рожей, то ли от гнева, то ли от натуги, возился с освещением. Помощников вокруг него уже не было.

– Что же, это Ваш звездный час.

– Эммм... хорошо... меня зовут Де...

– Очень приятно, продолжайте, прошу Вас.

– Кхм... Жертва – мужчина, около тридцати лет. Рост, примерно, метр восемьдесят пять, вес восемьдесят-девяносто килограмм. Спортивного телосложения. Одет в кожаную куртку, черную шелковую рубашку и черные брюки. На ногах туфли сорок третьего размера...

– Я так понимаю, документов в карманах не обнаружили?

Уже дважды, за столь непродолжительную беседу, лейтенант прервал бедного помощника. И второй уже начал понимать, за что первого все недолюбливают.

– Нет... не знаю... к осмотру тела меня не допустили. Но взгляните вот на что, – стажер увлек лейтенанта в сторону и указал на следы в грязи. – Именно поэтому я обратил внимание на одежду. Две пары отпечатков обуви, мужской и женской. Судя по направлению слеодообразования, они пришли вместе. Мужской принадлежит жертве.

– Отличная работа! – выпалил Форд, готовый устроить разнос, за то, что никто не занялся поисками свидетеля.

– Но это еще не все, – потупился стажер. – есть еще отпечаток. Левого полуботинка сорок четвертого размера.

– Это может быть старый отпечаток?

– Нет. Иначе бы его смыло дождем.

– Третий попутчик?

– Не попутчик. Первая пара пришла со стороны южных ворот. А человек оставивший этот отпечаток двигался со стороны забора, что располагается на западной стороне, – за время объяснения, Форд успел дать распоряжение нескольким патрульным обследовать территорию вдоль всего периметра спортивного комплекса. А затем вернулся к эксперту.

– Вам снова везет, друг мой! Я допускаю Вас до тела. Только захватим проводника.

Проводником оказался молодой сержант. Выбор пал на него за «зачатки разума во взгляде», как выразился Форд. Изучив, более-менее внимательно, лицо жертвы и обстановку Форд приступил к рутинной работе оперуполномоченного – сбору информации.

– Сержант, что не так с местом преступления?

– Не могу знать...

– Ясно... Итак, по порядку. На пути сюда я встретил патрульного, едва сдерживающего рвотные массы. Другой поведал, что «один чувак сбросил второго на дно недостроенного бассейна». И вот я здесь и у меня вопрос: где покалеченное тело, лежащее в луже кровищи?

– Так сказала свидетельница...

– Да неужели! Оказывается, есть свидетель! И когда же вы собирались мне об этом рассказать? Ну да ладно, продолжаем. Что мы знаем о жертве, за исключением того, что «он симпатичный»?

Молчание.

– Ау! Вы чем тут занимались все это время?! Со свидетелем хоть работали? Кто она, что здесь делала?

– Она работает в местном кафе официанткой, где, собственно, и познакомилась с нашей жертвой. А потом, они пришли сюда... Вот только ни имени, ни кто он, она не знает...

– Великолепно! Она, не зная даже его имени, притащилась с ним из кафе на заброшенную стройку. А теперь еще утверждает, что его сбросили на бетонную стяжку, что, как мы видим, действительности не соответствует. Да что с ней не так? Она бухая что ли? Не утруждайте себя ответом, сержант. На этот вопрос ответит товарищ эксперт.

Стажер оторвался от тела и выпрямился – это был его звездный час.

– Нет, она не пьяна. Следов наркотиков в слюне также не обнаружено. Хотя это предварительное заключение, более подробный анализ можно провести только в лаборатории. Медики уже этим занимаются. Как будет информация – сообщат. Возможно, все дело в привлекательности жертвы для противоположного пола. И обаянии. И феромонах. И? к сожалению, я не специалист в области человеческих отношений, – Форд жестом показал продолжать. – По поводу свидетельницы – все. Так вот, возвращаясь к жертве. Более подробно о причинах смерти можно сказать только после вскрытия. Видимых повреждений нет, зрачки расширены. Выглядит все так, что он умер от страха. Буквально. Точнее, смерть наступила в результате разрыва сердца. Но именно страх запускает этот процесс. Но, есть одна странность.

Форд на мгновение перестал испепелять взглядом сержанта, да и второй обратился в слух.

– Дело в том, – продолжал стажер. – посмотрите на пол. Он весь в трещинах. И только в том месте, где лежит тело. Уверен, под самым телом мы найдем такие же. Бетон довольно-таки старый, да и от непогоды толком не защищен... Можно предположить, что в этом месте на него было оказано довольно сильное физическое воздействие.

– Может тело перетащили сюда позже? А бетон раскрошили кувалдой или еще чем? – оживился сержант, чем очень порадовал Форда.

– Возможно. А зачем? Взгляните на само тело. Поза совершенно неестественна. Хотя и не видно открытых ран, тело действительно выглядит так, что его сбросили с большой высоты. Ведь похоже, лейтенант?

Все взгляды устремились на Форда. Казалось, что на него смотрят абсолютно все присутствующие, а также звери, обитающие за периметром ограждений.

– Да, так и есть. Похоже, – Форд именно так и думал в начале. – Но откуда именно? – все дружно задрали головы вверх.

– Свидетельница утверждает, что они в этот момент находились на втором этаже, – подал голос сержант. – Если учесть, что мы находимся на дне бассейна, то сбросить его должны были как раз с края бортика. – увидев хитрую ухмылку Форда осекся. – Но... здесь далеко-далеко до бортика... Возможно свидетельница ошиблась... Можно... Обязательно расспросим ее позже, – тут его посетила новая мысль. – Если только убийца не использовал трос, перекинутый через балку!

– Все это при условии, что это убийство. Совершено оно именно здесь. И свидетель, при этом, не ошибается. Тогда это спланированное убийство. Звучит крайне странно, да еще и

глупо. Но, пока что это самая правдоподобная версия. Есть, что еще можете добавить? Нет? Отлично. Товарищ новый эксперт, мне нужна вся медицинская и техническая информация по делу. Просить наших медиков составить отчет – дело гиблое, да и вряд ли простой смертный сможет там что-то разобрать в их писанине... Поэтому, доверяю это Вам. За техническую часть я спокоен.

Форд снова склонился над телом. На этот раз его интересовали одежда и аксессуары. Одежда выглядела модно и дорого, вполне возможно так и есть. На руке блестели часы. Золотые?

– Сержант, Вы проверяли часы? Можем по ним определить момент смерти?

– Никак нет. Дело в том, что они все еще «ходят». Стекло, конечно, поцарапалось, но механизм цел.

– Значит, дорогие. Это если учитывать, что тело действительно упало с большой высоты, а не было перенесено позже... Пр продемонстрируйте, пожалуйста.

Сержант и эксперт переглянулись, не поняв, к кому именно обратился Форд. И приняли решение исполнить просьбу сообща. Эксперт приподнял руку, а сержант аккуратно развернул часы, чтобы был виден циферблат. Рука провисла как резиновая, будто в ней вообще не было костей. Сержант и стажер-эксперт скривились от отвращения.

– Достаточно, – остановил их Форд увидев голубой блик на часах. – Сапфировое стекло. Часы, явно не из дешевых. А, что в карманах?

– Только бумажник. В бумажнике полно наличных. Никаких документов.

– Банковские карты?

– Нет.

– Богатей, гуляющий по стройкам... Неудивительно, что он не брал с собой документы. Не пользуется картами? Маловероятно, но не так уж невозможно... Иными словами, если, что и пропало, то мы не знаем. Что скажите, сержант? – тот лишь развел руками. Форд не мог его винить, он сам не до конца все понимал. – Девушка сказала что-то про «убийцу»? Она может его опознать или хотя бы описать?

– Высокий. Длинные волосы. Одет в черный костюм.

– Спортивный?

– Классический. Это все, что она может сказать.

– Сержант, на Вас поиск владельца полуботинка сорок четвертого размера. Если еще не в курсе, обратитесь к нашему Новому эксперту – он просветит. Плюсом опрос свидетеля. Необходимо составить фоторобот или хотя бы более детальное описание. И узнайте, что она здесь делала и кто здесь был. Даже если она будет пороть чушь про демонов или пришельцев – мне нужна эта информация. И найдите мне аспирин и салфетки. Разойдись!

Первое стоящее дело и сплошной непрофессионализм, а, как следствие, сплошные загадки. Тьма снова начала сгущаться...

I

– Жги ее! Жги ведьму! На костер! Быстрее!

Анна посильнее закуталась в платок и перебежала на другую сторону мостовой. Мимо неслась толпа грязная и оборванная. Сплошь пьянчуги да базарные бабы, если не хуже.

– Огонь! Огонь! Огонь! – кричали беззубые рты.

Анна невольно прижала платок к лицу. Чисто машинальное движение, чтобы защититься от вони. Этот городишко и так не благоухал, но смрад от толпы был невыносимый! Анна посильнее прижалась к рыбным лоткам в надежде, что, хотя бы запах дохлой рыбы перебьет невыносимую вонь. Не помогало. А чего еще можно ожидать от общества, что считает водные процедуры безумием?

Между тем толпа росла. Все больше и больше людей присоединялось, чтобы если не принять участие, то хотя бы наблюдать смерть ведьмы. Наконец, Анна рассмотрела саму «ведьму». Маленькая чумазая и нагая девушка, что тащили на привязи. Черных крыльев у нее за спиной не было. Никаких огненных следов за ней не было. Воздух не дрожал от адского пламени, что сжигало ее душу. Обычная деревенская девчушка. Вполне красивая, если счистить грязь с личика. Разве что слегка худая.

За «ведьмой» бежали дети и с веселым гиканьем кидали в нее огрызки и камни. Те взрослые, что не присоединились к толпе тоже вносили свою лепту. Выливали помой и кипяток на голову несчастной девушки. Замыкал эту процессию священник с раскрасневшимся опухшим лицом.

Анна попятилась прочь от толпы и наткнулась на препятствие. Препятствием оказался огромный мужчина, стоящий у прилавка с рыбой. Он не обратил никакого внимания на Анну, поднял рыбешку покрупнее, повертел в руках и вернул на прилавок. Затем подошел к прилавку с фруктами, взял яблоко и принялся вертеть, как и рыбу до этого. Не глядя протянул деньги продавцу, но тот даже не пошевелился. Мужчина все с тем же безразличием спрятал деньги и направился в толпу. Тем временем продавец схватил с прилавка рыбу, что вертел в руках мужчина и бросил на мостовую. «Палач!» – прошипел продавец и сплюнул. Даже сидящие неподалеку нищие старцы, что не смогли присоединиться к толпе в силу немогущности, побрезговали рыбой. А вот уличные коты – нет. Они принялись терзать тушку прямо на мостовой. Чем напомнили Анне ненавистную гогочущую толпу. Настроение было окончательно испорчено, что она даже забыла цель своего визита на рынок.

Анна повернулась уйти прочь и снова наткнулась на препятствие.

– Здравствуй, Анна! – сказала препятствие скрипучим женским голосом. – С каких это пор ты в друзьях с Кетчем?

– Кетчем? – растерянно переспросил Анна. Потом ее глаза округлились. – Это был Джек Кетч?

– Нет, конечно! Он же вроде умер. Хотя, кто знает наверняка?

Анна понемногу успокоилась. Действительно, с чего бы Кетчу быть живым? С другой стороны, весть о его кончине не более, чем слухи. Но сам факт встречи с палачом радости не вселял. Да еще эта «ведьма»...

Анна, наконец, рассмотрела собеседницу. Грязно-рыжие спутанные волосы, выступающие вперед огромные лошадиные зубы, один глаз косит в сторону. Анна узнало это лицо. Они вместе девчонками бегали по полям.

– Ах, это ты! – имя Анна не вспомнила. – Как же давно мы не виделись!

– Да, с тех пор как пропал твой отец.

– Да... Давно это было. Вы с семьей перебрались в город.

– Да, чтоб твоей матери было проблематично заходить к моему отцу.

- Ложь!
- Ходят слухи.
- Была рада тебя повидать! – Анна развернулась прочь.
- Уже уходишь? Не останешься на казнь?
- Казнь? Так скоро?
- Так эта тварь созналась.
- Нет, я не останусь.
- Ты ничего не купила. На казнь не останешься. Так зачем приходить в город?
- Не твое дело!

Анна отпихнула рыжую в сторону и направилась прочь из отвратительного города. Напоследок она обернулась и увидела, что рыжая все еще стоит на месте и смотрит ей в след. Ее лицо ничего не выражало. Может она и не хотела обидеть Анну, может она слишком глупа?

Анна сошла с тропинки ведущей к дому и углубилась в лес. Местные сторонятся леса, да и матушка запрещает в него ходить. Но все это от невежества. Нет в нем никаких духов и прочей нечисти. А если бы и были, дали бы они протоптать тропу? Мягкий солнечный свет струился сквозь шелестящие зеленые кроны. Пение птиц дополняло умиротворяющую картину.

Анна дошла до небольшого ручейка и осмотрелась, нет ли кого поблизости. Убедившись, что она одна принялась смывать с себя запахи, что налипли на нее в городе. Прохладная вода лишь подбадривала девушку. Выбравшись из воды, Анна на скорую руку оделась и распустив волосы побежала к дому, ощущая дуновение ветерка влажной кожей. Не добежав до дома Анна остановилась, привела себя в порядок и только после этого переступила порог.

- Разве ты не должна была что-то купить? – окликнула ее мать с порога.

Анна рассказала и про «ведьму», и про встречу с палачом. Не забыла упомянуть и о грязной рыжей девчонке и их разговор.

– Змеиный язык! Что еще она наговорила? Не забыла ли она рассказать, что именно с ее папашей отправился твой отец на охоту – на оленя. А вернулся один! Мол, твоего отца волки задрали. Да только не было в этих лесах волков отродясь! Сколько охотники ни ходили, ни одного не встретили. Слышала бы ты, что этот сын шлюхи сочинял, когда напивался! Про оборотней плел. Только пьяная его башка никак запомнить не может, что он врет! То на отца оборотень напал, а то он и сам оборотнем был! И ты, получается, дочь оборотня – тоже проклятая.

Глаза Анны округлились от ужаса и непонимания.

– Сколько я не ходила к нему, чтобы правду узнать, да все без толку. Врет! Пьянствует и врет! И чем дальше, тем хлеще. И в город они перебрались потому, что хозяйство на пару с женой пропили. А дочь их, дура душой, болтает о том, чего не знает!

- Так почему ты не расскажешь?

– Кому? Сброду? с которым они бутылку распивают? Их-то истории все интересней наших. Ладно, раз уж ничего не принесла, то иди хоть овощей с грядки надергай.

- Ты мне расскажешь про отца?

- Расскажу. Но сначала нужно поесть. Иди в огород.

Ни мать, ни дочь не хотели тревожить старую рану. Но это было необходимо. Слухи расплзались, как змеи из худого мешка.

Усталое солнце клонилось к горизонту. Теряя силы, оно красило небо в пурпурный цвет, а на листья играло рыжим огоньком. Вскоре огонек угас, и ночь вступила в свои права. Звонкая трель птиц уступила место стрекоту сверчков.

Мать с дочерью ужинали в тишине, экономя силы для предстоящего разговора. Воспоминания всегда нелегко даются, особенно болезненные. Ночь стояла тихая и безлунная. Тем удивительнее было услышать в ночи невнятный гомон со стороны города. С приближением шума усиливалось и чувство тревоги.

- Чего они хотят, мама?

– Собирай вещи! Видимо, эта рыжая тварь возбудилась сильнее обычного! Интересно, что такого ты ей сказала.

Анна хотела возразить, что ничего «такого» она не сказала. Но, в этот момент за окном вспыхнули факелы. Гораздо ближе, чем ожидалось. Интуитивно женщины бросились к двери. И в этот момент дверь отворилась, и вонь ударила Анне в нос, буквально сбив ее с ног. А потом грязная толпа навалилась на нее. Казалось, словно ее окунули в помой города, скопившиеся за много лет. И эта грязь, эта скверна теперь проникала внутрь нее. Анна захлебнулась и ее сознание покинуло тело. И слава богу! Ей повезло не знать, что толпа делала с ее телом.

Мать Анны сражалась, как только могла. Она кричала всевозможные проклятия и угрозы. И ни на миг не оставила попытки защитить дочь. Никто не ожидал особого сопротивления от старухи. И очень зря! Несколько человек, мужчин или женщин, лишились зрения частично или полностью. Кто-то лишился остатка зубов. А кто-то остался без более важных органов, определяющих половую принадлежность. Но силы покинули старческое тело и мать Анны тоже оказалась на полу. От надругательств ее спасло только чудо, а точнее проклятие. Проклятие в виде инквизитора, известного как Судья. Лишь немногие смельчаки называли его полное прозвище – Судья-Палач. Он был худощав и высок, но обладал огромной силой. И сила эта было не только физическая, но и духовная.

Судья пнул ближайшего пропойцу, что извивался рядом с телом Анны. И тот кубарем прокатился через всю комнату. Остальные вмиг вскочили на ноги, попутно подтягивая портки. В доме моментально воцарилось молчание. Никто не смел даже пошевелиться. Только сверчки и ночные птицы не боялись нарушить тишину.

– Нет иного суда, кроме Божьего! И я, судья, Глас Его! И вот мое слово: «Оставьте этих бедных женщин! Но доставьте их в храм!»

Толпа засуетилась. Но, Судья поднял руку, и все снова замерли.

– Не вы!

Комнату заполнили монахи в черных одеяниях. Они резко контрастировали с толпой и иными священнослужителями. Лица были покрыты золой. Их черные аккуратные одеяния не имели ничего общего с грязными рясами местных священников. Черные монахи нежно подхватили тела двух женщин, и так же плавно и неспешно удалились. А вместе с ними удалился и Судья. Толпа в недоумении рассматривала опустевшее жилище, прикидывая, что делать дальше.

– Мы должны сжечь логово ведьмы! – раздался неуверенный голос.

– Судья ясно дал понять, что мы должны их оставить, – возразил другой.

– Он ничего не сказал о доме...

Толпа перекрикивалась, поочередно приводя различные доводы. Никто не осмеливался высказаться дважды.

– Если такой смелый – давай! Жги! Только скажи, какие слова выбить на твоём надгробии!

Толпа разошлась, оставив дом нетронутым. Даже самые смелые и отчаявшиеся ни к чему не притронулись. И только змеи и прочие ночные гады начали стягиваться к опустевшему остывающему жилищу. Дурной знак.

XV

*И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застукал,
Будто глухо так застукал в двери дома моего.
«Гость, – сказал я, – там стучится в двери дома моего,
Гость – и больше ничего»¹.*

Тук!

Дэш попытался открыть глаза, но у него не получилось.

Тук!

Звук повторился. Дэш попытался пошевелиться – опять не вышло.

Тук!

Это был звук капающей воды на деревянную поверхность. Дэш хотел закричать, но тут волна страха накрыла его с головой – он не мог набрать воздуха.

«Это сон, – подумал он. – Это безусловно кошмар».

Но физиологические ощущения были невероятно остры, никакого парения или других необычных телесных ощущений не было. Как не было и галлюцинаций – только тьма, в которой мерцали фиолетовые звезды, сливаясь в галактики и туманности. Это был не сон – Дэш явно бодрствовал. И не мог дышать. Созвездия во тьме сознания сформировались в «Ночной кошмар» Фюссли. Эта была одна из картин на которой изображен страшный демон, сидящий на груди спящей женщины. Под воздействием кошмарного образа страх усилился еще сильнее. Дэш вспомнил рассказ прабабки, которая верила, что удушье вызвано весом разгневанного домового, и чтобы от него избавиться, необходимо трижды прочесть «Отче наш».

Дэш верил в Бога, но верил по-своему и потому не придерживался какой-либо определенной религиозной конфессии. В попытке освободиться от власти морока², за неимением другой альтернативы он начал повторять про себя молитву. Как ни странно, тяжесть с груди начала спадать. Но открыть рот, для того, чтобы набрать воздуха все еще не получалось. Дэш рискнул, открыть глаза, ожидая увидеть жуткую уродливую рожу демона. Зрение было расфокусировано, но ничего кошмарного потустороннего в пределах видимости не было. Постепенно из тумана начали вырисовываться различные предметы интерьера. Свет свечей на длинном кованом подсвечнике, играющий на стенах из крупного серого кирпича, придавал помещению, какой-то готический вид. Дополнял картину витраж, изображающий рыцаря (судя по всему), защищающего прекрасную даму. Особенно удачно, по мнению Дэша, получились меч в руках рыцаря и роза у дамы соответственно.

В очередной раз посторонний шум выдернул Дэша из небытия. На это раз к шуму воды, к которому Дэш уже привык, добавились голоса, доносящиеся откуда-то сверху.

– Ты уверен, что это необходимо?

– Да не паникуй ты! Так надо. Вот увидишь, когда все получится...

Дэш попытался позвать хоть кого-нибудь, но не смог разомкнуть челюсти. Он решил ощупать лицо, чтобы понять причину своей неспособности открыть рот. Он поднял руку, но одновременно с ней поднялась и вторая. И уже вместе ударились о деревянное препятствие.

– Ты слышал? Что это? Ты же говорил никого нет?

¹ «Ворон», Эдгар Алан По, в переводе М. Зенкевича, 2002.

² Мара (др. – рус. мара, рус. мара, мброк, змора). В европейской мифологии – злой дух, демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны, сопровождающиеся удушьем под весом демона, отчего сами дурные сны также стали носить имя кошмара.

Внезапно сверху раздался дикий шум. И вместе с потоком воды вниз рухнул перепуганный паренек. Его лицо было бледнее мела. Еще бы. Ведь он свалился прямо на гроб, из которого на него смотрел мертвец, издавая протяжный стон.

Дэш понимал нелепость ситуации. Он лежал в гробу со связанными руками и подвязанным подбородком – все, что ему оставалось, это пучить глаза и мычать. Паренек недолго думая запрыгнул обратно в дыру из которой выпал. По потолку раздался перестук ног двух беглецов, и менее чем через секунду их голоса раздавались за пределами помещения.

Дэш так и не смог открыть нижнюю крышку гроба, скрывающую его ноги, а потому стал извиваться как червяк медленно подползая к изголовью. Наконец, ему удалось перегнуться через борт гроба и освободиться от этого жуткого заключения. Он пережег ленту, связывающую руки и избавился от ненавистной подвязки на подбородке. Набрать полную грудь воздуха все равно не получилось. Вздых вышел каким-то хриплым, словно вместо горла была ржавая труба. Дэш попробовал еще раз. Вышло получше, но в итоге он зашелся таким диким кашлем, будто вместо воздуха вдыхал ядовитый дым. Прокашлявшись, он решил, что все надо делать не спеша. Необходимо дать легким привыкнуть, ведь если организм впал в летаргический сон, то ему требуется малое количество кислорода, чтобы поддерживать жизнь. Летаргический сон – единственная причина, по которой живого человека могут запихнуть в гроб с целью дальнейшего захоронения. Ведь Дэш был определенно жив – он двигался, дышал, мыслил.

Воздух вновь заполнил легкие, а сердце начало его доставлять органам вместе с кровью. От чего туман в голове рассеялся, и демоны вновь отступили в темноту. Никто, как ожидал Дэш, так и не откликнулся на шум. Беглецы не привели охрану или священника. Даже смотритель кладбища не явился. Дэш узнал место, в котором находился – это был дом гробовщика, переделанный из старого храма.

Храм был возведен задолго до появления города. Со временем вокруг него разрослось кладбище. В начале, здесь устраивали службы, играли свадьбы и, что чаще прочего, отпевали покойников. Удаленность от основных дорог и центра города привела к тому, что в храме проводили только отпевание, а в результате и вовсе забросили. Тогда старый гробовщик переселился из своего ветхого дома за кладбищем в здание храма и переоборудовал его под свои повседневные нужды. Именно в то время у общественности проснулось сознание: насколько этично превращать храм в жилище? Но волнения быстро поутихли после того, как ни одно общественное объединение не решилось взять на себя расходы по содержанию здания. Не обращая внимания ни на кого, гробовщик оставил одно помещение нетронутым – то самое в котором проводили заупокойные службы. Своими действиями он невольно подстегнул интерес к старому храму. Просторное помещение вновь стало последним приютом для горожан. До этого, люди использовали под эти нужды свои собственные квартиры, поскольку храм построенный в черте города был настолько мал, что вполне мог сойти за часовенку. Не раз и не два, городские власти покушались на новое жилище гробовщика, но как только все упиралось в деньги, тут же отступали. Нынешний мэр, хоть и привел городок к процветанию, развернул целую кампанию против переоборудованного храма, чем вызвал всеобщее недоумение. Но, тем не менее, кампания эта на данный момент так и не увенчалась успехом.

В ожидании кого-либо Дэш досконально изучил стены и архитектуру здания. Напротив массивных дверей, которые были, безусловно, заперты снаружи, располагался витраж с рыцарем. Стена, прилегающая к жилому помещению, была свободна от каких-либо икон. Они и не требовались. При постройке храма, образы почему-то рисовали прямо на стенах. И по прошествии времени они стали проявляться поверх свежей краски, что незамедлительно привело к появлению различных лжепророков, проповедующих как спасение, так и гибель. Но люди видели в проступивших образах скорее благую весть, нежели проклятие.

А вот у противоположной стены располагались гробы. Всего их было четыре, включая и тот, из которого выбрался Дэш. Все они были открыты и Дэш поддавшись любопытству подо-

шел к первому из них. Он оказался не пустой, в нем лежал мужчина. Он был похож на отца, но только отец никогда не пользовался косметикой... И тут до Дэша дошло: это ЕГО ОТЕЦ! Он мертв, а над ним поработал криворукий визажист, исказив черты родного человека до неузнаваемости. Дэш машинально провел рукой по лицу и заметил, что на ней остался толстый слой грима. Холодом по телу пробежала мысль о том, что его тело подвергли тем же процедурам, что и любого покойника. А это значит, что ЕГО ТОЖЕ ПОДВЕРГЛИ БАЛЬЗАМИРОВАНИЮ, и в нем теперь плещется формалин.

Бесконечно долго Дэш простоял неподвижно осознавая ситуацию. Что его больше поразило? Тело отца? Процедура погребения? Но он жив, да и не испытывал никаких неудобств или болезненных ощущений. Может процедуру бальзамирования не проводили? А раз так, то может и его отец спит?

Дэш перегнулся в полной уверенности через гроб и дотронулся до сонной артерии. Пульса не было и не будет, сколько бы он не ждал. Он понял это едва коснувшись тела – оно было холодным. Но Дэш упорно отказывался в это верить.

– Пап... – прошептал он. В одном единственном слове эхом отразились любовь, скорбь, сожаление о не использованных возможностях, о не сказанных словах. Слезы катились по его щекам. Он хотел кричать, но из горла вырвался лишь хриплый стон отчаяния. Ничего не вернешь, ничего не исправишь...

Дэш осознал, что рыдает стоя на коленях, прижав руки к груди. Он захотел подняться, но ноги не слушались. Руки свело судорогой. При попытке ухватиться за стенку гроба боль в руках разрослась по телу и заставила осесть обратно на каменный пол. С огромным усилием он поднял голову, и не в силах более смотреть на гробы перед собой, повернулся в дальний угол. К своему ужасу он обнаружил еще два гроба, стоявшие в тени. Один из них был меньше остальных. И Дэш знал *кто* находится в них.

Дэш пытался к двери, карусель мыслей вращалась с бешеной скоростью. Одна мысль мелькала чаще остальных: «Я должен убраться отсюда! Не важно куда, не важно как. Переместиться во времени или пространстве». Стоило только уцепиться за эту мысль, как тело стало невесомым, все видимое пространство сжалось в одну далекую точку, и не было больше и боли, ни отчаяния. С облегчением Дэш понял, что теряет сознание.

«Пусть так. Лишь бы подальше отсюда!»

Его снова окутывает тьма. Но не привычная крошечная тьма, а то странное фиолетовое марево различных оттенков, что и в момент своего ужасного пробуждения. Только без кошмаров. И без забвения. Из тумана vyplывают кресты и надгробия. Постепенно кладбище сменяется лесом. Различные места и пейзажи периодически являются Дэшу, то становясь четкими, то снова расплываясь. Сначала, Дэшу казалось, что он бредет сквозь толщу воды – медленно и неуклюже. А мир вокруг него, хоть и играет красками, но не позволяет зрению сфокусироваться на чем-то конкретном. Стоит присмотреться к предмету, как он тут же уплывает куда-то во тьму, оставляя после себя лишь блик на воде. Так было со всеми, кроме одной пары, шагающей вдоль дороги. Теперь Дэшу кажется, что он идет сквозь туман – идти стало легче, но видимость стала хуже. Туман как туман. Он скрывает все, кроме силуэта вдалеке, который словно подсвечивали фонариком с цветным светофильтром.

Туман начал потихоньку редеть и превращаться в дождь. Капли холодной воды вывели Дэша из транса. Он больше не был заперт с гробами в помещении старого храма. Он стоял возле огромных железных ворот, ведущих вглубь спортивного комплекса. Частично разрушенного, частично недостроенного. На воротах была цепь, но странная парочка каким-то образом умудрилась пройти сквозь них. Дэша захлестнуло сверхъестественное любопытство. Он стал обходить забор с целью найти какую-нибудь лазейку. Он должен добраться до них.

Ведомый потусторонней силой Дэш вскоре нашел отогнутые прутья в заборе, через которые он вполне мог протиснуться. Некогда ухоженный лесок, обрамляющий территорию

комплекса, стал абсолютно диким и труднопроходимым. Деревья и кустарники полностью поглотили хоккейную коробку, Дэш с трудом заметил полусгнившие защитные бортики. Скорректировал свой маршрут и пройдя мимо ржавеющих турников, вышел на заросшее травой футбольное поле. Стоя возле западных ворот Дэш осмотрелся. За противоположными воротами разрастался лес. Справа возвышались руины трибун. Слева за теннисным кортом виднелось недостроенное здание бассейна. В проемах которого Дэш заметил странный огонек. Это не был огонь в привычном понимании, скорее он напоминал маяк испускающий потусторонний свет. Словно мотылек Дэш устремился к свету, не совсем отдавая отчет своим действиям. И только оказавшись на лестнице, он задумался о происходящем. Он вспомнил все, что видел и чувствовал последние несколько часов. Но ни пробуждение в гробу, ни тело отца не получили отклика в душе. Он должен был ужаснуться, но чувство, которое он испытал было больше похоже на недоумение.

Долгое время Дэш стоял, прислушиваясь к чувствам. Это было сравнимо тому, что вглядываться во тьму – не видно ровным счетом ничего, и только воображение рисует какие-то картины, не имеющие ничего общего с действительностью. Дэш помнил, что еще недавно им владели паника, ужас, отчаяние. А сейчас... ничего, только недоумение и любопытство.

Дэш стал слушать голос разума. Первоначальная гамма чувств, нахлынувшая на него при пробуждении, являла собой адекватную реакцию на случившееся. А сейчас полная апатия – это не естественно. Единственное, что пришло на ум – шок.

Дэш поднял голову вверх и снова увидел отблески странного света. Что не так с этими людьми? Почему Дэша к ним так ненормально влечет? Есть очевидный способ это узнать. Он набрал полную грудь воздуха и поднялся.

Никакого откровения не случилось. Просто молодая парочка, зажимающаяся в углу. Девчонка все время хихикает, а парень усердно пыхтит, стараясь ее поцеловать. Обычная мясная возня. Дэш даже слегка разочаровался.

– Ой! – послышался писк в углу.

Парень обернулся. Теперь Дэш смог его рассмотреть: это был высокий, подкаченный и довольно привлекательный молодой человек.

– Нравится подсматривать, урод? Так я тебе сейчас все покажу, – что-то Дэшу в нем не понравилось. Не явная злоба и угроза в словах. Что-то не так во взгляде.

Дэш был высокий и нескладный, словно вешалка на ножках. И хоть он был не силен, постоять за себя он умел. Самый простой способ избежать драки с противником – сделать шаг в сторону. Так Дэш и поступил. Кулак нацеленный в его лицо пролетел в пустоту, увлекая своего хозяина. Воспользовавшись передышкой Дэш рассмотрел девушку: ничего необычного – обычная серая мышка в сером тумане на фоне серой стены.

Дэш обернулся и столкнулся с парнем девушки лицом к лицу. Его внешность также не представляла интереса. Только глаза. Именно они излучали тот самый загадочный свет. Дэш пытался присмотреться повнимательнее, но тут же пропустил удар в лицо. Боли не было – только обида. От следующего удара Дэш увернулся и схватил нападавшего за горло. На мгновение Дэш ужаснулся своего поступка, но затем он заглянул в глаза противника. Воистину глаза – зеркало души.

В них отражается целый мир пороков и разврата. Дэш словно находится внутри этого мира. Он видит малые проступки и невинные шалости. Эти видения его не беспокоят, хоть Дэш и видит в них себя. Но в самых потаенных уголках этого развращенного мира его взору открываются садизм, изнасилования, убийства. Их не много, но чем глубже забирается Дэш, тем более жестокими и изощренными они становятся. А вместе с тем образы жертв, словно, обретают материальную оболочку и представляют уже не эфемерную, а реальную угрозу. Они клубятся возле Дэша, нашептывают ему, призывали к действию.

«...не... как... он... отпусти... нас... забудь... не стоит... остановить...»

Дэш не смог составить внятного предложения, равно как и понять, чего хотят призраки. Не иначе призыв к мести, но Дэш не готов. Не готов до тех пор, пока не видит последнее убийство. Жестокое убийство целой семьи. То, что видел Дэш до этого, вызывало только отвращение к той мерзости, что он держал за горло. Но то, что видит он сейчас, будит в нем звериную ярость. Он начинает терять контроль, готовясь исполнить волю призраков. Но в последнем шаге от непоправимого, он закрывает глаза и трясет головой отгоняя морок.

Дэш почувствовал неприятное покалывание в левом виске и открыл глаза. Перед ним все еще было лицо Мерзости. Только в глазах больше не было мистического света, только безумный страх. И дело было вовсе не в том, что Дэш держал его на вытянутой руке над пропастью. Дэш проследил за взглядом и увидел то, что именно вселило страх в его жертву.

Призраки вырвались из своего иллюзорного мира и уже кишели на дне бассейна, протягивая свои руки к жертве, зависшей над ними. Их становилось все больше, они испускали едва уловимое свечение. Некоторые окружили Дэша, некоторые его жертву. В воздухе были слышны призрачные призывы. Их смысл ускользал от Дэша, пока он не понял, что в этот раз они адресованы не ему. Полупрозрачные силуэты кружили над жертвой, просачивались сквозь тело, заглядывали в глаза. А под ними расстилалась тьма: ни бетона, ни земли, ничего больше не было под ними. Мерзость в руках Дэша продолжала шипеть и кряхтеть, но взгляд теперь сменился со страха на ненависть. В этот момент Дэш услышал над ухом знакомый голос: «...отпусти...» Прежде, чем Дэш успел, что-либо осознать, духи вспыхнули ярким светом и набросились на свою жертву, буквально вырвав из рук Дэша. Мерзость в человеческом облики билась в агонии. Ей было страшно, она страдала – и это были невообразимые муки, не доступные этому миру. Каждый микрон мышц испытывал боль от вгоняемой под ноготь иглы. А природу того нестерпимо неприятного чувства, пронизывающего кости можно было сравнить с ощущением пережевывания ржавых бритвенных лезвий.

Призраки увлекали Мерзость в глубины тьмы. И чем глубже они спускались, тем уродливее они становились. Они превращались в гниющие разлагающиеся трупы – мертвецов, коими они и являлись. Дэш огляделся. Часть призраков кружила возле Дэша. Их вид оставался неизменным, и Дэш узнавал в них жертв мерзости. Казалось, они пытаются что-то сказать. Но их было слишком много, и Дэш защитился – закрыл свое сознание от них. Постепенно призраки рассеялись, оставив за собой лишь тело молодого парня на дне недостроенного бассейна.

Дэш стоял на краю глядя вниз, на растворяющуюся тьму. А дождь все смывал краски с окружающего пространства. Вскоре окружающий мир потерял для него интерес. И он ушел.

XVII

Форд, наконец-то, добрался до участка. Он только и успел снять плащ, прежде чем сесть, а точнее провалиться в преимущество отдельного кабинета – кресло. Сам кабинет Форда не выделялся среди других кабинетов. Стеллаж заставленный различной документацией, завядший цветок на подоконнике, скрипучий стул, стол, заваленный бумагами, старый дисковый телефон, небольшая настольная лампа и кресло. Не в бездушное офисное кресло, а в комфортабельное мебельное изделие со спинкой и мягкими подлокотниками. Кресло перекочевало со старого места службы, где выполняло те же функции – помогало отдохнуть умственно и физически и сконцентрироваться. Вот и сейчас, придав телу долгожданное состояние покоя, Форд начал разгонять свой подтормаживающий из-за болезни и антибиотиков мозг, чтобы вспомнить, где именно видел лицо бедолаги со дна бассейна. Теперь он был точно уверен, что ему не показалось – жертву он знал. И как назло, мысли сталкивались, разбредались, путались. И в итоге Форд поймал себя на том, что проваливается в сон и открыл глаза. Часы на столе сообщили, что лейтенант благополучно проспал не менее сорока минут. По доносившимся из-за двери звукам в отделе кипела если не работа, то бурная имитация, уж точно.

Совость не заставила себя долго ждать. Не исключено, что именно лейтенант Форд, объясняя принципы работы и функции государственных служб по раскрытию преступлений утром у бассейна, послужил первоисточником напряженного рабочего процесса. А теперь благополучно спит в своем кабинете в разгар рабочего дня. Ощувив души растление Форд откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Беда в том, что совость пришла не одна. С ней пришло чувство беспокойства – что-то явно было не так. Со временем до Форда дошло, что он слышит голоса, а точнее голос. Голос явно был женский, но слова не складывались в осмысленный текст. Это был салат из словосочетаний вроде: «я обещала» или «выборы мэра», кажется, было даже «у меня нет времени».

– Отлично! Галлюцинации. Пора завязывать с таблетками.

– Что?! – резкий вопль заставил лейтенанта открыть глаза.

Галлюцинация оказалась не только слуховая, но и зрительная. Возле стола свирепствовала Лайка. Лайкой прозвали отнюдь не собаку, а целого руководителя отдела по связям с общественностью. Целого, потому, что некоторые части тела были гордыми обладателями своего собственного прозвища. А собаку звали Лиза...

Прежде, чем мысли лейтенанта отправились в свободное плавание, он заметил в руках галлюцинаторного образа папку.

«Итак, либо мое подсознание хочет довести до меня какую-то вещь, связанную с делом. Либо Лайка действительно здесь», – подумал лейтенант и начал прислушиваться в надежде осознать происходящие. А образ руководителя отдела продолжал метаться по кабинету и бесвязно выкрикивать слова, а иногда и целые словосочетания, которые, к сожалению, ясности в происходящее не внесли. Окончательно убедившись в том, что у него галлюцинации, лейтенант сосредоточился на том, что именно пытается сообщить его подсознание.

Начать решил с самого образа руководителя отдела по связям с общественностью. Подсознание воссоздало образ с поразительной точностью.

Несмотря на прозвище, эта женщина с собакой не имела ничего общего. Будучи руководителем целого отдела по связям с общественностью женщина просто обязана следить за внешностью: модная стрижка, ухоженные ногти (в том числе и на ногах), разумное соотношение количества и качества косметики на лице. Лайка делала все вышеперечисленное, чтобы предстать перед журналистами во всей красе. По мнению Форда, все ее старания сходили на нет при весе свыше одного центнера. За особенное телосложение лейтенант прозвал ее «Боевая тумба». И вот, воинственный предмет мебели бушевал в кабинете. Ничего необычного,

она, кажется, вообще не умела спокойно общаться с людьми. Разумеется, кроме случаев, когда необходимо пресмыкаться перед сильными мира сего или красоваться перед камерами. К слову о камерах, Лайка презирала научный прогресс, который, по ее мнению, являлся неопровержимым доказательством существования дьявола. Из всех изобретений человечества она освоила самое бестолковое – телефон. Причем освоила в совершенстве. Технология, призванная объединить людей, лишь отдалила их друг от друга, подарив возможность избавить себя от необходимости встречи с человеком по самой нелепой, порой даже мимолетной, причине. А в руках Лайки телефон превращался в орудие пыток, с которым она никогда не расставалась. Если она заявила лично, значит дело действительно срочное и важное. Для нее.

Форд смотрел на подобную картину не первый раз. Собственно, лейтенант был рекордсменом по просмотру. За месяц с небольшим, что он здесь проработал, Лайка устраивала в его кабинете подобное шоу гораздо большее количество раз, чем за все время во всем здании.

Месяц назад Форд переступил порог участка расположенного в Городе Печали. Разумеется, на карте город обозначен иным именем. Никаких исторически значимых событий в городе не происходило. Инфраструктура, если еще не разваливалась, то уж точно трещала по швам. Да и погода не радовала – солнце появлялось на несколько часов не чаще раза в неделю. Население города едва ли превышало сто пятьдесят тысяч человек, так что, после пяти лет службы в крупнейшем городе региона, этот перевод можно считать ссылкой. Но Форд принял ссылку с облегчением по нескольким причинам.

Он презирал людей, их эгоизм, отношение друг к другу и лицемерие. Люди умудрились не просто отдалиться, а огородиться стеной друг от друга, забыв при этом, что именно единство позволило им выжить. Они презрели все нормы и правила! И умудряются гордиться этим! Разумеется, Форд избегал людей, а точнее они избегали его – он не скрывал своей неприязни к окружающим и люди отвечали ему взаимностью. И чем меньше людей встречал Форд, тем лучше себя чувствовал, а в городе-миллионнике избегать встреч с людьми не просто. Мегаполисы были ему в тягость. Форду повезло, во всем море лиц он встретил несколько настоящих живых людей, которые стали близки ему. Но счастье неечно, и теперь на старом месте его ничто не держало. Все это привело к тому, что Форда ожидало либо служебное расследование с последующим заключением, либо перевод в другой город к черту на рога. Естественно, он выбрал второе.

Чтобы перевод не вызывал лишних вопросов Форда повысили в звании до лейтенанта. По прибытии, его встретил начальник участка. Состояние Форда не позволяло сконцентрироваться ни на чем кроме собственных проблем и обид, в результате, через день после зачисления в штат о своем начальнике он не мог сказать абсолютно ничего и называл его не иначе как Шеф.

Затем, на следующий день после официального приветствия, Шеф отправился в заслуженный отпуск. И тут на первый план вышла, если учесть формы – выплыла, словно раздувшийся труп по течению, Лайка. Каким образом руководитель отдела по связям с общественностью оказался у власти в участке, Форд первое время не понимал. После нескольких дней наблюдения за работой своих коллег все встало на места. Толковых сотрудников было немного. Самым известным из них был лейтенант по фамилии Мордехай. Собственно, именно на его место пришел Форд. Никто кроме Мордехая не обладал достаточными профессиональными навыками и авторитетом, чтобы можно было безболезненно восстать против диктатуры Лайки. Если не можешь победить – объединяйся. Так, Мордехай стал любимым любимцем Лайки. Ему доставались только те дела, раскрытие которых могло поспособствовать продвижению по службе или росту популярности. Его имя периодически мелькало на страницах газет и журналов, а лицо – на телевидении.

Вместе с его кабинетом, он получил все дела, которые вел Мордехай. По сути, все они были уже раскрыты, оставалось их только оформить и сдать в архив. Судя по всему, Морде-

хай испытывал те же трудности с бюрократией, что и Форд, только в большей степени. За два месяца Форд все же умудрился отправить все дела по папкам и отправить в архив.

Папка!

Все это время галлюцинация размахивала папкой с делом. И тут, лейтенант усомнился в нереальности происходящего. Буря в кабинете разрослась до стихийного бедствия регионального масштаба и начала двигать предметы. Значит, ненавистная Лайка действительно находится в кабинете и пытается освободить место на столе Форда, чтобы разместить на нем дело.

Лейтенант узнал папку по оранжевой бирке, которую сам же и наклеил. Мордехай принес ее пару дней назад. Идеальное дело. Банда отморожков сожгла дом вместе с семьей. Предполагается, что основной целью был отец семейства, так как он работал в администрации города, занимался сделками, связанными с недвижимостью. Точнее, всем, что связано с землей. По одной версии он был слишком честным и перешел дорогу не тому человеку. По другой – сам был связан с преступностью и стал жертвой бандитских разборок. Тем не менее, ни одна версия так и не поучила подтверждения. Несмотря на большое количество подозреваемых, подонков нашли менее чем за неделю. Ими оказались четверо мужчин в возрасте от сорока до пятидесяти лет. Один предстал перед дьяволом чуть раньше остальных, – скончался от ранений, полученных при задержании. Трое пошли под суд, но и они просуществовали недолго. Один свел счеты с жизнью в камере через несколько часов после вынесения приговора. Второй протянул несколько дней, прежде чем был убит заключенными во время бунта. Третий жив здоров, обитает в дурдоме. Он единственный, кто признал вину. Но сотрудничать со следствием наотрез отказался. Мотив преступления так и остался невыясненным.

Казалось бы, справедливость восторжествовала, но... Форд был уверен: не все так просто. А потому и придержал папочку у себя, а не сдал в архив, в надежде, что всплывут новые обстоятельства. По всей видимости дело, заключенное в папке с оранжевой наклейкой, представляло для Лайки особую важность. Лейтенант весь обратился в слух. Из беспорядочных воплей вычленив хоть какой-нибудь смысл было решительно невозможно. И вот, когда Форд уже отчаялся что-либо понять, а организм решил продолжить бороться с болезнью в спящем режиме, до его слуха донеслось:

– Это одно из дел, которым наш мэр уделит приоритетное значение...

– Вот оно что! – Форд хлопнул ладонью по столу. Резкий и неожиданный звук заставил Лайку отскочить к двери, но за секунду она взяла себя в руки и продолжила.

– Да как такого бездаря можно было принять! Даже готовое дело закрыть не можешь! А не умеешь – так и скажи! Может подыщешь себе другое занятие, раз мозгов не хватает! Тратим на тебя время тут! Как-будто оно мне надо! Да сколько же можно?! – взвизгнула она напоследок, заметив, что распекаемый ею лейтенант отрешенно пялится на стену позади нее, – Да когда это уже кончиться?!

– Вот-вот закончиться, – Форд предупреждающе поднял указательный палец, – и еще чуть-чуть... – тут он перевел взгляд на Лайку и улыбнулся своей голливудской улыбкой – от злости, та тряслась как студень. – Все! Война войной, а обед по расписанию!

После этих слов Лайка со стоном ломанулась в коридор. Поднимаясь с кресла Форд заметил, что папку она все-таки оставила в его кабинете, хоть и не на столе, как планировала в начале, а на полу возле двери. Вдохнув, он все-таки положил папку на стол и вышел из кабинета. В участке, не смотря на обеденное время, кипела работа. Стук клавиш, телефонные звонки, хлопанье дверями, голоса людей – обычные рабочие звуки. Люди в форме и без ходили между столами операционного центра. Никакого ужаса из фильмов здесь не было: никто не пытался отобрать оружие, никто не орал ничего вроде: «Где мои таблетки, свиньи?» А проститутки в ярких одеждах не показывали неприличные жесты полицейским и не предлагали услуги посетителям. Разумеется, задержанных держат подальше от обычных посетителей и тем более не допускают в рабочие помещения. Так было здесь, так было везде.

Пройдя, как в тумане, мимо дежурного лейтенанта оказался на крыльце. Здесь уже сидела Лиза – помесь хаски и дворняги. Обычно, завидев Форда, она тут же бежала к нему, заливаясь щенячьим лаем. Форд же, в свою очередь, поощрял ее почесыванием за ушком. Но сейчас Лиза лишь кивнула и продолжила всматриваться в пелену дождя, прижав уши. Небольшой, местами дырявый козырек частично защищал от дождя, но не от ветра. Ветер моментально растрепал волосы и принялся за старенький коричневый плащ. Но несмотря на сильные порывы был теплым и даже приятным. А вот местный пейзаж, увы, назвать приятным было сложно. Между серыми зданиями на серой земле под серым небом, сновали серые люди, а кругом серый мусор, и все это за серой пеленой либо бесконечного дождя, либо постоянного тумана. Разумеется, все кругом имело свой цвет, но настолько тусклый и обезличенный, что Форд поневоле начал ощущать себя единственным живым человеком в этом городе мертвецов. Лейтенант вспомнил мегаполис, мертвая душа, которого пряталась за яркими огнями бутиков, салонов красоты, ночных клубов и, конечно же, реклам. И, собственно, ничего не изменилось – разве, что краски были ярче, а содержание то же.

В принципе ничего нового. Стоило Форду начать хоть как-то нервничать, на ум тут же приходили различные строчки из стихотворений или песен, фразы из фильмов или из книг. Этот своеобразный рефлекс выработался у него давным-давно, он уже и не мог сказать точно. Тогда вместе с другом они решили общаться между собой исключительно цитатами. Полноценного общения не вышло, но в особо ярких эмоциональных ситуациях с губ срывались не ругательства, а какая-то особо язвительная цитатка. Со временем большая часть цитат забылась, как и имя друга. А вот привычка, хоть на уровне рефлекса, осталась.

Река памяти начала уносить лейтенанта ко временному отрезку, воспоминания о котором могли спровоцировать очередной запой. И тут – вспышка! И адский грохот! И словно по команде Лиза с радостным лаем начала носиться вокруг Форда.

*«Все очень просто.
Просто гроза...»³*

И только прохожие посильнее запахивали свои плащи, поднимали воротники, да ускорили шаг. Среди них Форд приметил одного. От остальных он отличался перебинтованной рукой. Форду он был знаком. Именно Форд прищемил ему руку дверью. Было это накануне. Форд поднялся к соседу сверху с простой просьбой – приглушить телевизор. Через закрытую дверь Форд слышал нецензурную брань и запах марихуаны. Разговор с соседом не принес положительных результатов. Тогда Форд закрыл дверь вместе с рукой нарушителя спокойствия в проеме. Пока тот выл от боли сидя на грязном полу, Форд угрожал пистолетом упоротым в сопли гостям. Они никак не могли решить: смеяться им или в ужасе разбежаться. Форд дождался своих коллег и передал столько торчков, сколько смог. И вот, один из них уже на свободе. Менее, чем через сутки после «нападения на сотрудника правоохранительных органов в состоянии наркотического опьянения». Толи адвокат сделал свое дело, то ли бюрократия. Форд не собирался это оставлять, его невероятно бесил тот факт, что задержанные так просто выходят из здания участка. Но и разбираться с этим сейчас не хотел. Есть дела поважнее, этот наркоман вряд ли съедет в скором времени.

Сквозь шум дождя и лай собаки Форд начал различать какое-то пыхтение и шарканье. Обернувшись, он заметил дежурного – видок у него был жалким...

³ Отрывок песни – «Дождь», авт. Алиса.

XVIII

Дежурный сообщил Форду, что его хочет видеть Шеф, и даже проводил его до дверей. По ругани доносившейся из-за двери Форд сообразил, что после того, как он отослал Лайку из своего кабинета, та распалилась и начала досаждать и вредить всем, кто попадался под руку. Бедный дежурный и таинственный Шеф не исключение.

Форд сочувственно кивнул дежурному. Бедняга не знал куда деваться, еще несколько минут назад он получил трепку от самого ненавистного человека в участке. И вот теперь он получает некое одобрение от приезжего лейтенанта, который наводит ужас на коллег и подчиненных. Форда хоть и недолюбливали, но, так или иначе, уважали. Лайку же люто ненавидели и боялись.

Дежурный кивнул в ответ и уже собирался уходить, как дверь отворилась, и на пороге появилась Лайка. Как грозовая туча она начала медленно заполнять помещение. На ее лице играла улыбка. Что, впрочем, учитывая размеры самого лица, было не слишком заметно.

«Должно быть, мышцы вокруг рта у нее невероятно развиты, раз им приходится поднимать тонны сала, как только их носитель оказывается перед камерами» – подумал Форд. Но прежде чем он успел, что-то сказать, из кабинета донеслось приглашение войти. Форд был крайне раздосадован этим фактом, ведь он уже отрыл рот. Не успев ничего сказать, он закрыл рот и вошел.

Кабинет представлял собой аквариум. Две стеклянные стены были завешены жалюзи, которые в нужный момент скрывали обитателя аквариума от посторонних глаз. В боковую стену был вмонтирован книжный шкаф. Только книг на нем толком и не было: пара кодексов, да сборник судебных заседаний за прошедшие пять лет. Остальное место занимали различные статуэтки, награды, да фотографии. А также монеты в индивидуальных прозрачных коробочках. За шкафом пряталась дверь, ведущая неизвестно куда. В центре аквариума стоял массивный дубовый стол. На столе располагалась еще одна коробочка, только в отличие от тех, что располагались в шкафу она была пуста, как и пластиковая капсула для самой монеты. За этим столом лицом ко входу, спиной к стене сидел Шеф. Стена была абсолютно голой, отчего фигура Шефа казалась еще массивнее. А Шеф и так был весьма крупным человеком. По крайней мере, такое представление сложилось у Форда в момент их первой мимолетной встречи.

Шеф начал с приветствия и извинений, что не сделал этого в предыдущую их встречу. Форд пропустил его слова мимо ушей, затем поблагодарил и незамедлительно выбросил эту часть беседы из головы. О чем тут же пожалел, ведь именно в этот момент Шеф представился.

– У Вас есть хобби? – неожиданно спросил Шеф.

– Хобби?

– Не удивляйтесь! Я заметил, как Вы рассматривали мой кабинет. Я нумизмат, как Вы уже поняли. И вот-вот получу в свою коллекцию весьма ценный и очень редкий экземпляр. Многие коллекционеры готовы на все ради него. И я тоже!

– И, что же это?

– Я пока не хочу говорить. Боюсь сглазить. Так, что у Вас с хобби?

– Боюсь, мне похвастать нечем.

– Жаль. А как принял Вас наш коллектив?

– В целом великолепно, хотя есть и тяжелые люди, – на слове «тяжелые» Форд сделал ударение. Шеф никак не отреагировал на шутку и продолжил:

– Итак, с приветствиями покончено, теперь можно перейти к рабочим моментам, – никакой угрозы или недовольства в голосе Шефа не было. – До меня дошли сведения, что у Вас есть одно незаконченное дело...

– Да их как бы несколько... – Шеф подался вперед. – Не считая работы, которую я выполняю за другим, есть еще одно убийство...

– Убийство? – перебил Шеф. – На старом спортивном комплексе? Я думал там не все так однозначно. Имею в виду версию о самоубийстве.

– Если самоубийство, то более чем странное, поэтому я его и не рассматриваю. В любом случае, до окончания медицинской экспертизы утверждать что-либо нельзя. А кто вообще говорил о самоубийстве?

Шеф хитро улыбнулся, давая понять, что это как бы секрет, но Форд и так знает кто это.

– Черт! – вскипел Форд. – Да какого черта она сует нос! Толку от нее никакого! Одни проблемы создает!

– Вы человек новый, – спокойно перебил Шеф. Это спокойствие сбивало Форда с толку. Он привык иметь дел с надменными уродами. А новый начальник производил впечатление интеллигентного рационального человека. Форд не удивился бы, увидев его в костюме тройке и очках без дужек. – Многого не знаете, а потому я не стану обращать внимание на Ваши слова, лейтенант. Она многое сделала для нашего участка. В частности, укрепления престижа среди молодежи. И ее озабоченность этим делом несложно понять: паренек, чье тело было обнаружено сегодня ночью – наследник весьма уважаемой семьи в этом городе.

– И этой семье не интересно, что стало с их сыном.

– К этому я и веду – нет, не интересно. Дело в том, что он последнее время отдалился от своей семьи. Оказался замешан в... нескольких скандалах. Связался с сектой, маскирующейся под компанию прямых продаж «чудодейственных» продуктов. Порвал отношения с друзьями и родственниками. Когда компания «обанкротилась», все стало еще хуже. Однажды он пришел в дом к родителям, стал размахивать пистолетом, обвинять их в сговоре с сатаной. Именно так он объяснял их богатство. Разумеется, тот факт, что земля, которая им принадлежит, оказалась богата какими-то редкими минералами, и завод готов платить любые деньги лишь бы продолжать добычу именно на этой земле, здесь ни при чем.

– Не знаю, как у вас. Но если «поехавший» родственник начинает угрожать оружием – вызывают стражей порядка.

– В этом и соль: он угрожал себе. Поэтому всем нравится версия с самоубийством. Один раз он уже пытался. К тому же все упростит: как только медэксперт подтвердит причину смерти – можно хоронить.

– Они хотят похоронить сына вместе с позором. А если я скажу, что это убийство?

– Более детальное вскрытие, затягивание сроков и, как следствие, привлечение внимания. А так, прыгнул и ладно. Все равно был неблагополучный.

– В этом все дело? Внимание?

– Паршивая овца все стадо портит. А он ведь не единственный наследник. И как выдавать дочек замуж, если выяснится что?

И тут Шеф засмеялся.

– Нет-нет! Я вовсе не призываю Вас прекратить расследование! Я лишь высказал мнение, скажем так, пострадавшей стороны. Они не заинтересованы в продолжении расследования – это так. Но не значит, что виновный не должен понести наказание. Я это говорю к тому, что, если не будет убедительных доказательств убийства, найдутся люди, которые используют свою власть и деньги, чтобы скрыть позор. Так, что поторопитесь лейтенант, пока, так сказать, следы на песке не смыло.

Форд перевел не очень удачную аллегорию как: «Свидетеля подкупят, тело захоронят, и никто ничего уже не докажет». Складывается впечатление, что Шеф неплохой мужик. Посмотрим, что будет дальше.

– Но я говорил не об этом деле, лейтенант. А о «работе, которую вы выполняете за другим». Понимаю, доделывать чужую работу не просто. Но, насколько я осведомлен, дело уже закрыто. Только и ждет, когда его сдадут в архив.

– При всем уважении, мне кажется не все так просто.

– Профессиональное чутье?

– Можно и так сказать. Все подозреваемые были мертвы по прибытию.⁴

– Жаль, я ожидал чего-то более внятного. Каких-нибудь доказательств или доводов, – прежде, чем Форд успел возразить. – Лейтенант, если у Вас есть сомнения, то они должны быть обоснованными. Да, выглядит все действительно странно. Сколько времени Вы потратили на это дело? Знайте, мы не можем позволить расходовать время и кадры впустую.

«Можно подумать тут каждый день что-то происходит», – но вслух сказал:

– Нисколько. Я только и успел до него добраться. А тут вдруг выяснилось, что оно очень срочное и важное.

– Это дело об убийстве. Причем весьма жестоком. Вам не кажется это важным?

– Я не это имею в виду. Есть еще несколько дел об убийствах, ожидающих отправления на полку в архив. Не знаю насколько *там* все гладко – не успел ознакомиться более подробно. Я лишь знаю, что это дела об убийствах. Но никто их не ищет, не истерит. А здесь же...

– Ясно. Раз Вы ознакомились с делом, то не секрет, что в нем есть моменты, которые выставляют правоохранительную систему не в лучшем свете.

– Я бы сказал – все.

– И Вас это настораживает?

– Не только это.

– А что будет, если Вам не удастся найти изъян в деле.

– Оставлю его в покое. Совпадения случаются.

Шеф в задумчивости смотрел на Форда.

– Как так вышло, что именно Вы заметили, что расследование проведено некачественно?

– У разных офицеров разные методы ведения расследования. Так вот, у нас с Мордехаем, как раз-таки, разные методы.

– Сколько надо времени для отработки Ваших методов?

– Месяц, – выпалил Форд. На деле ему было достаточно и недели. Но уж больно хотелось позлить Лайку.

– Две недели. Можете заниматься этим в свободное время. Основные силы необходимо направить на решение текущих задач. Тем более, что время работает против Вас. Я сделаю все возможное, чтобы выиграть больше времени. Но как только в дело вмешается политика – я беспомощен. А теперь, если у Вас нет ко мне никаких вопросов, – ступайте! Хотя Вы и считаете наших сотрудников ленивыми черепахами, я уверен, они уже собрали необходимое количество информации.

Форд хотел возразить, но сдержался. Поднялся и направился к выходу. Он был несколько озадачен. Шеф оказался действительно неплохим человеком и толковым руководителем. Он не завернул все начинания Форда, а только уточнил задачи и установил рамки. В дверях Форд услышал, как Шеф вызывает по телефону Лайку. Интонации в его голосе не предвещали для Лайки ничего хорошего.

На выходе Форду на глаза попался старый знакомый.

– Сержант, что с опросом свидетеля?

– Не могу задержаться, лейтенант, – прокричал тот в ответ, натягивая фуражку, спешно выбегая на улицу. – Письменные показания и материалы по делу у Вас на столе.

⁴ Термин, применяемый для пострадавших при различных инцидентах и умерших до прибытия медиков. В переносном смысле так иногда называют новый товар, полученный уже сломанным.

«Какого черта! Каким образом они у меня на столе?!» – подумал Форд. Неслыханная наглость войти в кабинет в его отсутствие. Прежде, чем он успел устроить трепку сержанту, тот уже скрылся за дверью.

Продвигаясь к своему кабинету Форд услышал странный грохот. Обернувшись, он заметил Лайку, которая перешла в режим Боевой Тумбы. Она бежала по проходу, раздвигая столы – явно спешила на прием к Шефу. По озадаченному выражению ее лица, Форд лишний раз убедился, что разговор ее ждет не из приятных. Подобное зрелище его так порадовало, что он даже забыл о сержанте. Но тут же вспомнил, увидев раскрытую настежь дверь кабинета. Из-за двери доносился женский смех. Заглянув внутрь, все сразу стало ясно.

Мордехай. Разумеется, сержант никогда бы не рискнул войти в пустой кабинет. А вот этот рискует постоянно. В этот раз, он даже умудрился сесть на стол, одной ногой едва касаясь пола. И в этой непринужденной позе с щегольской улыбкой он болтал со специалистом отдела делопроизводства, которая безостановочно хихикала над каждым словом.

– В следующий раз, если захочешь посидеть, садись на пол!

Парочка вздрогнула и заметила Форда, стоящего в дверях. Своим видом он больше напоминал маньяка-убийцу, чем следователя. Мордехай резко выпрямился и нервно разгладил свой дорожный сшитый на заказ костюм. Улыбка не исчезла с его лица, но стала более сдержанной. А вот девушка потерялась окончательно. Не зная куда деваться, она схватилась за папку, лежащую на столе.

– Здесь для Вас материалы дела...

– Положите их на стол. Туда, где лежали.

Бедняжка вернула папку на стол. И от волнения начала заламывать руки. Форд смерил ее взглядом. Хорошенькая. Жаль, что глупенькая.

– Если это все, то вы свободны.

– Спасибо! – отозвалась девушка и прежде, чем выйти издала нервный смешок.

– Под местоимением «вы», я и тебя имел ввиду, – обратился Форд к оставшемуся.

– Да ладно тебе! Я здесь, чтобы помочь, – с этими словами Мордехай протянул Форду папку с оранжевой биркой.

– Да ладно тебе! Ты пришел помочь *мне* с *твоим* делом? – передразнил Форд, принимая папку. – Право не стоило. Ты просмотрел материалы? Все на месте? Нечего добавить?

– Я не успел ее даже раскрыть. Лайка как увидела, так рассвирепела. Она пару дней носилась с ней в надежде поймать тебя. Ты весьма вовремя заболел.

– Я все это время работал. Может, сейчас посмотришь? – Форд протянул папку Мордехаю. Тот попятился назад, выставляя вперед руки.

– Нет-нет-нет. Эта штука для меня опаснее плутония. Если Лайка увидит ее у меня, то порвет.

– Тебя или папку?

– Обоих. Все, что я мог собрать по этому делу, должно быть в папке. Почему оно важно для Лайки – без понятия. Но как только слышит, так сразу бесится. Она по любому поводу бесится, но в данном случае, особенно сильно. На твоём месте, я бы просто закрыл дело.

– Ты не на моем месте! И ты уже это сделал однажды!

– Ну зачем тебе это? Зачем тебе эти ненужные конфликты? И все из-за чего?

– Кого! – поправил Форд. – В этих делах жизни и судьбы людей!

– Там цифры и статистика. Не больше. Если ты будешь ко всему относиться с такой серьезностью – сойдешь с ума!

«Уже!» – подумал Форд.

– Я спрашивал твоего мнения? Нет! Тогда проваливай и не отвлекай меня! И без тебя голова раскалывается.

Мордехай еще промямлил, мол, надо закрыть дело как можно скорее, чтобы всем было хорошо. И к большой радости Форда удалился. Оставшись, наконец, в полном одиночестве Форд закинулся таблетками и начал приводить мысли в порядок. Таблетки он терпеть не мог, но они хорошо снимали симптомы болезни. Вместе с тем, они искусственно бодрили организм. В результате Форд постоянно находился на грани между сном и бодрствованием. Что лучше: спать в бреду или не спать вовсе? Форд настолько вымотался, что так и не нашел ответ.

В первую очередь лейтенант отложил папку с оранжевой биркой. Без новой информации дело можно закрывать сразу же. Подозрительно это все, конечно. Но придаться не к чему. А раз все мертвы, то можно не торопиться и посвятить себя «текущим задачам».

Форд открыл папку, оставленную подругой Мордехая. И начал читать свидетельские показания. Содержание было вполне ожидаемым. Молодой человек познакомился с девушкой в кафе. Да, именно познакомился, то есть она знала с кем и куда идет. И она же помогла опознать жертву. Когда они пришли на стройку появился еще один человек. Высокий, худой и с длинными волосами. В темноте она ничего не разглядела, кроме того, что он был в «черном похоронном костюме». Потом завязалась драка, в результате которой человек в костюме сбросил спутника девушки вниз. Значит убийство. Остается дожидаться результатов судмедэкспертизы. Затем понять, что произошло и как так вышло. И собрав внятную картину преступления идти к Шефу. К показаниям были прикреплены несколько вариантов фоторобота, которые могли подойти к любому человеку с длинными волосами и бородой.

Лейтенанту не давали покоя три вещи. Во-первых, как можно отличить обычный костюм от похоронного? Форд решительно не знал. Видимо, эта способность доступна только женщинам. Во-вторых, прежде чем скинуть оппонента вниз, человек в черном похоронном костюме поднял его одной рукой, а потом забросил на несколько метров от края. Как такое возможно? Никак. Что-то не так либо с описанием убийцы или описанием смерти. В-третьих, как объяснить состояние тела, на котором нет видимых повреждений?

На последние два вопроса может пролить свет только результаты медэкспертизы. Эти ребята, что работают с трупами, кровью и прочими атрибутами смерти обладают какими-то паранормальными способностями. По разрезу на теле могут определить цвет волос убийцы, а по направлению брызг крови – марку одеколона. Сейчас им придется сложнее: ни порезов, ни крови нет.

Форд дошел до досье жертвы. В начале шли фотографии, сделанные незадолго до смерти. Атлетически сложенный молодой человек. С правильными даже красивыми чертами лица. Красавчик. Не удивительно, что он с легкостью уговорил едва знакомую девушку на прогулку по стройке. Чем дольше Форд изучал лицо, тем больше оно не давало ему покоя. Где-то он его уже видел. Он сравнил фото при жизни с посмертными. Ничего. Никаких ассоциаций. И тут на глаза ему попалось имя жертвы.

Форд тут же метнулся к папке с оранжевой биркой. В ней была школьная фотография выпускного класса, а так же список учеников. Именно в нем он видел имя недавней жертвы. Только в списке подозреваемых. Он отыскал фотографию. Так и есть, Красавчик учился в одном классе со старшим сыном погибшей семьи.

Роясь в папке, лейтенант обратил внимание, что она стала тоньше. А досье предполагаемых преступников подверглось цензуре. Нетронутым остались только досье жертв. Семья из четырех человек погибла во время пожара. Погибли они не от огня, а от удушья. Это говорилось в приложенной медицинской справке. Что странно, обычно прикладывается заключение эксперта по результатам вскрытия. Проводилось ли оно вообще? Заговор?

Лейтенант сравнил фото Красавчика, сделанных перед смертью со школьной фотографией. Время прошло, парень изменился, но не сильно. Почему оба дела, с которыми связан Красавчик, стараются закрыть как можно быстрее? Кто за этим стоит? И стоит ли вообще?

Если это заговор с целью убийства, то весьма странный. В первом случае убили целую семью, включая детей. Во втором, конкретного человека и только. Разные исполнители? Возможно. Учитывая, что виновные в первом преступлении по большей части мертвы. А тот, что жив содержится под стражей. Тогда получается, что Форд ошибался насчет этого дела. Или же нет? Больная голова и температура не позволяли собрать внятную цепочку причинно-следственных связей.

Форд переключился с преступников на жертв. Он разложил перед собой фотографии. Беря их поочередно в руки начал строить теории. Как и в предыдущем случае – хаос в голове. Интерес представляли только трое. Красавчик: квадратный подбородок, нагловатая ухмылка, хитрый прищур. Глава семейства: круглое лицо, усы, очки в роговой оправе. Его сын: Ян Гиллан в образе Иисуса⁵, только растительности на лице больше. Форд невольно охнул: на него смотрело лицо с фоторобота! Отличный поворот! Форд вновь посмотрел на школьную фотографию. Так и есть! Гиллан и Красавчик учились в одном классе. И если верить свидетельнице, один убил другого после того как сам был убит. Чушь какая-то!

Что если целью первого преступления был не глава семейства, а его сын? И не убийство это было, а лишь покушение на убийство. Это более вероятно, чем оживший мертвец. Пролить свет может только один человек. Найти его просто – в лечебнице.

⁵ «Иисус Христос – Суперзвезда» (англ. Jesus Christ Superstar) – рок-опера Эндрю Ллойда Уэббера и Тима Райса.

II

Судья послал за пленницей четверть часа назад – монахи явно не торопились. Ему предстоял процесс по обвинению в колдовстве. Он ждал в кабинете, который ранее занимал предыдущий судья. Он располагался в отдельном строении на территории аббатства. Собственно, все строение было отдано во владение судье. Что было, мягко говоря, необычно. Кабинет был просторный. Он с легкостью вмещал книжный шкаф, судейское кресло, судейский стол, а также стол для писарей. Но истинный интерес у судьи вызывал не размер помещения, а книжный стенд возле окна. А точнее книга на нем расположенная. В то время как свод законов пылился на полке, на стенде лежал «Молот ведьм».

Приезд судьи был обусловлен необходимостью установления порядка и предотвращения восстания. Предыдущий судья карал всех подряд с одержимостью Торквемады. Словно все население графства составляли сплошь из ведьм, колдунов и прочей нечисти. Более того, с его попустительства местные брали правосудие в свои руки, что только множило человеческие жертвы. Только за вчерашний день, за несколько часов до вступления нового судьи в должность пострадало три женщины. Своим непосредственным вмешательством он успел спасти от казни только двоих.

Дверь отворилась, и на пороге появился молодой человек. Это был лорд-наместник. Он учтиво поприветствовал судью. Затем вкратце ввел его в курс дел и поблагодарил за помощь и поддержку, которые тот уже оказал и еще предстоит оказать. В этот момент в дверь ввалился еще один человек в судейской мантии и белом парике. Он не был учтив, как лорд-наместник и с порога принялся покрывать присутствующих различными ругательствами. Лорд-наместник попытался остудить пыл незваного гостя, но новый судья его остановил, дав пришельцу закончить тираду.

– Да кто ты такой?! – наконец, закончил незнакомец.

– Я, новый судья.

Пришелец, наконец, понял, что перед ним не просто новый судья, назначенный монархом. А Судья-Палач, наделенный куда большей властью и большей поддержкой.

– Прошу прощения! Я, судья...

– Это не важно! – Судья-Палач поднял руку, приказывая замолчать. – С этого момента Вы освобождаетесь от своих обязанностей и привилегий. За то, что руководствовались не буквой закона, а глупыми предрассудками. Вскоре прибудет королевский судья, который решит Вашу судьбу. А до тех пор Вас будут содержать в монастыре.

Монахи в черных одеяниях бесшумно возникли за спиной ошарашенного судьи. Его лицо застыло словно маска и окрасилось в цвет парика. Парализованный страхом он покинул свой же кабинет под конвоем черных монахов. А его преемник расположился за столом и принялся перебирать бумаги.

– Прошу прощения, – вмешался лорд-наместник. – Почему Вы оставили его под присмотром монахов? Он опасен. И у него наверняка есть последователи, которые могут помочь ему сбежать.

– Вот Вы и сами ответили на свой вопрос, – безмятежно отозвался Судья. Он поднял глаза и видя, что лорд-наместник не понимает сказанного продолжил: – Ну не можем же мы его сразу казнить! Его вина еще не доказана. И Вы же сами писали, что не знаете, кто вовлечен в его дела и с кем можно сотрудничать. Поэтому я взялся охранять его своими силами. До тех пор, пока Вы не наведете порядок на вверенной Вам территории: успокойте народ, устраните подстрекателей и потенциальных мятежников. А эти, как Вы выразились, «монахи» являются первоклассными охотниками на ведьм. А охотниками, как мы знаем, становятся только лучшие

воины. Не волнуйтесь, он в надежных руках. А теперь, если у Вас нет ко мне дел, прошу меня простить! Мне предстоит много работы. И я кое-кого жду.

Судья вернулся к изучению бумаг. Ему предстояло сложное дело в плане эмоций, а не самого процесса. В этот момент дверь снова отворилась. В этот раз на пороге появилась та, кого он ждал. Пожилая избитая женщина в грязных лохмотьях.

– На допросе должны присутствовать секретарь и пара священников.

– А это не допрос.

– Я узнаю твой голос из тысячи, Уильям. Выйди на свет, чтобы я могла тебя видеть!

Уильям подчинился. Женщина с минуту рассматривала его. Лицо ее не выражало никаких эмоций. Это был результат старости и побоев.

– Прошло столько лет, а ты совсем не изменился. В отличие от меня. Я догадывалась, что с тобой что-то не так.

– Я никогда от тебя ничего не скрывал. Разве не поэтому ты покинула меня? Потому, что узнала мою тайну?

– Я покинула тебя потому, что видела твою одержимость. А еще я устала от бесконечной охоты и казней. И вот ты вернулся, чтобы казнить меня. Но взгляни на себя! Ты сам, часом, не колдун?

– Я здесь не для того, чтобы казнить тебя. Обвинения против тебя ничтожны. Оборотничество, насылание порчи, сношение с дьяволом.

Старуха скептически фыркнула.

– Так отпусти меня!

– Я не могу. Прости. По нескольким причинам. Перво-наперво, я не могу отменить распоряжение прошлого судьи. Я просто обязан начать процесс. Тебе будут заданы вопросы и назначены испытания, которые ты с легкостью пройдешь.

– Уильям, у меня есть дочь! – взмолилась женщина. – Прошу, ты должен мне помочь! Ты знаешь, что мы ни в чем не виноваты!

– Это вторая причина. Я утратил веру в слова. Я был добр к людям, и они этим пользовались. А потом я прозрел: только через боль можно узнать правду.

– Потому тебя и прозвали палачом!

– Пусть так! Я верю, что ты невиновна. Потому ты можешь ожидать процесса в монастыре. А вот в твоей дочери не уверен. Она останется в темнице. Даю тебе слово, к ней не будут применены пытки до процесса.

Женщина бросилась на колени и принялась умолять. Уильям остался непреклонным. Только один раз на короткий миг на его лице отразилось сочувствие. Никто не заподозрил, что творилось в его душе. Жалость, раскаяние, искреннее желание помочь, страх показать слабость и жгучее желание покарать ведьму или того, кто оговорил несчастную. Тем временем женщина перешла с мольбы к угрозам.

– Мы оба знаем, что ты творил! Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты можешь подозревать! И кто знает, что я могу сказать под пытками.

– Ты уничтожишь дело всей нашей жизни!

– Всей твоей жизни! Дело моей жизни – это благополучие дочери! Уильям, не дай Бог с ней что-нибудь случится.

– Даю тебе слово, я прослежу за ней!

Уильям кивнул в сторону двери и отдал краткие распоряжения касательно женщины перед ним. Тени в углах зашевелились, и несколько черных монахов материализовались за спиной женщины. Они аккуратно подняли ее на ноги придерживая за руки. И столь же деликатно проводили за дверь.

Едва дверь закрылась, как зашевелилась еще одна тень, из которой отделился черный монах. Он ничем не отличался от остальных. Тот же невероятный рост, та же зола на лице,

кошачья грация в движениях. Но, Уильям знал, что перед ним его самый лучший и преданный охотник.

– Она опасна для нас.

– Следи за своим языком! И не забывай, к кому обращаешься! – оборвал охотника Уильям.

Охотник поклонился и пробормотал короткую молитву. Больше он не смел отвлекать судью. Уильям не подал вида, но он признавал, что охотник прав. Дело его жизни под угрозой. Он всю свою жизнь истреблял нечисть. Да, он получал за это деньги, но в первую очередь это было его призванием. Он собрал вокруг себя первоклассных охотников. Он был лучшим. Но этого было недостаточно. Он проигрывал бой с темными силами, которые только множили свою мощь. На одну поверженную ведьму приходились три обращенные. Одна спасенная деревня оборачивалась одним сгинувшим городом. И только став судьей, Уильям смог сравнять счет. Он мог за один только день приговорить сотню ведьм. В то время, как его верные охотники продолжали истреблять самых опасных слуг дьявола. Кто-то считал его действия чрезмерно жестокими. Сам же Уильям считал их необходимым злом. Он не был безумен, он прекрасно понимал, что среди казненных женщин были не только ведьмы, но и несправедливо оклеветанные женщины. Вопрос, в каких пропорциях. Едва Уильям выявлял невинных, он тотчас назначал новый процесс над клеветниками. В начале судейства Уильям тяжело переживал последствия своих решений. Но, вскоре душа его очерствела. И этот факт его пугал.

Настало новое испытание. В скором времени Уильяму, возможно, придется сознательно оговорить и казнить друга. Пускай ради великой цели. Это подлость и предательство, не иначе. А угрызений совести он не испытывал. Понимая это, Уильям попытался спасти хоть часть своей души и отдал распоряжение найти дочь женщины и остановить пытки, если это возможно.

Охотник ждал, какие распоряжения поступят в случае если ничего предотвратить не удастся. Судья хранил молчание. Он принял решение провести экзекуцию самостоятельно, если придется. И не ставить в известность своего верного воина. От него требуется только следить и докладывать. Так же Уильям отдал приказ сменить всем охотникам черные монашеские одеяния на более привычную одежду. В конспирации смысла больше не было – репутация опережала Уильяма. Вся округа знала, что прибыл тот самый Судья-Палач, печально известный охотник на ведьм.

Охотник тут же скинул монашескую рясу. Поверх алой рубахи он надел черный кафтан водрузил на голову шляпу с алой, как и рубаха, тульей и скрылся за дверью. Когда Уильям остался один, он принялся разгребать бардак, оставшийся после его предшественника. Теплый, успокаивающий ветер дул в окно, отвлекая судью от мысли о предстоящем процессе.

Тем временем, в темницу аббатства в сопровождении священника вошел молодой аристократ. Высокий и статный. В мраке помещения его одежда казалась белоснежной. Его волосы были такие же светлые, как и одежда, при этом парика на нем не было. Аромат его духов чудесным образом перебивал смрад, царивший в темнице. Не обращая внимания на стоны и крики несчастных узниц, он достал из кармана округлый предмет, поднял его высоко над головой и громко спросил:

– Кто-нибудь из вас знает, что это такое?

Его приятный голос мигом заполнил помещение. В нем ощущалась мощь, благородство и надежность. Никто не отозвался. Женщины стонали, плакали или просто были без сознания. Аристократ повторил свой вопрос. И тогда Анна разлепила залитые кровью глаза.

– Часы...

– Верно. Святой отец, мне нужно поговорить с этой девушкой.

– Это не девушка, а слуга дьявола...

– И тем не менее!

- Я не могу ее выпустить. Это не в моих силах.
- Тогда просто уйдите!
- Я...

– Господи, да оставьте меня в покое! Идите читать проповеди служкам! Вы ведь так называете то, что с ними делаете – «проповедь». Просто я называю это «извращением». Но кто я такой, чтобы судить? Я просто хочу поговорить наедине с этой девушкой.

Священник густо покраснел, то ли от злости, то ли от стыда. Тем не менее, он удалился. Разумеется, ни о каком уединении речи не шло. Но аристократ шел через все помещение к Анне, не обращая никакого внимания на других женщин. Он безразлично перешагивал через лежащие бессознательные тела.

– Я лорд-распорядитель Джеффрис. Вас обвиняют в колдовстве и в сговоре с дьяволом. А скажите, вы можете забрать с неба звезды, Солнце или Луну?

- Этого никто не может. Это астрономическое явление!
- Астрономическое. Прекрасно! Вы – ученая женщина, не так ли? Умеете читать? Считать?
- Немного.

Джеффрис удовлетворенно улыбнулся и кивнул. Затем стал пристально рассматривать свою собеседницу. На лице запеклась кровь. Кожа посинела от холода, царящего в подземелье. На ней была лишь некогда белая рубаха. Она была так изодрана, что едва скрывала наготу. Джеффрис с удовлетворением заметил, что никакие пытки к Анне еще не применялись. О чем он незамедлительно ей сообщил. Затем он подозвал стражника, сунул ему в руку монету и приказал отпустить Анну. Стражник попытался возразить, но Джеффрис быстрым движением притянул его к себе и что-то сказал ему на ухо. Охранник покраснел, как и священник и моментально выполнил просьбу. Он расстегнул ошейник, что удерживал Анну, и удалился.

Джеффрис помог Анне подняться. Несмотря, на кажущуюся мальчишескую неуклюжесть, его рука была тверда. Он выглядел нелепо в этом месте, но держался так, словно ему здесь самое место. Его смазливая внешность никак не вязалась с его властными действиями. Все эти противоречия настораживали Анну. И тем не менее она осмелилась спросить, что будет с остальными несчастными девушками. На лице Джеффриса отразилось недоумение, словно он и не подозревал, что в темница страдают десятки женщин. Он окинул беглым взглядом помещение, ненадолго задержался на женщине на «осле». А затем повернулся к Анне со скорбным выражением лица и покачал головой. Либо он очень хороший лжец, либо ему действительно жаль. Джеффрис аккуратно проводил ее к выходу, где путь ему перегородил стражник. Джеффрис удивленно вскинул брови.

- Я не могу Вас выпустить, сэр.
 - Потрудись объяснить!
 - Сэр! Я не могу Вас выпустить с девушкой.
 - Я направляюсь в покои брата... черт, забыл! Как его?
 - Прошу прощения, сэр. С девушкой – не могу.
 - Не забывай, с кем разговариваешь! Или ты думаешь, что я не знаю, что вы используете эти покои, чтобы насилловать несчастных женщин. Ах, да, забыл! Вы их не насилуете! Эти служки дьявола сами совращают вас в надежде прекратить страдания!
 - Не могу, сэр! – стражник уже чуть не плакал.
- Тут появился второй стражник. Вид у него был тоже испуганный.
- Сэр, эту девушку ищут.
 - В смысле? Кто?
 - Это охотник на ведьм.
 - И чего он хочет?
 - Попросил показать девушку, что привели вчера.

– И все? Ну, так приведи и покажи ее ему. Он же не просит ее отпустить? – охранник замотал головой. – Хорошо. А что нужно сделать мне, чтобы ее выпустить?

– Для этого нужно распоряжение судьи... – начал первый стражник. Но, встретившись взглядом с лордом-распорядителем, тут же исправился. – Разрешения брата Армандо будет достаточно.

Джеффрис вздохнул, усадил Анну и вновь обратился к стражникам.

– Я поговорю с братом Армандо. Ведите сюда охотника. Ничего страшного в том, что он хочет ее увидеть нет. Но, ради Бога, не пускайте его внутрь! Не хватало еще, чтобы он устроил тут бойню.

Джеффрис и второй стражник удалились. И Анна провалилась в сон. Да, это был сон, хоть и тревожный. Она купается в речке с молодым парнем, которого никогда в жизни не видела. Вода очень холодная. Вскоре небо становится неестественно красным, и огромная тень смерти ложится на землю. Тень оскверняет землю, забирает жизни. Иногда кто-то выходит из тени. Он двигается и выглядит, как человек, но глаза его мертвы. Тень забирает парня. Анну охватывает страх, но вновь появляется парень. Он появляется из тени. Не живой и не мертвый. Анна сторонится его, пытается уплыть. Но тень настигает ее.

Анна проснулась. Несмотря на то, что ее положение и так было отчаянное, ее тело сковал леденящий страх. Тень вырвалась из ее сна в реальный мир. Анна отползла в сторону и вжалась в стену, ожидая, что вот-вот тень схватит ее. Но, тень не шевелилась. Анна напрягла зрение в попытках рассмотреть, кто скрывается за тенью. Это был высокий худощавый человек в черном камзоле поверх алый рубахи. «Охотник на ведьм!» – догадалась Анна. Охотник безмолвно смотрел на Анну. Так же на нее смотрел и Джеффрис. Но взгляд Джеффриса был скорее мягким, а у охотника – колючим. Его лицо было красивым, но на нем не было никаких эмоций. Из-за чего оно напоминало жуткую маску. Два глаза мерцали каким-то магическим светом в тени шляпы. Охотник перевел взгляд с Анны на остальных пленниц. На его лице не дрогнул ни один мускул. Но Анне показалось, что именно на нее он смотрел с жалостью. Не сказав ни слова, охотник прошел мимо побледневшего от страха стражника и растворился во тьме коридора.

Едва охотник ушел, по темнице прокатился вздох облегчения, если такое вообще возможно в подобном месте. Вскоре, появился Джеффрис в своем ослепительном одеянии. Он явно был в хорошем настроении. Следом плелся брат Армандо. Он сверлил спину Джеффриса злобным взглядом, но едва лорд-распорядитель оборачивался – начинал заискивающе улыбаться. Джеффрис проводил Анну в покои брата Армандо и заверил, что если она будет слушать его, то никогда не вернется в грязное подземелье. Анна осмелилась спросить Джеффриса про мать. Джеффрис лишь коротко бросил: «Посмотрим», и удалился.

Анна осталась одна в комнате. В комнате не было свечей, но лунный свет достаточно хорошо освещал помещение. Для Анны он, вообще, был сродни солнечному. В комнате хоть и было холодно, но не было сырости. А еще была более-менее удобная койка и теплое одеяло. Но даже эта короткая скрипящая койка показалась Анне королевской кроватью. Анна свернулась калачиком и заснула. В этот раз сны были более приятные, полные радости, тепла и света.

Джеффрис пришел с первыми лучами солнца. Он принес еду, питье и скромную, но чистую одежду. Едва Анна покончила с завтраком, Джеффрис принялся объяснять свои мотивы.

– Я здесь не для того, чтобы овладеть твоим телом. Я хочу с твоей помощью прекратить гонения на женщин, которых считают ведьмами.

– Зачем Вам это? – удивилась Анна.

– Тебе кажется это безумием? Или думаешь, я колдун?

Анна не знала, что и сказать. Кто в здравом уме пойдет против церкви? Как такое возможно?

– У меня множество причин. Я вовсе не хочу, чтобы недалекие суеверные крестьяне истребили всех красивых женщин в округе. Да и некрасивых тоже. В итоге это все приведет к восстанию. С последствиями которого разбираться придется мне, а не церковникам.

Анна недолго обдумывала предложение Джеффриса. Альтернативой были пытки в темнице и сожжение на костре.

– Я согласна. Что я должна делать?

– Изучать различные науки. Начнем с математики и геометрии, а дальше – посмотрим.

Джеффрис приступил к обучению незамедлительно. Он вывалил на Анну огромное количество информации. Бесконечное количество формул, которые никак не складывались в единую систему. Анна никак не могла их запомнить. Она испугалась, что Джеффрис разочаруется в ней. Но лорд-распорядитель оказался на редкость терпеливым учителем. Он с завидным упорством раз за разом объяснял Анне одни и те же истины. Он отказывался говорить о чем либо, кроме учебы. Пресекал любые бытовые вопросы Анны или же оставлял их без ответа. День сменялся ночью, но занятия не прекращались. Они не прерывались даже во время принятия пищи. Анне начало казаться, что Джеффрис не уходит на ночь в свои покои, а продолжает читать трактаты, пока она спит.

Вскоре, упорство Джеффриса начало приносить плоды. Анна лишенная какой-либо информации из внешнего мира, начала более успешно впитывать знания. И даже заслужила похвалу от лорда-распорядителя. Видя, благосклонность своего учителя, она решилась спросить о матери.

– С ней все в порядке. Вижу, ты хочешь меня отблагодарить. Но, знай – это не моя заслуга. Наш новый судья поселил ее в монастыре среди монахинь. С чего бы такое радушие с его стороны? Они знакомы?

У Анны перехватило дыхание от новости, что ее мать жива. Она смогла лишь пожать плечами. В ее горле застрял лишь один единственный вопрос, который она не могла задать из-за чувства страха, смешанного с радостью. Она набралась смелости и уже открыла рот, как Джеффрис ее перебил:

– Она знает, что ты жива-здорова. Сам я ее не видел, но передал весточку через одного из охотников на ведьм, что за ней следит.

«Охотник на ведьм следит за мамой!» – эта мысль застряла в мозгу Анны. Впрочем, ничего удивительного здесь не было. Ни лорд-распорядитель, ни судья не обещали помилование. И Анна, и ее мать все еще узницы, только в более привилегированном положении.

Анна заметила, что впервые за долгое время Джеффрис чем-то озадачен. Он никогда не повышал голос, не позволял себе неуместных замечаний или действий. И при этом он не был холоден. Благородный, невозмутимый, уверенный в себе аристократ. Никогда не проявляющий слабости или неуверенности. Вот как могла описать его Анна. И все же, что-то его беспокоило.

– Возможно, это и к лучшему, – наконец прервал молчание Джеффрис. – Для нашего нового судьи проявление жалости несвойственно. И я уверен, что это неспроста. Как знать, может у нас с ним одна цель?

– Почему Вы не спросите его? – решилась подать голос Анна.

– А, что, если нет? – невозмутимо ответил Джеффрис. – Я не готов рисковать. Думаю, самое время кое о чем тебе рассказать. Суть моего плана. Ты же не думала, что изучение естественных наук – это конечная цель наших занятий. Ученая женщина редкость в наше время, но не нечто из ряда вон. Это вряд ли изменит текущее положение дел. А вот совместный научный опыт, который докажет, что некоторые явления, которые ассоциируют с магией можно вполне объяснить наукой – может положить начало научной революции, которая приведет к пересмотру существующих законов. Возьми лист и отметь на нем центр!

– Но у меня нет необходимых инструментов...

– Тебе нужен только лист и перо.

Анна растерянно уставилась на стол, лихорадочно прикидывая с помощью чего можно измерить необходимо расстояние до центра листа. Джеффрис дал ей несколько минут, а затем взял лист, согнул его дважды и поставил точку в месте пересечения сгибов.

– А теперь соедини два противоположных угла! – снова скомандовал он.

Анна автоматически схватилась за перо. А потом посмотрела на линии сгиба. Взяла лист и согнула его по диагонали так, что два угла листа совпали. Джеффрис засиял от радости. Он встал и начал аплодировать, повторяя: «Браво! Браво!» Анна лишь смущенно улыбалась. Но в душе она ликовала сильнее лорда-распорядителя. Джеффрис задал ей еще несколько «задач на сообразительность», с которыми Анна с успехом справилась. А потом Джеффрис поделился с ней своим планом.

– Все эти загадки не развлечения ради. Они имеют прямое отношение к нашему опыту. Представь, что лист – это наша комната. А тебе нужно попасть из одного угла комнаты в противоположный, а двигаться ты не можешь. Остается только сдвинуть саму комнату.

– Это невозможно.

– Ой ли, моя дорогая?

Джеффрис сделал несколько манипуляций руками, словно он складывал невидимый лист. У Анны слегка закружилась голова, зрение затуманилось, и она невольно закрыла глаза. А когда открыла, то не поверила своим глазам. Ее тусклая комнатка превратилась в огромный освещенный зал, украшенный золотом, вокруг возвышались колонны, стояла резная мебель. Сама же Анна все так же сидела за столом напротив лорда-распорядителя. Только стол был обеденным и уставлен различными яствами.

– Ты поняла, что я только что сделал? Я свернул пространство, как лист бумаги. Обыватели именуют это белой магией. Но, на деле это просто искривление пространства. Для вселенной нет разницы между бумагой, комнатой, планетой. Итак, с практической частью ты ознакомилась. Теперь, наша задача подогнать под практику теорию. Угощайся! Ты давно не ела.

Джеффрис говорил это вполне буднично. Видимо, он делал это не в первый раз. Анна ломала голову. Кто перед ней? Великий колдун – слуга Сатаны? Или же талантливейший ученый?

– Но ничего ведь страшного в белой магии нет.

– Во-первых: это не магия! Во-вторых, нет никакой разницы между белой и черной магией. Магия – это всегда заслуга дьявола. Поэтому нам нужно доказать, что это не магия.

Анну, что-то беспокоило. Что-то связанное с этим «опытом». В попытке разобраться она принялась засыпать Джеффриса вопросам.

– А если я использую эти знания, чтобы сбежать?

– Я использую эти же знания, чтобы тебя найти. Надеюсь, ты этого не сделаешь. Если охотники найдут тебя раньше – тебя казнят. И я никак не смогу помочь.

– Как Вы меня найдете?

Джеффрис придвинул к ней лист бумаги и указал на сгиб. И тут Анна поняла, что именно ее беспокоит. Он схватила лист и принялась сгибать его в разные стороны. До тех пор, пока в центре не образовалась дыра. Тогда Анна остановилась и протянула листок Джеффрису. Тот без лишних объяснений понял, что пыталась донести до него Анна. Он отложил приборы и крепко задумался.

– Вы говорили, что вселенной все равно, – нарушила затянувшееся молчание Анна. – А если нет? Что если своими экспериментами мы порвем ткань бытия?

Джеффрис посмотрел на Анну. Он был горд. Его ученица превзошла его ожидания. И сейчас она дискутирует с ним на равных.

– Я никогда не задумывался над этим. Теперь понятно, почему наши мудрецы отнесли это к запретным знаниям. Может они это сделали чисто интуитивно, а может и нет. Мало ли кто или что сможет прорваться через брешь. Или уже прорвался однажды.

Ясно, что Джеффрис разговаривает сам с собой. Со временем его речь превратилась в бессвязное бормотание. И Анна утратила мысль. Потом, лорд пришел в себя и обратился к Анне.

– Браво! Я искренне рад, что не ошибся в тебе! теперь мы с тобой можем доказать опасения мудрецов и церковников. И сделаем это на основе примитивной модели. Моя дорогая, вместе мы сможем изменить мир!

Джеффрис продолжил обучение Анны. Но подобных «экспериментов» они больше не проводили. Лишь Анна иногда пыталась найти способы, как, не сворачивая пространства увидеть свою мать. Но на деле она лишь сидела в темноте и шевелила руками. Только однажды, как ей показалось, смогла увидеть образ матери.

XIX

Наступило утро. Солнечный луч ударил по глазам. Форд выбрался из машины и сладко потянулся. Все тело ныло, но голова была ясная как никогда. Что может быть приятнее, чем вдохнуть полной грудью свежего горного воздуха!

В ночь Форд выехал из Города в сторону лечебницы. Самая короткая дорога пролегла через горы. Именно ее Форд и выбрал. Через несколько часов серость и сырость исчезла. Тучи рассеялись, и на небе заблестели звезды. Асфальтовая дорога больше не упиралась в непроглядную тьму, теперь она уходила в бесконечное небо. Форд остановился на небольшой полянке. С нее открывался великолепный вид. Над городом, как и всегда висели тучи. Зато над хвойным лесом и вершинами гор мерцали звезды, покрывая своим мягким светом все вокруг. Незаметно для себя Форд заснул и проснулся с первыми лучами солнца. Это был полноценный сон, а не то пограничное состояние, в котором лейтенант пребывал последние несколько дней.

Первые лучи солнца только начали освещать верхушки сосен. Солнечная тень неспешно заливала долину, проникая все глубже в дебри. Рядом с Городом мостом раскинулась двойная радуга. Значит в самом Городе, как всегда шел дождь. Форд вполне адекватно относился к этому природному явлению понимая, круговорот воды в природе и все такое... Но в этом городе он идет постоянно. Да лупит так, что, кажется, сбивает грязь с мостовых вместе с асфальтом.

Теперь Форд смотрел на Город свежим взглядом. Впервые за долгое время. Наблюдая со стороны, лейтенант осознал, что Город болен. За стеной дождя не видно изъянов – вот и живут добрые люди в Городе в блаженном неведении. Как только Форд попал в него, он стал его частью. Человек толпы, не способный взглянуть на картину целиком. Было ощущение, что в городке ничего не происходит. Новости об убитой собачке возле лесопилки или сгоревшей иномарке крутили неделями, пока не появлялось, что-то «погорячее». А на самом деле все иначе: органы охраны правопорядка практически бездействуют в заботе о собственном имидже, пока все взгляды прикованы к лживым предвыборным заявлениям. А в это время по улицам бродят убийцы да психопаты. Иногда, органы в недолгие моменты бурной деятельности действительно очищает улицы от насильников, убийц, воров. Но как и дождь в своей попытке очистить улицы разводит большую слякоть. И когда кажется, что дело сделано, на улицах появляется новая «грязь» – еще хуже.

Было бы болото, а жабы будут. Но *что* превращает Город в болото? Недостаточное усердие? Или что-то еще?

Форд поразился своему вопросу. «Что» – не просто предлог, а незримое и неосознаваемое нечто, убивающее город изнутри. Почему он так подумал?

Форд взглянул в сторону города. В детстве бабка рассказывала ему, что, когда черти пробираются на землю, они поднимают тучу пыли. Чем больше бес, тем большие завихрения он создает. Свирепый ветер мотал деревья в окрестностях города, в то время, как вся долина безмятежно купалась в солнечных лучах. Глядя на это, Форд представил, как Зло более высокого порядка, нежели Бес, восседает в центре бури. Быть может, сам Люцифер обосновался в Городе. Говорят, Зло многолико. А что, если нет? Зло – просто эфир. Невидимой и неосознаваемой дымкой оно проникает в сердца, словно воздух в легкие. А мы, как идиоты, ищем демонов снаружи, хотя бороться с ними надо внутри.

Мрачные думы напомнили Форду о причине его поездки. Забравшись в машину, он продолжил путь. Сон прояснил сознание и упорядочил мысли. Лейтенант начал воссоздавать утраченные данные из дела о погибшей семье. По большей части пропали документы описывающие обстоятельства смерти преступников. Благо Форд успел их прочитать и запомнить.

Первый был застрелен при задержании. Маньяк-педофил, пойманный в момент совершения преступления. Как понял Форд, у одного из патрульных не выдержали нервы, и он «открыл огонь на поражение. Подозреваемый скончался на месте от полученных ранений». Это было весьма щадящее описание событий. Судя по фотографиям места преступления, там была бойня. Все помещение было залито кровью, тут и там валялись осколки черепа и кусочки мозгов. Пистолет патрульного был разряжен полностью. Возможно, ему действительно пришлось защищаться, но для этого хватило бы одного патрона, а не обоймы. Форда это не расстраивало – одной мразью меньше. Разумеется, попадались поборники справедливости, вопящие: «У всех есть права!» Обычный лозунг адвокатов, стремящихся сделать себе имя на защите конченных мразей. Разумом Форд понимал, что как только должностные лица вместо защиты начнут творить беспредел, то скатятся до уровня обычных уголовников с легальным оружием на государственном обеспечении. Но сердце было на стороне жертв и их семей.

Трое других подельников все-таки дожили до суда. Но после вынесения приговора один из них умудрился вскрыть себе вены. Находчивый парень. Сделал состояние на афере с недвижимостью. В результате сотни семей оказались на улице. После этого каким-то образом пролез в городскую администрацию и запустил лапу в казну. Водил дружбу с крупными шишками по обе стороны закона. Был признан виновным по всем статьям. Но куда девались деньги и имущество, так никто и не узнал. И не узнает: находчивый человек, находчив во всем. Он вырвал себе золотой зуб, расплющил его и вскрыл им вены. Всю камеру кровью залил.

Последней жертвой в цепочке подозрительно случайных смертей был духовный лидер религиозного культа. Начинать вполне безобидно. Разместил объявление о «сожительстве с прекрасными нимфами во Христе». Как ни странно, идиотки нашлись, равно как и идиоты, желающие последовать его примеру. Вскоре, последователи выкупил участок земли за городом, построили дом и обосновались в нем. Дальше все по накатанной: оргии, наркотики, обряды разной степени сомнительности. Не было деления на взрослых и детей – все участвовали на равных. Не редким было участие родителей наравне с детьми. Когда законники начали протягивать свои щупальца, творцы-основатели культа решили, что пора заканчивать. Особо рьяные, вместе со всеми членами семьи травили и себя. Другие выжили и попались в руки стражей порядка. И только лидер остался на свободе. Ненадолго. После суда его направили в колонию строгого режима, где в первые же выходные случился бунт, во время которого ему пропоролли лицо мясницким крюком буквально разделив его на две половины. С подобной раной он прожил еще несколько часов после подавления бунта. И даже сохранил способность шевелить пальцами правой руки и языком, который по большей части остался на правой стороне лица. Врачи его не спасли.

Выживший из «банды» содержится в лечебнице. Он сознался в поджоге. Как и всех сумасшедших его отправили на курорт. Свежий воздух и горный пейзаж. Все лучшее – психам.

Восстановив по памяти досье, Форд в очередной раз задался вопросом: «как маньяк-педофил, мошенник, культист и психопат-поджигатель могли объединиться в одну банду?» Никак. Форд в это не верил. И подтвердить это мог только один человек. Будет тяжело. В условиях ограниченного времени, лучшим способом достать информацию является запугивание. Беда в том, что психи ничего не боятся. Того, чего боятся обычные люди – уж точно. Придется хитрить – старая школа следователей. Вот только Форд был плохим следователем. По крайней мере, когда дело доходило до общения с людьми.

Кое-что ему не давало покоя. Если верить показаниям свидетельницы, то получается, Гиллан жив. И имя Красавчика не просто так было в списках подозреваемых. Вырисовывается банальная месть за убийство своей семьи. Но Гиллан мертв. Будь он жив, Форду не пришлось противостоять Лайке, пинать Мордехая, спорить с Шефом. И поездки бы этой не было.

Форд ехал по прекрасной горной дороге. С обеих сторон высились сосны, которые мешали солнечным лучам освещать дорогу. Чем выше, тем реже становился лес, а, следова-

тельно, больше солнца. Дорога здесь делала резкий поворот и начинала идти под уклон, потому здание лечебницы не было видно за деревьями. И вот, на залитой солнцем поляне появилась сама лечебница. Фасад из красного кирпича хорошо просматривался, будучи расположенным на поляне. В то время как основная часть здания утопала в зелени. Стены были покрыты какими-то ползучими растениями. Потому сложно было определить, где заканчивается здание и начинается лес.

На входе лейтенанта встретил Главный Смотритель. Именно так себя описал человек с пепельными волосами и такого же цвета костюме.

– Дело в том, – объяснил Форду Смотритель, пока они шли по аллее от ворот к зданию лечебницы. – Что я не имею медицинского образования. В подобного рода заведениях за всем должен следить главный врач. Но, учитывая нашу специфику было решено пересмотреть структуру управления. Главный врач по-прежнему заведует медицинской стороной нашего предприятия – наблюдение за постояльцами...

Смотрителю было уже далеко за пятьдесят, но лицо было словно у старой фарфоровой куклы. Ни одного изъяна: идеально выбритое лицо, расчесанные аккуратные брови, ровные и белые зубы. Искусственный человек с такой же искусственной улыбкой. Только глаза выдавали возраст. В них было что-то странное и оно говорило: «Кто бы ты ни был, тебе здесь не рады!» А потому лейтенант принялся заниматься тем, что умел лучше всего – бесить окружающих.

– Постояльцы? Так вы называете психопатов-убийц?

Замечание Форда стерло с лица Смотрителя сладкую улыбку. Он резко остановился и бросил осуждающий взгляд на лейтенанта.

– Быть может Вы и не высокого мнения об обитателях этого заведения, но они тоже люди. Да, все они осуждены за тяжкие преступления. Но совершили они их не ради корысти или потехи, а вследствие различных психических заболеваний, которые не позволяют в полной мере контролировать свои действия и давать им оценку. Потому они и находятся здесь – с целью получения необходимой помощи, чтобы в последствии...

Он не успел договорить. Как раз в этот момент один из «постояльцев», который возился с кустарниками и клумбами вдоль дорожки, уронил горсть удобрений на туфлю Смотрителя. Не смотря на все потуги сдержаться, искусственное лицо Смотрителя перекосила злоба. «Постоялец» сжался и заикаясь начал что-то лепетать в свое оправдание. Форд не знал, что натворил этот бедолага в прошлом, но сейчас он представлял из себя не кровавого маньяка, а больного аутизмом маленького ребенка. Чуть поодаль двое санитаров волокли прочь еще одного несчастного, который что-то лепетал. До Форда долетали лишь обрывки фраз.

– Ма... мене... мне мама... пред'дала п'ряники... а... а они забрали...

Невольно Форд проникся сочувствием к этим жалким существам и перевел внимание Смотрителя на себя.

– Если всем завидуют врачи, – в этом лейтенант уже сомневался. Судя по всему, балом правит эта блеклая моль в костюме, – то какой от вас тогда прок?

– Как я уже сказал, здесь содержаться осужденные за тяжкие преступления. Я слежу за работой охранников и охранных систем. А сейчас, прошу меня извинить – дела. Мой человек Вас проводит.

– Еще один вопрос прежде, чем Вы уйдете. Никто из постояльцев последнее время не сбегал?

– Что? Нет! На ночь палаты запирают. Снаружи – охрана. До города пешком не добраться. К чему вопрос?

– Просто на всякий случай.

«Надо отдать ему должное. Даже с перекошенной рожей, он не утратил своей сладкой манеры речи. Да и скатертью дорога. В проводники годиться ль Сатана?»⁶

Кажется, последнюю часть Форд произнес вслух. Смотритель обернулся, испепеляя Форда взглядом – это у него получалось лучше всего. В дверях, за которыми он скрылся, тотчас появился «мой человек». Им оказался здоровенный индус с круглым лицом. Он подошел к несчастному, который еще недавно возился с растениями, а теперь беззвучно плакал. Индус сказал ему что-то и тот вернулся к работе с прежним энтузиазмом. Затем Индус подошел к Форду представился и жестом пригласил следовать за ним. Лейтенант вглядывался в добродушное лицо индуса, изучал повадки, но так и не заметил признаков фальши, присущих предыдущему собеседнику.

– Вы что же один из охранников?

– Что Вы? Разве Вы видели таких охранников? – индус похлопал себя по животу и искренне рассмеялся, но вполне сдержанно. – Я врач. Не главный, конечно, но сегодня я дежурный.

– Ясно. Может, объясните причину выбора такой странной расцветки для психиатрической лечебницы?

Здание было построено из красного кирпича с деревянными рамами и перекрытиями. Кирпич хоть и выгорел на солнце, первоначальный цвет его угадывался с легкостью.

– Вы правы, зачастую подобные заведения выкрашивали в более успокаивающие цвета. Дело в том, что пациенты содержатся в условиях, максимально ограничивающих их активность – они редко выходят за пределы самого здания. А потому достаточно выкрасить стены внутри помещений. С нашей лечебницей все проще. Она была построена для лечения и профилактики легочных заболеваний. Но удаленность и изолированность и привели к задержкам поставок медикаментов. В результате было решено переоборудовать для содержания лиц с психическими расстройствами.

Индус вел Форда по стерильно белому коридору, попутно рассказывая истории про призраков, обитающих в здешних стенах. Они прошли мимо помещения набитого вооруженными охранниками. Миновали холл с санитарями, которые волокли плотно набитые пакеты к выходу, и остановились перед массивной металлической дверью без окон.

– Разумеется, это все слухи. Никто не умирал ни возле, ни в самих стенах лечебницы даже на стадии строительства. Призракам просто неоткуда здесь взяться, если они только не пришли из леса. Или Вы не притащили их с собой, – при этих словах врач ткнул Форда в плечо и снова расхохотался. – Простите! Это неуместно с моей стороны. Просто большинство историй о привидениях рассказаны нашим бывшим пациентом. Хотя, он и не пациент вовсе. Просто наблюдался у нас пару месяцев.

– Пару месяцев?

– Да я не понимаю зачем его вообще сюда направили. По факту у него нет никакого расстройства. Даже наоборот просто богатое воображение. И не мудрено! С его-то профессией!

– И где же этот весельчак трудится?

– На кладбище.

– Ясно. А с дверью, что не так? Почему здесь нет смотрового окна? Тоже старая постройка?

– Вовсе нет. Это требования нашего начальника охраны, именующего себя Главным Смотрителем, – по тону лейтенант понял, что дежурный врач тоже не в восторге от этого чело- века.

⁶ Данте Алигьери. «Божественная комедия». Ад. Песнь 23/139. Перевод Минаева. «Слышал того, как бес ко злу привержен. Он всякой лжи отец» – в переводе Лозинского. В обоих случаях Форд указывает на лживость Смотрителя. *Прим. автора.*

– Чего он боится, что дверь взорвут изнутри? – Индус пожал плечами и открыл дверь, приглашая Форда войти внутрь. Поджигатель, которого лейтенант собирался допросить, сидел пристегнутый наручниками к столу. – Стоп! Почему он в наручниках? Разве он не должен быть в смиренной рубашке?

– Слишком много вопросов? Ответ один – требования безопасности.

– Вы разве не пойдете со мной?

Индус в очередной раз пожал плечами и пропустил лейтенанта вперед. Форд вошел и дверь за ним закрылась. Он остался наедине с так называемым постояльцем. Он был небольшого роста, редкие курчавые волосы торчали в разные стороны на манер безумного ученого, голова чуть больше положенного, а поверх всего этого безобразия – очки с толстыми линзами. Форд невольно диагностировал дальновзоркость.

Разложив на столе документы, лейтенант начал допрос. Сначала шли стандартные вопросы: имя, род деятельности и прочее. Затем шли вопросы, относящиеся самому преступлению. Поджигатель пересказал все слово в слово, что он говорил на суде – ничего нового. Говорил он с охотой и каким-то снисхождением. Должно быть, выбранная им манера общения призвана раздражать собеседника. Но в данный момент у Форда впервые за долгое время была ясная голова, и подобные уловки на него не действовали. По крайней мере, сегодня. Форд заметил одну особенность: не смотря на легкую придурковатость и бессвязность речи, поджигатель давал более-менее внятные ответы на все вопросы, но старательно избегал говорить о мотивах. Он охотно рассказывал про соучастников и как совершил поджог. Но как только вставал вопрос «зачем?» он начинал сыпать цитатами Ницше: «Бог умер: теперь хотим мы, чтобы жил сверхчеловек» или «Быть великим – значит давать направление». За идею сверхчеловека цепляются самые низменные люди. Но не в данном случае. Если бы допрашиваемый верил в ту идею, он бы не удостоил Форда и взглядом. Этому человеку нечего терять: остаток жизни он проведет в лечебнице либо в тюрьме. Но он радушно ответил на большинство вопросов. В чем проблема с остальными? Какой-то секрет или он просто не знает ответа? Лейтенант перешел в наступление.

– Расскажите, пожалуйста, как именно Вы подожгли дом? Где был очаг возгорания? – Форд протянул план дома. Собеседник некоторое время изучал план, затем отодвинул от себя, насколько позволяли наручники.

– Здесь, – он ткнул пальцем в место, которое на схеме было обозначено как зал, и начал едва заметно раскачиваться взад-вперед.

– Был только один очаг возгорания? Почему бы не поджечь дом снаружи?

– Огонь прекрасен, он очищает. Он ранит и ласкает одновременно. Один маленький огонек рождает пламя, как искра души рождает... – дальше шел бесконечно долгий и бессвязный монолог про красоту огня. Форд пропустил его мимо ушей и, воспользовавшись моментом, подготовил фотографии жертв. Как только бубнеж прекратился, он решил пройтись по основной версии.

– Почему вы убили этого человека? – Форд показал фото главы семейства.

– Я искал великих людей, а находил лишь обезьян их идеала, – опять Ницше. Ясно...

– Хорошо, но зачем убивать их? – Форд протянул две оставшиеся фотографии – Гиллан и Красавчик.

Блуждающий взгляд сумасшедшего задержался на одной из них. Ненадолго, но Форд заметил. К его удивлению взгляд задержался на последней жертве, якобы никак несвязанной с этим делом – Красавчике.

– Что Вас здесь держит?

– К чему вопрос? Я виновен. Я – убийца. Я – смерть. И я слышал голос: «Иди и смотри!»

– И какой от этого прок? – перебил Форд. Амплитуда раскачиваний теперь была заметна глазу.

– Все боятся смерти. Теперь все будут уважать огонь! Я...

– Вот оно! Страх и уважение! – Форд едва удержался от своей фишки – ударить ладонью по столу. Ограничился легким касанием, – Вот почему Вы здесь.

– Я...

– Смерть и огонь, – передразнил Форд. – Знаю, слышал уже. Я более чем уверен, что Вы не совершали преступления, за которое оказались здесь. И дом вы точно не поджигали, – поджигатель раскачивался все сильнее. Из уст его только и вырывалось: «Я... я... я...» Он не пытался закончить какое-либо предложение – просто повторял одно и то же, как заезженная пластинка.

– Дело в том, – продолжал Форд. – План дома, который я показал в начале, никакого отношения к делу не имеет. Он даже еще не построен. А еще я точно знаю, что Вас и близко не было в момент совершения преступления. В заключении пожаро-технической экспертизы сказано, что Дом, о котором мы, якобы, говорили, подожгли снаружи, по периметру. И тем не менее Вы знаете подробности, о которых знали только сотрудники нашего участка и те, кто на самом деле совершил это преступление. А с нашим участком, я уверен, Вы никак не связаны.

На мгновение постоялец клиники для душевнобольных перестал бормотать и задержал взгляд на Форде. И лейтенант в очередной раз заметил:

– А также Вы узнали его, – Форд помахал фотографией Красавчика, – Откуда вы его знаете? Как он связан с этим делом?

Допрашиваемый отвернул лицо от лейтенанта закатил глаза и застонал. Форд слышал, как отпирается замок двери и нанес последний удар:

– Кто это сделал?!

Постоялец сорвался с места и истошно крича, устремился и устремился к Форду. Его лицо остановилось в нескольких сантиметрах от лица Форда. В наручниках, что-то хрустнуло, и Форд увидел, как кровь стекает по цепям на стол. В этот момент ворвались два санитары. Прежде, чем расстегнуть наручники сделали постояльцу укол. Оседая им на руки, он сказал: «Мы живем не ради будущего. Мы живем, чтобы хранить свое прошлое». Эти слова озадачили Форда. Он не ожидал добиться чего-то вятного. Но последняя фраза запала в душу. Бред сумасшедшего? Или единственная осознанная фраза. Лейтенант что-то упустил. Но что?

Погруженный в свои мысли Форд, прошел мимо дежурного врача. Индус сокрушенно качал головой и с осуждением смотрел на лейтенанта.

«Сам виноват – он обязан был находиться внутри, вместе с лейтенантом и допрашиваемым, а не подчиняться бредовым правилам. К слову о правилах...»

Навстречу шел Смотритель.

– Что Вы себе позволяете? Кто дал право издеваться...

– Вот именно! – Форд остановился перед ним. Сложил пальцы пистолетом и ткнул в грудь Смотрителя. – Спасибо! Вы выбрали правильные слова! Кто дал Вам право унижать подопечных? На каком основании Вы не допускаете их представителей на допрос?

Смотритель беззвучно открывал и закрывал рот, но кипящая в нем злость мешала ясно мыслить и сформировать угрозу. Он менял цвет, как хамелеон. С бежевого на красный. Этот факт не ускользнул от внимания постояльцев. Теперь Форд был для них подобен богу.

– Подаю жалобу... – беспомощно выдавил смотритель.

– Это хорошо, потренируетесь в красноречии. Оно Вам пригодится в общении с комиссией.

– К-к-какой еще комиссией?

– Сами думайте. Ваша богадельня не удовлетворяет даже минимальным требованиям, – каким именно требованиям должна удовлетворять лечебница Форд не знал, а потому ограничился обобщающим термином. – Пациенты этой лечебницы абсолютно не защищены от пси-

хологического воздействия или недопустимых методов лечения или следствия, коль они находятся здесь в наказание за тяжкие преступления. Не говоря о том, что вы их обираете.

Форд миновал бледного, как мел зрителя, который продолжал стоять посреди коридора бессмысленно открывая и закрывая рот, словно все еще спорил с Фордом. Уходя, Форд поднял вверх левую руку, намекая: «Разговор еще не закончен!»

– Удачи!

Лейтенант покинул лечебницу под одобрительный гомон душевнобольных пациентов лечебницы. Даже врач-индус одобрительно кивнул ему на прощание. Сам того не желая, Форд покинул лечебницу победителем.

III

Пока Джеффрис вовсю занимался обучением Анны, Уильям с головой погрузился в работу. Когда он не опрашивал свидетелей, то занимался изучением документов. А в документах царил бардак. Найти связь предыдущего судьи с предполагаемыми мятежниками было невозможно. Возможно, и не было никакого заговора и не было. А виной всему была лишь жестокая человеческая натура. Насилие лишь множило насилие. И пока Уильям приносил новые жертвы на алтарь человеческой злобы и ненависти, никто из власть имущих не пытался пресечь творящееся безумие. Эту теорию подтверждало общение с, так называемыми, свидетелями. Все они были людьми недалекими, а точнее – идиотами. Их обвинения были абсурдными: соседская корова приносит больше молока, чересчур красивые дети трактирщицы, частые дожди, толстые кузнечики и прочий бред. Мало того, этот бред был зафиксирован в документах, на основании которых выносили приговор. При этом никаких истинных проявлений скверны нигде не было зафиксировано. Для Уильяма это был беспрецедентный случай: никакого колдовства или вмешательства дьявола – зло творили обычные люди.

Уильям подготовил отчет для королевского судьи в котором указал имена всех, кто так или иначе потворствовал выходкам бывшего судьи. А также список тех, кто пытался выступить против, творившегося безумия. Этот список оказался гораздо короче. Со всеми, кто в него попал Уильям успел пообщаться за исключением лорда-распорядителя Джеффрис. Молодой аристократ был попросту неуловим. А у судьи не имелось веских причин вызвать лорда-распорядителя официально.

Джеффрис интересовал Уильяма и потому, что первый назначил себя покровителем Анны, чем избавил Уильяма от лишних забот. Как доложили охотники, Джеффрис лично посетил Анну в отдельной комнате при монастыре и каждый день навещает ее. Уильям слышал о подобном поведении и в отношении других женщин, которых обвиняли в колдовстве. Что это: очередной приступ благородства или слабости? А может и то и другое – плата за спасение? Уильям не мог его винить, он и сам любил «посещать» женщин. Только женщины эти были более высокого сословия. И все же Уильям не мог избавиться от мысли, что это все не просто совпадение. Тем более, что процесс над Анной и ее матерью тормозило отсутствие свидетеля обвинения. С одной стороны – это хорошо, дело можно будет закрыть за неимением доказательств. С другой – подобный оправдательный приговор вызовет много вопросов, и жизнь двух женщин вновь может оказаться под угрозой, если местные идиоты решат по старой памяти взять правосудие в свои руки.

Судью угнетало бездействие. И пока дело не закрыто, он также является узником этих стен. Он отвлекся и предался воспоминаниям. Как только начинал охотиться за нечистью. Как удобно клинок лежал в руке. Как он беспрепятственно разрезал тела грешников и монстров. Как он отдыхал и развлекался после охоты. В эти моменты он чувствовал себя живым, ибо был лишен страха. Страх умереть. Уильям отогнал от себя мрак и снова вернулся к воспоминаниям. Он вспомнил, как собирал вокруг себя единомышленников. Он помнил каждого. И тех, кто погиб в борьбе, и тех, кто оставил его по естественным причинам. Он вспомнил о старой женщине, ради которой он задержался в этом месте. Женщине, ради которой он отказался от своей страсти, своей жизни. Когда-то она была молода и красива. Она сражалась с ним плечом к плечу не менее отчаянно и яростно. В свое время она была лучшей охотницей на ведьм.

В этот момент звуки за окном отвлекли его. Мальчишки играли под окнами. Играли они в «Охотников и колдунов». Дружной ватагой они носились из стороны в сторону, изредка кидая камни в слабоумного юношу, которого они назначали «колдуном». Слабоумный неуверенно ковылял по улице, постоянно рычал и безумно смеялся. То ли он пытался что-то сказать, но из-за болезни не мог, то ли ему и вправду процесс доставлял удовольствие – загадка. Изредка, кто-

то из мальчишек набирался смелости, подбегал к слабоумному и тыкал его палкой. А потом с не менее безумным хохотом убегал. Но судью заинтересовал совершенно иной звук – тишина. Уильям выглянул в окно и улыбнулся. По двору шел настоящий охотник на ведьм. Мальчишки замерли. Их сковал страх вперемешку с благоговением. А охотник тем временем остановился перед слабоумным. Тот продолжал рычать, только на этот раз непосредственно на охотника. Тот потрепал слабоумного по голове и пошел дальше. Уильяму даже показалось, что охотник даже улыбнулся в этот момент. А отношение мальчишек к слабоумному резко переменялось. Они больше не кидали камни, не тыкали палками. Один даже осмелился дотронуться до него.

Уильям вновь отвлекся. Память – штука не постоянная. Он вспомнил про действительно лучшего охотника на ведьм. Который сейчас служит под началом Уильяма. Уильям восхищался его мастерством. Он обладал исключительными навыками: отличный следопыт, великолепный фехтовальщик, незнающий страха и сомнений. Уильям так и не понял, что движет этим человеком. Месть? Азарт? Или нечто... большее. Его лицо всегда беспристрастно, движения четкие, уверенные. Словно он был специально послан Уильяму высшими силами.

Уильям вспомнил момент их встречи. Один, полуголый, израненный человек стоял посреди разрушенного селения. А вокруг него лежали трупы омерзительных демонических существ, медленно возвращающих человеческий облик. Если бы Уильям прибыл позже, то лично бы казнил его за устроенную бойню. Но, у Всевышнего были иные планы. С тех пор немногословный человек без имени и прошлого стал верным соратником Уильяма. Безупречное оружие в борьбе со злом. И сейчас это оружие ржавеет – следит за беззащитными женщинами.

Уильям вновь окунулся в воспоминания. В этот раз это были те немногие – счастливые. Он был влюблен. Сейчас он это понимает. Но, в то время он бы рассмеялся в лицо тому, кто осмелился сказать ему об этом.

Как всегда, счастье мимолетно. Многие «мудрецы» утверждают, что лучше уйти на пике наслаждений и не видеть, как чувства угасают. Уильям был категорически не согласен. Разорвать отношения все равно, что оторвать руку – боль адская! И она не проходит. Другие «мудрецы» заявляют, что время лечит. Просто прошло его недостаточно. Для Уильяма прошедшие годы лишь капля в море. А вот его любимая женщина успела состариться. Уильям всегда думал о том, каким могло быть их совместное будущее? Он ведь не стареет. И вот у него есть ответ – он все еще любит ее. Физическое влечение ослабло, а вот духовное – нет. Он все еще любит ее. И пора ей сказать об этом!

Уильям схватил шляпу и выбежал во двор. Мальчишки в ужасе разбежались. Даже слабоумный пустился наутек. Но Уильям не обратил на это внимания. Он мог просто вызвать пленницу к себе. Но на это ушла бы уйма времени. А Уильяму не терпелось сказать о своих чувствах. Он шагал так быстро, как мог себе позволить, не разбирая дороги и не различая лиц. Но, навыки долгой охоты неожиданно дали о себе знать. Уильям остановился как вкопанный перед кельей. Он вертел головой в разные стороны, пытаясь понять, в чем собственно дело. Небо было пасмурным, но сквозь него просвечивался диск солнца без каких-либо признаков затмения. Все животные, за исключением козлов вели себя беспокойно. Это вполне можно было объяснить переменой погоды, но Уильям решил удостовериться. В хозяйстве монастыря имелось несколько коров. К ним-то Уильям и направился. Монахини как раз несли свежее молоко на кухню. Уильям остановил их и лично испил из каждого ведра. Привкуса крови он не почувствовал. Но, это его не успокоило. Он отправился в стойло и проверил вымя каждой коровы на наличие кровоподтеков. И здесь он ничего не обнаружил, животные были здоровы.

Уильям вернулся к двери кельи и только тогда заметил, что трава была примята и закручена. Чувства Уильяма отошли на второй план, уступив место азарту охоты. Он решительно распахнул дверь и вошел внутрь. Мать Анны в монашеских одеяниях стояла возле окна. Уильям не мог разглядеть, стоит ли она к нему спиной или лицом. Он замялся.

- Зачем пришел, Уильям? Освободить меня? Освободить мою дочь? Или убить?
- Могла бы начать с приветствия!

Уильям не скрывал своего раздражения. Он пришел сказать самые главные слова в своей долгой жизни. А в итоге столкнулся с бабкой, которая его ни во что не ставит. Перед ним была типичная ведьма. И Уильям перешел в наступление. Он бросил под ноги ведьме скрученный в узел колосок.

- Знаешь, где я его нашел?
- Откуда? Я никуда не хожу. Я же узница.
- На твоём пороге.

Женщина подняла колосок и поднесла поближе к глазам, чтобы лучше его рассмотреть.

- Ты прав, человек на такое не способен! – съязвила она.
- Будешь отрицать свою причастность к колдовству?

– Я не отрицаю. Я действительно причастна к колдовству. Даже однажды влюбилась в колдуна!

Уильям стоял, как громом пораженный после такого признания. Как такое возможно? Неужели он был настолько слеп? И только потом до него дошло, что речь идет о нем.

- Это ложь! Не я наслал скверну на эту землю!

– Да ты взгляни на себя! Внешне ты не изменился. Но душа твоя черна. Ты спрашивал, почему я тебя оставила? Да потому, что видела, как ты превращаешься в то, с чем я поклялась сражаться. Тебе же поклялась!

- Ты не знаешь, о чем говоришь!

– Ты правда веришь в то, что говоришь? Или же хочешь верить? Ты говоришь, что утратил веру в слова. А во что ты веришь? В боль и смерть! Почему тульи охотников алые? Потому, что пропитаны кровью первой убитой ведьмы. А чьей кровью пропитана твоя? Невинной девушки, которую ты лично задушил, а затем перерезал горло, пока кровь не свернулась.

- Эта невинная жертва, которая камнем лежит на моей душе. Я каждый день молюсь...

– Только за нее? Или же у тебя так много времени, что ты можешь молиться за каждую невинную душу, погубленную тобой?

- Твоими устами говорит дьявол!

Уильям в отчаянии метнулся к библии, лежащей на столе. И стал хаотично листать страницы, ища защиты в священном писании. Он знал ее наизусть и знал, что нужные слова есть в его голове. Но, он не мог вспомнить их. Зло искушало его. Путало мысли. Нет, он же не злодей. Он – жертва.

«Ой ли?» – спросил знакомый голос в голове. Это был голос его брата. Давно забытый голос заставил Уильяма сомневаться. Чувствовал ли он угрызение совести, когда казнил невинных? Или же удовольствие? А потом неожиданно услышал ответ на свои вопросы.

– Ты не отличал грешников от праведников. Потому, что сам – чудовище, упивающееся болью и страданием.

- Это не так! – закричал Уильям.

Это был крик не ярости, а отчаяния. Уильям принялся листать библию с новой силой. Сейчас он обретет силу. Он сможет сопротивляться, дать отпор, опровергнуть эту гнусную ложь. И поможет ему в этом слово Божие.

В этот момент женщина подбежала к Уильяму. Несмотря на возраст, она не растеряла навыков охотника. Она молниеносно захлопнула книгу, сбросила на пол и пнула в дальний угол. Он больше не сомневался, что перед ним ведьма. Любой охотник на ведьм, способен в четыре взмаха меча сразить любого противника. Хороший – сделает это за два. А Уильям был лучшим из всех. Не может быть такого, что какая-то бабка смогла превзойти его в скорости и ловкости. Очевидно, перед ним ведьма.

– Хватит прятаться за этой книжкой! Вспомни всех, кого ты осмелился убить своей рукой! Вспомни звук, с каким клинок входил в тело! Небольшое сопротивление перед тем как сталь проникала в тело. Ты от этого получал удовольствие? Или удовольствие ты получал в постели с женами лордов, которыми они с тобой расплачивались?

Уильям схватил женщину за волосы и ударил головой об стену. Старческой тело осело на пол, оставив на стене кровавый след. Уильям нервно зашагал по комнате.

– Да что ты знаешь о боли? Больно держать мертвых младенцев, пораженных черной магией! Больно быть беспомощным перед проклятьем! Больно жить с этим грузом вечно! Это все не удовольствия ради! Это попытка изменить свою судьбу! Удовольствие! О, да! Ты знаешь о нем все, блудница сатаны.

– Иди к черту, Уильям! Ты жалкий никчемный лжец! Ты обещал нас спасти. И вот она цена твоего спасения – задранные юбки или смерть!

– Я могу спасти дочь. Только скажи мне об этом.

Женщина затихла. Но сознание не потеряла. Она продолжала осуждающе смотреть на Уильяма. Ее глаза были ярко синими – верный признак того, что она о чем-то напряженно размышляет. А размышляла она о дочери. Всю жизнь она защищала дочь. И сейчас ей предстоит сложный выбор – спасти ее от смерти или от проклятия.

– Ты думаешь она твоя?

Уильям замер в ожидании. Казалось само время и пространство замерли вместе с ним. А старая карга продолжала молчать. Уильям в ярости выхватил нож и занес его для удара. А потом замер. Старуха не просто так молчала. Силы покидали ее, она пыталась что-то сказать. Но воздух предательски застрял в горле. Уильям наклонился прямо к ее лицу, но ничего не услышал. И только по губам прочитал: «Нет».

– Нет... Нет? Нет!

Уильям ударил женщину в живот. Старческое тело не сопротивлялось стали. И Уильям не получил удовлетворение. Он продолжал наносить удары, снова и снова повторяя одно и то же: «Нет!»

В дверях появились монахи, которых привели монахини, встревоженные поведением Уильяма. Их взору открылась кошмарная картина. Стены были забрызганы кровью. Порванная библия валялась на полу в луже крови. Хозяином и основателем этого кошмара был безумец, орудующий окровавленным ножом. Монашки прикрыв рот рукой с криками бросились прочь. Монахи, более привычные к таким зрелищам за годы расправы над ведьмами, лишь перекрестились и сложили руки в молитвенном жесте. За годы служения они превратились в пухлых слабаков, не поднимающих ничего тяжелее пивной кружки. И сейчас они обращались к Богу с просьбой избавить их от необходимости применить силу. Бог услышал их молитвы. Уильям перестал измываться над телом и повернулся к монахам. Он больше напоминал вампира нежели судью. Его руки были буквально по локоть в крови, капли крови стекали по лицу. Он провел рукой по лицу в попытке стереть кровь, но по факту лишь еще больше испачкался.

– Сын мой...

– Заткнись! Созови охотников.

Уильям наконец взял себя в руки. По Крайней мере, сейчас он говорил и вел себя уверенно и спокойно. Он заметил, что монахи просто топчутся на месте и не спешат исполнять его приказ. Он начал терять терпение.

– Живо! – рявкнул Уильям.

Монахов, как ветром сдуло. От страха за свою шкуру они даже не удосужились спросить, что здесь произошло, и не требуется ли кому помощь. Уильям последовал за ними. Он даже не обернулся напоследок. Просто вышел и затворил за собой дверь. С хладнокровным спокойствием он пересек двор и прошел в свой кабинет. Не спеша стер кровь с лица, но не смог отмыть руки. В ожидании своих преданных последователей он переоделся в одежду более

соответствующую одежде охотника на ведьм. В отличие от рядовых охотников он надел перчатки, чтобы скрыть кровь на руках и черную рубашу. Он не размышлял о праведности своих действий, не пытался найти оправдание своим мыслям. Он отправлялся на охоту, чтобы избавиться от пустоты, образовавшейся внутри. Удачная охота скрасит пребывание в этом ненавистном графстве.

Как раз в этот момент в замке лорда-распорядителя Джеффриса проходил званый ужин. Трапеза закончилась, и пришло время танцев. Разгоряченная вином знать кружилась по залу, и даже не замечала присутствие простолюдинки. Впрочем, Анна не походила на простолюдинку в платье, которое ей подарил Джеффрис. Последнее время лорд-распорядитель был в приподнятом настроении. Внешне это было практически незаметно для стороннего наблюдателя, но не для Анны. Она примечала, как приподнимались уголки его губ, учащалось дыхание, как он позволял себе едва заметные жесты руками. Он утверждал, что обучение Анны продвигается гораздо лучше, ожидалось. А также, что она натолкнула его на мысль, которая перевернет существующие устои. Что именно за мысль, Джеффрис не уточнил. Анна подозревала, что Джеффрис знает, чем она занимается в свободное время, и это знание его не радует. Но на деле все было наоборот.

Джеффрис беспечно кружил по залу в объятиях темноволосой красавицы. Красавица ни на секунду не хотела отпускать своего кавалера. Она следовала за Джеффрисом словно тень и обращалась к нему исключительно «Тесого міо»⁷. Подобное обращение очень забавило Джеффриса.

Анна смотрела как дамы кружатся в объятиях мужчин по мраморному полу. Их движения по залу напоминали замкнутый ритуал. Вот они кружат по залу. А через мгновение сбегая к столу, стоит лишь прислуге обновить выпивку и закуски. Так мотыльки летят на огонь. И чем дольше Анна смотрела, тем меньше задумывалась о своем происхождении. Менестрели играют для всех одинаково. Вино будит звериные инстинкты и в бедняке и богаче. А раз музыка и вино стирают разницу между сословиями, то почему этого не может сделать танец? Может Анна не так хорошо разбирается в этикете, не состоит в родстве с богатым лордом, но танцует она уж точно не хуже. Все просто – слушай музыку, следи за партнером и двигайся в такт. Нужен только подходящий партнер. И, кажется, такой нашелся – молодой лорд, а может граф, в дальнем углу зала. Весь вечер он не спускал глаз с Анны. Но едва она ловила его взгляд, как он тут же отворачивался или прикладывался к бокалу. Робость, продиктованная молодостью и неопытностью. Анна тоже не имела большого опыта в общении с противоположным полом. В своей жизни она целовалась только раз. И в тот раз Анной в большей степени двигало любопытство, а не страсть. Хоть и не очень удачный, но какой-никакой опыт.

Анна осмелилась сделать первый шаг – вино делало свое дело. Она двинулась в сторону молодого дворянина, огибая зал по периметру. Осознав, что Анна движется в его сторону, дворянин залпом осушил бокал и отправился за добавкой. Именно в этот момент резкая боль заставила Анну согнуться пополам. Когда же она снова смогла вздохнуть, то заметила, как на платье стали проступать пятна крови. Словно побитая собака Анна быстро отползла в темную часть зала. Как раз вовремя, новая волна боли повалила ее на пол. Боль приходила извне. И хоть приносила нестерпимые муки, она была, словно неполной. Достаточной, чтобы заставить страдать и недостаточной, чтобы убить. Но вместе с болью было кое-что еще. Волна обжигающего гнева. Анна буквально задыхалась от гнева. Вскоре, она перестала чувствовать боль. И вообще что-либо чувствовать. Мир превратился в блеклое размытое пятно, которое медленно угасало.

Анна безучастно смотрела, как ее мир – мир живых, исчезает. Не было ни мыслей, ни эмоций, пока не появилась искра. А вместе с ней появились первые мысли. «Я умерла? Это и

⁷ Мое сокровище (*итал.*).

есть смерть?» вслед за мыслями пришел и страх. Но, чем сильнее разгоралась искра, тем увереннее себя чувствовала Анна. Вскоре мир вновь наполнился красками и звуками. А искрой, которая вернула Анну к жизни, оказался Джеффрис. Его лицо, как всегда, было лишено эмоций, только в глазах горел какой-то безумный огонек. От него разлило алкоголем, словно он искупался в браге. Без лишних разговоров он подхватил Анну на руки и понес в свою спальню. Анна поразилась, сколько силы было в этом шуплом с виду человеке. Лорд-распорядитель двигался очень быстро и практически бесшумно. Он уложил Анну на кровать и, буквально, сорвал с нее платье. Анна всегда была готова к такому повороту событий. Но, недоумевала, почему сейчас. Джеффрис мог уложить ее к себе в постель в любой момент, не дожидаясь пока она потеряет сознание. Простолюдника Анна не смогла бы противиться лорду. К тому же Джеффрис был довольно привлекательным мужчиной. А сейчас он казался ей грязным животным – не придумал ничего лучше, чем воспользоваться беспомощностью девушки.

В комнате не горели свечи. Анна не видела и не слышала Джеффриса. Она просто лежала на кровати, предаваясь своим мрачным мыслям. Она позабыла о пятнах крови и потустороннем гневе. Она была уверена, что Джеффрис опоил ее. Она почувствовала его пальцы на своем теле. Анна ожидала, что ее будут лапать. Но прикосновения Джеффриса были нежными и чувственными. Приятное тепло разлилось по телу Анны. Анна должна была ненавидеть его, но не могла себя заставить.

– Зажги свечи! – услышала она спокойный голос Джеффриса. – Свечи справа от тебя. Зажги их! Я знаю – ты можешь.

Анна вытянула руку, размяла пальцы и сделала несколько взмахов. Комнату заполнил мягкий свет. Спальня Джеффриса разительно отличалась от халупы, в которой содержали Анну. Спальня, разумеется, была отделана золотом и мрамором. И в свете свечей вся эта роскошь создавала ощущение нереальности. Но, было кое-что еще, что не ускользнуло от внимания Анны. Сама комната была спроектирована неправильно. Она лишь казалась прямоугольной. Анна тут же догадалась в чем дело. Это была вовсе не комната, а порт. Даже обычный человек случайно оказавшись в комнате мог беспрепятственно перенестись в любую точку мира и времени.

– Вижу, ты продвинулась в запретных знаниях куда дальше, чем я предполагал. Полагаю, все ради матери. Ты с ней общалась?

Анна молчала. Она смотрела на Джеффриса со страхом вперемешку с отвращением. И Джеффрис это заметил.

– Я не злюсь. Ты добилась невероятных результатов за столь короткое время. Моя дорогая. Это не иначе, как чудо! И повод для моей гордости. Но, пойми, человек, к которому ты привязалась в опасности, если не сказать больше. Дело в том, что ты вся в крови. Но, никаких ран на теле я не обнаружил.

В доказательство своих слов Джеффрис указал своими окровавленными руками в сторону Анны. Действительно, кровь продолжала сочиться через поры, хоть уже не так интенсивно.

Джеффрис не стал дожидаться ответа. Он взял со стола золотой многоугольник, такой же неправильный и неестественный, как и комната, и протянул его Анне. Как и в случае с комнатой, Анна быстро сообразила, что перед ней карта. Она взяла многоугольник и принялась вертеть. Пространство вокруг начало меняться в такт движениям Анны. Из теней выплывали помещения, как пустые, так и заполненные людьми, леса и поля. Они наслаивались друг на друга и растворялись также, как и появлялись. Пейзажи сменяли друг друга все чаще, пока Анна не остановила вращение. На месте мраморной стены зияла непроглядная чернота. Анна и Джеффрис напряженно всматривались в темноту в ожидании хоть какого-то движения или звука. Но ничего не происходило. Тогда Джеффрис выхватил из подсвечника одну из свечей. Расплавленный воск зашипел от соприкосновения с окровавленными руками и застыл. Лорд-

распорядитель не обратил на этот факт ни капли внимания и твердым и уверенным шагом отправился в черноту. Теплый свет свечи не мог осветить помещение, в котором оказался Джеффрис. Все, на что он был способен – освещать стены из серого кирпича. По мере продвижения Джеффриса картина вокруг него не менялась. Лишь голые стены без намека на какое-либо убранство. Но кое-что все же изменилось. Звук шагов сменился с гулкого стука на хлюпанье. Джеффрис осветил пол. Он весь был залит кровью. И в этом море крови виднелся черный прямоугольник. Джеффрис поднял его. Прямоугольником оказалась библия. Она была раскрыта на тридцать первой главе Книги пророка Иеремии. На окровавленных страницах прочесть можно было лишь следующее: «...и грехов их уже не вспомню более». Джеффрис обдумал прочитанное. Он прекрасно знал, чем начинался и заканчивался стих, отрывок которого он только что прочитал. Вряд ли это было послание, скорее просто книга опрокинулась при борьбе.

Джеффрис отложил книгу, не заботясь о ее сохранности. Он сделал несколько шагов прежде, чем увидел в кругу света тело. Джеффрис бросился к телу так быстро, насколько мог, чтобы не потерять равновесие на скользком полу. Ему не нужен был свет, чтобы понять, кто передним. Одежда была изрезана, на теле виднелись многочисленные глубокие порезы. Даже в свете свечи кожа была мертвенно-бледного цвета. Но, женщина перед ним была каким-то непостижимым образом все еще жива. Это было видно по глазам. Они испытывающее смотрели на Джеффриса, в то время как лицо превратилось в фарфоровую маску.

Джеффрис хотел оставить женщину там же где и нашел. Уйти и забыть. Но ему также было очевидно, что связь Анны с матерью гораздо сильнее, чем он ожидал. Анна разделила боль матери и тем самым не позволила ей умереть. Пока что. Но, кто знает, что случится, когда смерть возьмет свое. Джеффрис не стал рисковать. Он подхватил едва живое тело и вернулся в спальню.

У Анны перехватило дыхание. Голова закружилась, сознание стало покидать бедную девушку. Невообразимым усилием воли Анна не давала предательскому разуму провалиться в небытие. А Джеффрис тем временем обрабатывал раны ее матери. Анна мысленно взмолилась: «Боже, неужели ничего нельзя сделать? Несправедливо дать ей умереть!»

Джеффрис отошел от тела и сокрушенно покачал головой. Затем обратился к Анне, словно она до этого общалась с ним к нему:

– Я сделал все, что мог. Но этого недостаточно. Хотя твоя мать и сильная женщина, протянет она недолго – мы слишком поздно ее нашли. Но кое-что сделать можно. Для этого придется выйти за все возможные рамки и запреты. Колдовство в чистом виде.

«Все, что угодно!» – взмолилась Анна.

Словно напастей, свалившихся на головы Анны и Джеффриса было недостаточно, в дверь спальни тихонько постучали. Все в комнате замерли. Казалось, даже свечное пламя застыло.

– *Tesoro mio*, – послышалось за дверью, – тебя ищут какие-то люди.

– Прошу тебя, не сейчас! Скажи им, я скоро спущусь.

– Но они настаивают. И они такие страшные – все в черном.

Дверь спальни отворилась, и на пороге замерла прилипчивая спутница Джеффриса. Ее лицо вытянулось от удивления. Перед ней предстала картина более чем странная. На кровати было две полуголые женщины. Та, что постарше вообще не подавала признаков жизни, молодая стыдливо прикрывала грудь. Она переводила взгляд с Джеффриса на женщину на кровати, потом на нежданную посетительницу, потом на странный золотой предмет на столе, потом снова на Джеффриса и дальше по кругу. Джеффрис стоял в центре комнаты и не моргая смотрел на свою недавнюю спутницу. И самое неожиданное было вовсе не наличие двух женщин в спальне лорда-распорядителя, а то, что все трое были перемазаны кровью с ног до головы. Джеффрису пришло в голову, что самое время сказать: «Это не то, что ты думаешь!» Но, он

передумал – он бы все равно ничего не смог бы ей объяснить. С лестницы слышались шаги ног, обутых в тяжелые сапоги, а не бальные туфли. Джеффрис обернулся к Анне.

– Другого шанса не будет. Решай!

– Да! Господи, пожалуйста! – выпалила Анна.

Джеффрис схватил золотой многогранник и крутанул его. Анна успела бросить последний взгляд на девушку в дверях. Ее красивое лицо исказилось в чудовищной гримасе. А потом комната вновь потонула во тьме, которую не могли разогнать даже свечи. Постепенно Анна начала различать предметы. Джеффрис указал вглубь помещения. Свет отражался от огромного котла, стоящего в печи. Но свет был недостаточно ярким, чтобы Анна могла рассмотреть что-либо еще.

– Разожги огонь! – вновь скомандовал Джеффрис.

Анна колебалась. Она не хотела отходить от тела матери.

– Я обещал помощь. Но я не собираюсь делать все сам.

Анна направилась к котлу, и в этот момент ей слышался неясный шум. Он вроде бы исходил из печи. Анна замерла и начала прислушиваться.

– Скорее, Анна! Она же умирает!

Отчаяние подстегнуло ее. Вряд ли будет худо, если она использует немного колдовства, чтобы спасти дорогого ей человека. Анна медленно начала растирать руки. Она думала о матери, об отце, о тех временах, когда была ребенком. Она верила, что ведьмы – настоящие ведьмы, что в сговоре с дьяволом – черпают силу из гнева, обиды, зависти. Но если думать о чем-то хорошем, то и магия получится светлой, несущей благодать и спасение. В какой-то момент, Анна услышала какой-то треск. Она открыла глаза и посмотрела на свои руки – между ладонями бегали искорки. Ей показалось, что из котла доносится плачь. Но искорки разгорались все сильнее, и Анна не придавала этому звуку никакого значения. Пламя в ладонях разгоралось все ярче. Его уже вполне было достаточно, чтобы рассмотреть комнату, но Анну это не интересовало. Вместо робких желтых искр в ладонях светились два белых шара. Анна едва прикоснулась к котлу, как он тут же покрылся оранжевым свечением и забултыхал.

– Достаточно! Зачерпни содержимое и быстрее сюда.

Анна не колеблясь сунула руки в котел и зачерпнула бурлящую маслянистую жидкость и кинулась к матери.

– Медленно втирай в грудь. Хорошо! Зачерпни еще мази!

Анна вновь бросилась к котлу. Окунула руки и в ужасе отпрянула. На поверхности жижи плавал скелет. Точнее, маленький скелетик принадлежащий не иначе как младенцу. И тут до нее дошел весь ужас содеянного. Сделка, чудодейственная мазь. Нет никакой разницы между белой и черной магией. Когда магия работает, это всегда заслуга дьявола.

– Ты... ты... дьявол... – простонала она.

– Вовсе нет, – невозмутимо отозвался Джеффрис, словно Анна спросило что-то обыденное. – Не я же сварил ребенка этой несчастной.

– Что?

Анна вновь обернулась к ужасному котлу. И только сейчас, когда глаза привыкли к темноте, она разглядела существо, скрючившееся в углу. Существо таращилось на нее из темноты совершенно безумными глазами. На голове виднелся клок грязно-рыжих волос. А кривоzubый рот извергал какие-то бессмысленные фразы вперемишку с ругательствами. Анна вновь обернулась к Джеффрису.

– Ты думаешь, что я все это подстроил? Вовсе нет. Просто я был готов к такому развитию событий. А теперь, не устраивай сцен и закончи начатое!

Анна стояла и не шевелилась. Ее мозг был охвачен пламенем. Она отчаянно пыталась найти выход и ответы на миллион вопросов, что роились в ее голове. Тщетно. Анна готова

была сама броситься в котел лишь бы не видеть, как самый родной и близкий человек уходит. Ведь цена спасения жизни – проклятие души.

– Ну да, ты сварила ее ребенка. А знаешь ли сколько женщин и детей она отправила на костер своей ложью? Знаю, это слабое утешение. Сделанного не воротишь. Но свою мать, ты еще можешь спасти. Закончи ритуал. Используй мазь, чтобы отправиться в мир смерти и вернуть душу матери. Иначе, она навсегда останется в мире призраков.

Анна не сдвинулась с места. Видя ее смятение Джеффрис продолжил.

– Вся свою жизнь ты ползала по земле как гусеница. Благодаря мне ты превратилась в бабочку. И это еще не предел. Но ты хочешь все бросить. Из-за чего? Дурацких предрассудков? Ведь именно с ними мы и собирались бороться! Уйдешь сейчас, и для них ты навсегда останешься грязной ведьмой, которую необходимо придать огню.

С этими словами Джеффрис выхватил клинок и молниеносным выпадом направил острие Анне в лицо. Все, что успела сделать Анна – зажмуриться. Но ничего не произошло. Анна открыла глаза. Клинок лорда-распорядителя замер возле ее лица, как и клинок охотника на ведьм. Как он здесь оказался? Анна отскочила к печи, как испуганная лань. Охотник и Джеффрис так и стояли, скрестив клинки. Теперь у них шла зрительная дуэль. Анна готовилась к смерти. Она прекрасно знала, чем все закончится. Не имеет значения насколько Джеффрис искусный фехтовальщик, охотником на ведьм он не был. Охотник же в свою очередь достал кинжал и атаковал Джеффриса. Все произошло мгновенно. Анна не смогла сосчитать количество движений. Но, Джеффрис все еще стоял на ногах. Более того, охотник на ведьм бездыханно лежал у ног лорда-распорядителя.

Прежде, чем Анна успела прийти в себя, Джеффрис схватил ее за руку и отволок к золотому многограннику. Он вновь крутанул его. И прежде, чем пространство сдвинулось, он вышвырнул его в темноту. Было ясно – возвращаться он не намерен. Анне ударил в нос запах рыбы. Они переместились в порт прямо перед каким-то матросом-забудыгой. Не удостоив матроса даже взгляда Джеффрис потащил Анну вглубь порта вдоль торговых рядов. Обитатели порта смотрели на парочку, перепачканную кровью и грязью с неподдельным интересом. Джеффрис шел гордо и невозмутимо, а вот Анна плелась следом стыдливо прикрывая свою наготу. Она попыталась вырвать руку, но у нее ничего не вышло. А Джеффрис, казалось, даже не заметил ее потуг. Наконец, он остановился и с удивлением осмотрел местный сброд, словно не ожидал, что здесь кто-то может быть. Отвлек внимание от себя он весьма умело – вынул горсть золотых монет и подбросил их в воздух. Местные тут же утратили интерес к странной парочке и ринулись собирать монеты и драться между собой. Воспользовавшись суматохой Джеффрис раздобыл одежду.

– Мы должны вернуться...

– Твоя мать уже мертва! А нас вот-вот настигнут охотники.

– Как?

– Они пришли в мой дом. Нашли убежище. Правильнее будет: «Как скоро?» Единственный шанс спастись – отправиться в Новый свет. Корабль скоро отчалит. А я задержу охотников так долго, как только смогу.

Анна не слушала Джеффриса. В голове вертелось только одно: «Мама умерла...» В полубредовом состоянии она прошла к кораблю. Она не помнила, ни как Джеффрис сунул ей в руку горсть монет, ни как покинул ее. Она даже не помнила, как оказалась в своей каюте. Ее это не беспокоило. В один миг она лишилось всего. Осталось только лечь и умереть.

За все время путешествия Анна ни разу не покинула свою каюту. Она не видела, как играли огни святого Эльма на концах мачт. Как дельфины резвятся в лунном свете. Как солнце зарождается и гаснет в пучинах бескрайнего океана. Нет, ничего этого она не видела. Она рассматривала другие картины. Полные боли, смерти и отчаяния.

Все это время Анна наблюдала за Джеффрисом. Ему не суждено было добраться до дома. Еще в порту он встретил одного из охотников на ведьм. Охотник даже не заметил приближения лорда-распорядителя. И даже ничего не почувствовал. Просто в один миг мир перестал для него существовать.

Джеффрис сдержал слово. Он без устали истреблял охотников, которые приближались к порту в поисках Анны. Впрочем, охотниками Джеффрис не ограничивался. Он убил всех, кто хоть что-то знал об Анне. Но информация каким-то немислимым образом доходила до ушей безумного судьи-палача Стоутона. И однажды Стоутон лично явился в порт. Разумеется, явился в окружении дюжины охотников. Джеффрис мог справиться с одним или с двумя, но никак не с дюжиной. Потому он и решил нанести лишь один удар – в сердце Стоутона. Клинок Джеффриса достиг цели одновременно с клинками охотников. Джеффрису повезло, что охотники не ставили целью убить лорда-распорядителя. Клинки охотников вонзились практически в каждую важную мышцу тела Джеффриса. Так они и замерли: Джеффрис в последнем выпаде, Стоутон с выражением полного недоумения на лице, и охотники – безликие и невозмутимые. Едва охотники вернули клинки в ножны, Джеффрис рухнул на землю, как марионетка которой перерезали нити. Но даже это его последнее движение было направлено на то, чтобы нанести максимальный урон Стоутону. Клинок Джеффриса пропорол грудную клетку безумного судьи от сердца до шеи. Но Стоутон даже не пошевелился. Ни один мускул его тела не дрогнул. Только ветер несмело трепал его волосы, выбившиеся из-под шляпы.

Охотники невольно попятились. Стоутон был живее всех живых. Кровь не хлестала из раны. Сквозь разорванную рубаху на месте, где должна зиять кровоточащая рана, виднелась уродливая татуировка. Это была явная колдовская метка. И теперь охотники терялись в догадках: стал ли их предводитель жертвой, или же он и является источником. А Джеффрис лежал на окровавленной траве и ухмылялся. Его ухмылка не сулила ничего доброго. Наконец, один из охотников самый опытный и отважный из всех. Он кинжалом отодвинул края разорванной рубахи. Вся грудь Стоутона была изуродована множеством татуировок. Одни были похожи на следы зубов, другие на царапины, а также те, что схожи со шрамами от холодного оружия. Всем вмиг стало очевидно, что предводитель охотников на ведьм, неустанный гонитель нечисти сам является порождением зла. Охотники среагировали мгновенно. Они обнажили клинки и обступили Стоутона.

– Сдается мне, что они хотят проводить тебя на костер, – скорее простонал, нежели сказал Джеффрис.

– Не бывать!

Охотники придвинулись еще ближе. Их клинки напоминали пасть огромной хищной рыбы, почуявшей добычу. Но Стоутону было все равно. Он испепелял взглядом полным ненависти еле живого Джеффриса.

– Этот человек дьявол! Он принес скверну на эту землю! Это все он! Это все проделки сатаны!

– Ты еще не понял, Уильям? Твоей власти пришел конец. Ты проиграл. Опять.

Стоутон, обезумев от ярости, кинулся на Джеффриса. Охотники не остались в стороне, искусно делали свое дело. Каждое их движение было смертельно. Для обычного человека, разумеется. В утреннем тумане казалось, что сама смерть, великая и грозная, пришла за судьей-палачом Стоутоном. И теперь она парит над ним огромной черной тенью. Стоутон оставил попытки растерзать Джеффриса и принялся за людей, с которыми пять минут назад был готов штурмовать ворота ада. А теперь они один за другим гибли от руки Стоутона. Его движения не были столь элегантными и смертоносными как раньше. В слепой ярости он размахивал оружием в разные стороны. И словно сам дьявол направлял его руку, каждый его взмах попадал в цель.

Вскоре остался лишь один охотник. Он безмолвно стоял между Стоутоном и Джеффрисом едва пошатываясь от бессилия на ветру. Вся одежда охотника была изрезана также, как и одежда судьи. Только там, где у Стоутона виднелись лишь полосы-татуировки, у охотника были кровоточащие раны. Даже полумертвый Джеффрис подивился завидной стойкости и упорству.

– Оставь. Тебе его не победить. Этим оружием, – прошептал лорд-распорядитель.

Тут же подал голос и Стоутон.

– Отступи, брат! Я сам уничтожу дьявола!

Охотник оглядел поле, пропитанное кровью его павших товарищей. Без тени сомнения и разговоров он из последних сил поднял свой клинок и приготовился к бою. Вzbешенный Стоутон ринулся вперед, рассекая воздух взмахами своего клинка. А охотник сделал всего один шаг вперед – последний шаг. Он достал своего противника первым. К сожалению, его противник не был человеком. И все же, охотник исполнил свой долг – не дал Стоутону добраться до Джеффриса.

Солнце клонилось к закату. Безмятежный ветер резвился в красной траве. И только крик одинокого безумца нарушал покой покрытых туманом холмов.

XX

С недавних пор, мир для него предстал в ином свете. Дэш никак не мог избавиться от влияния, оказанного фиолетовым туманом. Раньше ему казалось, что туман напоминает о чем-то давно забытом. Но чем глубже он постигал свою Иную Природу, тем сильнее верил, что он сознательно заблокировал негативные воспоминания. При чем не самые дальние.

Дэш вспомнил, как еще недавно он сжимал в руках извивающуюся ничтожную мерзость над пропастью ада. Призраки срывали плоть с костей обнажая уродливое нутро, которое у нормальных людей именуется душой. Разумеется, телесная оболочка пострадала незначительно – всего лишь удар о бетон, и то не факт, ведь призраки постарались вырвать его из хватки Дэша. Но душа! Душа была истерзана, ей причинили боль куда страшнее физической. И сделали это обычные призраки – растерянные души, жаждущие расплаты. Так что же сделают профессиональные демоны – властелины преисподней, мастера ужасов и пыток? Дэш не хотел этого представлять, хотя и мог. Он заглянул за занавес, видел то, что скрыто и о существовании демонов знал совершенно точно. Это знание далось ему высокой ценой – он умер. Точнее – убит. Последняя жертва той мерзости, что сейчас страдает в аду. Не было никакой ошибки, не было летаргического сна. Только смерть.

Но, что заставило его вернуться в мир? Почему он не стал мятущимся духом, как многие? Он вернулся во плоти и обрел новую силу. Почему? Дэш окунулся в мир увиденных им кошмаров. Отыскал то самое видение – свое окровавленное лицо за миг до решающего удара. Видение превратилось в болезненное воспоминание. Дэша снова окутал противный вязкий туман, словно ограждая от неприятных ощущений.

В тот вечер за окном лил дождь. Дэш играл наверху с младшим братом в настольную игру, попутно рассказывая истории о шаровых молниях и прочих загадочных явлениях. И тут снизу раздался шум, а затем женский крик. Дэш вскочил и бросился вниз по лестнице, он слышал крик матери, ругань отца, но ничего не успел увидеть. Едва он перешагнул порог гостиной, как получил сильный удар по голове. Взгляд метнулся к потолку, затем переместился на гостиную и замер.

Он лежал не в силах пошевелиться. Даже глаза предательски проецировали одно и то же изображение под тем же углом. Первое время ничего не происходило – гостиная, как гостиная. Потом в комнату вбежала мама, ее одежда была разорвана, волосы растрепаны. Местами даже виднелись кровяные подтеки. Она кричала, должна была, но Дэш ничего не слышал. Потом в комнате появился мужчина. На правой стороне головы не хватало клока волос, скорее всего, шрам от ожога. Он навалился всем телом на израненную женщину, приставил нож к ее горлу и неожиданно резко отвернулся. А когда повернулся, Дэш увидел четыре алых полосы, идущих от левого глаза до подбородка. Его мать продолжала бороться даже лежа на спине в заведомо проигрышном положении. Нападающий не ожидал этого. О чем говорило выражение его лица – смесь удивления с яростью. В результате ярость одержала верх, и лезвие ножа впилося в женскую плоть. Раз за разом...

– Кто здесь?

Неожиданный и неуместный вопрос заставил Дэша вздрогнуть. Он снова вернулся в реальность мир. Настолько реальный, насколько возможно – без безумных видений, без призраков и без мистического тумана, которого Дэш подсознательно боялся. Только шар света. Дэш, как зачарованный смотрел на него, а шар тем временем неумолимо приближался. Потом внутри шара сформировался нос, затем усы, а вскоре и все лицо.

– Что здесь делаешь? – повторил старик. Затем хмыкнул и поставил керосиновый фонарь на стол. – А я ведь так и знал, что видел тебя раньше. И знаешь где? – Дэш только растерянно покачал головой. – В гробу. Да-да, я готовил тебя к погребению. Долго же тебя не было.

Старик невозмутимо принялся начинать трубку.

– Что значит долго?

– То и значит.

Старик явно был не в себе. Но и за свое душевное и психическое здоровье Дэш поручиться не мог.

– Я, что... умер?

– Ты мне скажи.

Дэша поразила невозмутимость старика, в то время как сам он ничего кроме растерянности не ощущал. Ни злобы, ни обиды.

– Я не знаю...

– А тебя трудно расшевелить, да? Я же только что сказал...

– Я слышал! Но я дышу, чувствую...

Старик встал и протянул руку к лицу Дэша.

– Нет, не дышишь.

Дэш недоуменно уставился на старика. Тот все с тем же равнодушием раскурил трубку и выпустил струю дыма прямо в лицо Дэша.

– Ну, как? – Дэш не реагировал. – Все мне говорят, что я курю самый мерзкий и вонючий табак. А я им отвечаю, что это самый настоящий табак, чтоб мне провалиться. А не эта вымоченная в духах химия, которую они в рот ташат. Так ведь и женщины туда же... Женщины! Сначала брюки напялили, потом начали курить... Куда катится мир! А ты, что скажешь?

«Что за бред несет этот старик? Перед ним сидит мертвец, а его заботят женщины с их брюками сигаретами...» – Дэш моментально поменялся в лице – до него дошло. Он не чувствовал запаха дыма. Старик заметил эту перемену и заулыбался. Дэш расправил легкие и только тогда уловил запахи, витавшие в воздухе.

– К-как?

– Без понятия, сынок. Ты задаешь вопросы, на которые, только ты же и можешь дать ответ.

– Но Вас это не удивляет. Мое состояние не кажется странным.

– Удивляет? Ха! Я столько на своем веку повидал! Кстати, а какой сейчас век?

– Это, что смешно?

– Нет, я серьезно! Но, о чем бишь я? А! Твое состояние! Видел я всяких в твоём состоянии. Только вот...

– Что?

– Те безмозглые были. Вопросы не задавали, да и видок похуже был. Обычно с ними можно разобраться при помощи лопаты.

– Лопаты?

– Да, лопаты. Примеряешься, замахиваешься и бьешь. Фокус в том, что надо точно в шею попасть. А без лопаты никуда! Как же их потом обратно заталкивать? Скажешь тоже!

– Куда обратно?

– Глупый какой! Обратно в могилы.

– Могилы... – обреченно повторил Дэш, стараясь не вспоминать о гробах. – Я все-таки умер?

– Не знаю. Так ты умер? – Старик заметил на лице Дэша знакомое выражение. С таким выражением обычно стоят самоубийцы на краю. Все, вроде, решено, но решиться страшно. – А что последнее ты помнишь? – подтолкнул он Дэша.

– Я очнулся...

– Нет, до этого.

– Я... – Дэш мотнул головой, прогоняя воспоминания. – Не хочу вспоминать.

– В этом-то и фокус, сынок! Давай, помогу.

Старик крутанул вентиль фонаря, и помещение потонуло во мраке. Постепенно, в темноту стал закрадываться туман. Дэш узнал его и понял, что ничего хорошего ждать не стоит. В отчаянии он закрыл глаза, но потусторонний свет продолжал проникать. Не в дом, а в самую душу Дэша или то, что от нее осталось. Поняв, что сопротивляться бесполезно, Дэш открыл глаза.

Перед ним вновь возникла перекошенная гостиная. Только в этот раз мужчина с ожогом уже стоял, играясь с зажигалкой. Его это, кажется, очень сильно забавляло и завораживало, несмотря на то, что у его ног лежало бездыханное тело. Потом в поле зрения появился еще один мужчина, он тоже был в крови. Отец. Он ковылял через комнату так быстро, как только мог – его правая нога беспомощно волочилась по полу. Человек с зажигалкой не обращал на него никакого внимания. Появился человек с битой и попытался напасть сзади на отца и тут же был отправлен за пределы видимости мощным ударом. Потом появился еще один шакал невысокого росточка, и в это раз отец не успел среагировать и был повален на пол. Но быстро реабилитировался и уже сам оказался верхом на противнике, вбивая кулаками его голову в пол. Подобное действие привлекло внимание обожженного. Уведенное его так обрадовало, что он начал подпрыгивать, как обезьяна, скалясь во весь рот. Триумф отца был не долгим – вновь появился урод с битой. Один удар, и тело отца обмякло. Обожженный даже как-то погрузнел и продолжил играть с зажигалкой. Пока мелкий пытался выбраться из-под тела отца, тот, что с битой подошел к Дэшу. Да, отец его знатно приложил – пол-лица превратилось в синюю бесформенную массу. Дэш не узнал лицо – его взгляд так и остался сфокусирован на одной точке. А потом моментально стемнело. Теперь Дэш знал, что случилось: его еле живого и парализованного забили битой. Мерзость в человеческом облики.

Как только финальный удар битой прекратил деятельность головного мозга, Дэш очнулся. Он больше не был заперт в беспомощном теле, но и в реальность он не вернулся. Это было воспоминание, но словно чужое, в котором Дэш был сторонним наблюдателем. Стоя на холме Дэш любовался сказочным пейзажем. Подобный печатают на открытках то ли Исландии, то ли Новой Зеландии. У подножья холма пролегал вымощенная булыжником дорожка, по которой шли люди. Их было так много, что с высоты организованно бредущая толпа напоминала реку. Впрочем, река здесь тоже была, и именно к ней направлялись люди. Также повсюду располагались сооружения из черного камня, которые Дэш принял за обелиски. При детальном рассмотрении они больше напоминали порталы с разорванными фронтонами. Они были повсюду: на вершинах холмов, в гуще леса, а также у самого края дороги. Причем проход между колоннами портала полностью закрывал массивный камень, на котором красовались барельефы гигантских воинов в доспехах. Дэш встречал подобный доспех разве, что на иллюстрациях к фэнтезийным романам, но никак не на страницах учебника по истории.

Над головой простиралось звездное небо. Он больше напоминало стеклянную столешницу, на которой рассыпали песок. Песок был различных цветов различной плотности и был в постоянном движении. Песчаные столбы на бирюзовом фоне превращались в горящие в темноте круги, сливающиеся в крылья бабочки. И так до бесконечности. Глядя на небесные узоры, у Дэша сложилось впечатление, что именно так и выглядят далекие неизведанные уголки космоса. И эта планета, на которой он чудесным образом оказался, движется сквозь пространство и время на чудовищной скорости, в разы превышающей триста тысяч километров в секунду⁸.

Дэш заметил еще одну странность – меняющийся ландшафт. Все это напоминало работы Роберта Гонсалвеса. Холмы превращались в верхушки деревьев, деревья – в звездное небо, небо – в землю. Только здесь не было места иллюзиям. Это была реальность. В отличие от небесных узоров, метаморфозы, творящиеся на самой планете логично объяснить не удава-

⁸ Скорость света = 299 792 458 м/с.

лось. При этом все изменения никогда не повторялись и не доставляли никому неудобства – каждый занимался своими делами.

Помимо людей, бредущих к реке, здесь были и те, кто просто наслаждался природой. Это были парочки, отдыхающие в тени странных порталов, дети, беззаботно резвящиеся на полянах и среди ветвей деревьев, и просто отдельные личности, как и Дэш, неспешно прогуливающиеся взад-вперед. Наравне с людьми здесь обитали и животные, и насекомые. Кто-то крутился рядом с людьми, кто-то вдалеке. Мимо прошел тигр, равнодушно посмотрел на Дэша и скрылся за только что появившейся скалой.

Но как оказалось, в этом мире существовали свои правила. Двое смельчаков: мужчина и женщина, отделились стали карабкаться по склону, который тем временем уже успел обрасти деревьями, среди которых стоял черный портал. Едва двое смельчаков добрались до портала, как раздался жуткий грохот, и небо стали заволакивать тучи. И тут камень в портале рассыпался и из портала вышел воин в доспехах. Он был раза в два больше человека, его броня была скрыта под черным плащом. Воин подошел к двум жалким фигуркам, вцепившимся друг в друга, протянул руку ладонью вверх.

– Чем вы готовы пожертвовать, чтобы пройти? – раздался громовый голос с помрачневшего неба. Дэш заметил фиолетовое свечение между латами. Подобный свет струился и из прорезей в шлеме.

Наконец, мужчина решился держать ответ и выступил вперед.

– У нас ничего нет, кроме любви, – это должно было прозвучать грозно, но на деле получилось жалко и неуверенно. Но, говорил он правду – у них действительно ничего не было, кроме лохмотьев поверх изможденных тел. – И мы с ней не расстанемся! – эта часть прозвучала получше и даже искренне.

– Так и быть! – воин приблизился к жалким дрожащим фигуркам и накрыл их своим плащом. Свет, сдерживаемый под доспехами, словно растворил изнутри черную оболочку и устремился в мрачные небеса.

– Знаете, а ведь это была моя жена.

Дэш обернулся и увидел добродушное бородатое лицо в нескольких сантиметрах от себя. Бородач был одет в тунику, наподобие тех, что были на беглецах, только выглядела подороже и почище. Бородач слегка смутился и отошел от Дэша.

– Приношу свои изменения! Здесьние земли преподносят достаточно сюрпризов!

– Что произошло?

– Склонен верить, что это чудо вознесения. Таким образом боги отбирают чистых душой.

Дэш начал вертеться, в поисках порталов и чуть не подпрыгнул от неожиданности, когда увидел один за спиной. В нем так же был заключен воин, но в несколько иных доспехах и позе, чем Дэш видел до этого.

– Не пугайтесь так, друг мой. Нам они ничего не сделают. Они всего лишь стражи порядка. А порядок таков: однажды ступив на тропу с нее нельзя свернуть. Отступников ждет встреча с ними, – бородач указал в сторону портала. «Стражи! Вот, кто они такие», – подумал Дэш.

– Но Вы сказали, что это Ваша...

– Жена? Да, так и есть, – бородач пожал плечами. – Что поделать, женщины, что лошади – не удержишь, пока сами не позволят.

– Вы так просто ее отпустили?

– Вовсе нет! Но со временем любовь одержала верх, и я смирился...

– Почему бы Вам не попытаться снова быть с ней?

– По той же причине, что и при жизни, – Дэш вздрогнул. – Вижу, друг мой, Вы и не осознаете, что дела мирские остались позади. Но ничего, будет много времени, чтоб поразмыслить над этим. Что касается меня, то я не готов. Я не готов спуститься на тропу. И уж тем более

пересечь реку. А знаете, что это за река? Это Рубикон, друг мой, за ней нет возврата. Одни здесь именуют ее Ахерон. Другие – Стикс. Но здесь нет болот⁹, а Ахерон видел я в верхнем мире¹⁰. Но кто я такой, чтобы утверждать, что знаю истину? Ведь будь это Рубикон, здесь бы не было его!

Бородач указал рукой на участок на берегу, куда стекались люди. Перед ними возвышался еще один воин, но доспех его был скуднее, и мистический свет не струился из-под лат.

– Харон!

Харон явно не был одним из местных стражей-воинов, но все равно возвышался, над остальными людьми и от него исходила какая-то едва уловимая мистическая сила. И никаким паромщиком он не был. В руках он держал пику, а не шест. Да и парома позади видно не было. Он больше напоминал ветерана, закаленного в боях. Длинная борода, вместо плаща была потрепанная накидка, а доспех не защищал большую часть тела. Это все, что было видно Дэшу, а ландшафт при всей своей изменчивости упорно не приближался к паромщику.

– Это будет интересно! – сказал собеседник Дэша, указывая на тропу.

Из общей массы людей снова отделились две фигуры. На этот раз оба они были мужчины. Едва они сделали шаг в сторону от потока, как оказались в лесу. Шаг – каменистое плато. Еще шаг – небольшая зеленая рощица, где среди папоротников возвышался портал. Теперь Дэш смог разглядеть одежду очередных безумцев. На одном был докторский халат, а на втором... Дэш не поверил своим глазам! – нацистская форма черного цвета.

– Чем вы готовы пожертвовать, чтобы пройти? – прокатилось эхо по долине, едва появился страж.

Существа упали на колени и принялись выкладывать перед стражем золотые слитки, часы, украшения, одежду. Была бы их воля, они бы и кожу с себя содрали. Жалкие и голые они протягивали руки в мольбе.

– Так и быть! – произнес страж и повторил ритуал с плащом. Но свет не вырвался наружу. Наоборот, плащ, словно смола поглотил фигуры, оставив на земле лишь тень. От которой вверх поднялись два уголька и потухли в метре над поверхностью. Дэшу показалось, что ветер донес до его слуха приглушенный крик. Он был тише шепота, но наполнен нестерпимой болью.

– Их дары не смогли перевесить чашу грехов. Вот поэтому я и не решаюсь следовать за ней. Я так сильно ее люблю, что не могу позволить себе ее потерять навеки. Мне еще предстоит подумать над тем, что предложить паромщику или стражникам.

– Не понимаю, если все дороги ведут на ту сторону, какой смысл в стражах? Мы же можем не спускаться вниз. Так зачем ловить беглецов?

– Однажды все равно придется спуститься. К тому же не у всех есть возможность обдумать свои земные деяния и вынести урок. Чем больше грехов, тем больше шанс оказаться в толпе. Не важно где начнется наш путь в этом мире, закончиться он на берегу. А те немногие, что пытаются сбежать – лишь глупцы, заслужившие расправы, в назидание другим. Стражники непоколебимы. А вот паромщик может даровать тебе спасение и за меньшую плату, но придется раскаяться по-настоящему. Не все на это способны.

Дэшу показалось, что он снова услышал сдавленный крик. Он обернулся и увидел бесконечный поток людей, по краям которой появлялись как всполохи света, так и черные пятна. К сожалению, пятен было больше. Местами они сливались в огромные смоляные болота.

– Вам пора, друг мой.

– С чего Вы решили, что я готов?

– Всякий раз, как выделяется время, Вы озираетесь, словно ищете кого-то.

– Свою семью.

⁹ Имеется ввиду Стигийское болото.

¹⁰ Имеется ввиду река в Эпирской области Феспротии.

– Понимаю... Как ни прискорбно, Вы уверены, что Ваша семья уже здесь. Я имею в виду этот мир. А потому, не бойтесь оставить его позади. Будь они на этих холмах, вы бы уже свиделись. Вы – хороший человек, ступайте смело.

– Спасибо за совет. А как Вас?..

– Если боги позволят, встретимся в месте, где имена не нужны.

Бородач слегка подтолкнул Дэша вперед. В это время земля опять ожила, и Дэш, сделав всего один шаг, оказался на тропе. Изнутри живого потока было понятно, что не люди шли по тропе, а призраки. Полупрозрачные фигуры проходили сквозь друг друга, не доставляя и капли неудобства. Если на холмах странно вело себя пространство, то на тропе – время. Дэш видел, как тех, кто прошел здесь до него, так и тех, кто после.

Дэш заметил среди призраков еще одну странную фигуру. Она больше напоминала Смерть. Точнее, классическое представление, о том, как должна выглядеть Смерть – Мрачный Жнец в черном балахоне и с косой. Общие черты угадывались. Только без косы, балахон грязно-коричневого цвета под которым не было ни скелета, ни страшной старухи – только дымка. И не мерзкого оттенка фиолетового цвета, которым было пропитано все вокруг, а тошнотворно-морковного.

«Бред какой-то!» – отметил про себя Дэш. Он уже привык к странноватой фиолетовой гамме, сопутствующей всему потустороннему. И вот, среди призраков блуждает существо, как казалось Дэшу, совсем диких расцветок. Балахон подкрадывался к остальным призракам, заглядывал в лицо, доверительно клал руку на плечо. Дэш продолжал парить или брести, смотря с какой стороны посмотреть, по тропе, не обращая внимания на Балахон, пока перед ним не возник Харон. Дэш растерянно оглянулся по сторонам. Он не мог сказать, сколько времени находился среди призраков, и как умудрился не заметить приближение Харона. И тем не менее, паромщик уже стоит перед ним, а позади него река. Вот только никакого парома нет и в помине.

– Как же мы переберемся на другую сторону? – выпалил Дэш первое, что пришло на ум.

– А кто тебе сказал, что нужно плыть поперек? – паромщик смотрел на Дэша сверху вниз своими серыми глазами, в которых поочередно загорался голубой огонек. В его взгляде не было злобы или укора, но спорить с ним или препираться желания не возникало.

Дэш снова оглянулся по сторонам, если все события происходят одновременно, то он должен увидеть своих родных. Если только они уже не на другой стороне. Дэш снова потерял ощущение времени. Как давно он стоит и вертит головой? Но никто не торопил, никто не ворчал. Даже паромщик смотрел на него все также снисходительно.

– Есть мнение, что проезд не бесплатный, – пробормотал Дэш, в надежде выиграть еще время.

Харон молча кивнул. Дэш порылся по карманам и откопал пару монет. На них и в прежней жизни ничего нельзя было купить, не то, что оплатить путешествие в загробный мир. Вот и Харон не проявил никакого интереса. Тут Дэш вспомнил стражей и их вопрос, и его осенила догадка. Дело не в золоте и материальной ценности. Таким образом, самой дорогой вещью, которой он обладал на данный момент, была майка с Джимом Моррисоном. Делать нечего, Дэш стянул майку и протянул ее Харону. Как ни странно, тот протянул руку в ответ, чтобы принять дар.

– Обрел ли ты покой?

– На той стороне и узнаю. Здесь меня уже ничто не держит.

«Уверен?» – то ли это была шальная мысль, то ли чей-то шепот. Но даже его было достаточно, чтобы начать сомневаться.

Дэш почувствовал что-то холодное и липкое на плече. Он оглянулся и увидел Балахон. Тот вел себя как барыга предлагающий дозу. Балахон придвинулся ближе, чтобы заглянуть Дэшу в лицо, как он делал с другими призраками. Под капюшоном в морковной дымке Дэш

разглядел лицо. Это было лицо Луны. Любимой девушки, которая осталась в мире живых на Земле. Просто, ее так звали. Именно она подарила Дэшу майку с Моррисоном. Вот почему это был дорогой подарок.

Харон тут же одернул руку и схватился за пику. Дэш в ужасе отпрянул от него.

«Хочешь быть с ней?» – мелькнула очередная мысль.

– Да! – выкрикнул Дэш, не заботясь о последствиях своего желания.

«Так и быть!»

Балахон исчез, и мир окончательно поплыл. Харон растаял как свечка. Небеса словно вязкая смола стекали вниз и смешивались с землей. Под ногами образовалось мерзкое болото, которое неумолимо поглощало Дэша. Сначала он ослеп, потом перестал дышать. Находясь в крошечной темноте Дэш не мог понять, способен ли он еще двигаться, чтобы спастись.

«Что же я натворил? – подумал он. – Я приговорил ее к смерти. Только так я смогу быть с ней. После смерти! Ведь я не могу ожить – это невозможно! И в итоге я все равно ее потеряю!»

Очередная ледяная волна ужаса накрыла Дэша, когда он не смог вспомнить лицо Луны. От любимой остался только размытый образ. Вместе со всеми остальными чувствами Дэш лишился еще и воспоминаний. Не осталось ничего, только ощущение того, что он сотворил нечто ужасное. Но он не мог вспомнить. Находясь во тьме Дэш уцепился за блеклый образ любимого человека.

Тук!

Образ стал немного ярче.

Тук!

«Что это?» – появилась первая осознанная мысль.

Тук!

«Это звук!» – первый ответ.

Дэш стоял в стороне и смотрел, как в глубинах его же души возрождаются мысли, память... сознание. Он знал, что последует дальше. Пробуждение в гробу! Эту часть своей жизни он явно не хотел переживать снова. И потому решил, наконец, покинуть свои воспоминания.

Его пробуждение было похоже не погружение в воду. Плотная и вязкая реальность вновь окутала его. Ночь закончилась. А, что наступило – утро или день, сказать было сложно – за стеной дождя разобрать что-либо не получалось. Старик дремал на стуле. Цвет за окном сменился с черного на серый. Дэш решил тайком пробраться на улицу, чтобы не разбудить Старика. Едва он добрался до двери, как сзади раздался оглушительный храп. Старик вовсе не дремал, а спал как убитый. Храпел он редко, но зато как следует.

Выйдя на улицу Дэш осмотрелся. Дождь был достаточно сильный, но видимость при этом оказалась на удивление хорошей. А причиной ограниченной видимости из окон был вовсе не дождь, а пыль, которая наверняка была повсюду. Но Дэш не обратил на это внимания, так как еще не умел дышать. Стоя на крыльце дома он попытался восстановить безусловный рефлекс, который с легкостью дается даже младенцам. Легкие Дэша напоминали старый мешок. Они расширялись с каким-то странным хрустом. Но не только проблема легких беспокоила Дэша. Вместе с дыханием он утратил и способность чувствовать запахи. Он мог разобрать едва уловимые нотки, витавшие в воздухе, но не более того. Через несколько минут он бросил бесполезное занятие. Все равно, что пытаться завести машину с сухим топливным баком – колеса вроде поворачиваются, двери и капот открываются, а толку никакого. Дэш пытался снова и снова в надежде заглушить боль. Боль утраты любимых людей могла разорвать его душу на мелкие ошметки. Но нет, она превратилась в тупую и ноющую тоску. Значит ли это, что он мертв? Или что-то другое?

Позади в дверях появился Старик.

– Знаешь, сынок, нам надо потолковать, – протянул он, набивая трубку.

IV

Маркус и Айзек пробирались через зловещий окутанный туманом лес. Обоим было двенадцать лет отроду. И причина, по которой они оказались в глухой чаще вдали от дома, была как всегда проста – спор. Среди жителей деревни, откуда были родом мальчишки, ходили слухи о хижине ведьмы, что живет в лесу. Слухи были самые разнообразные. Кто-то утверждал, что она прилетает в самые темные ночи и калечит скот. Другие утверждали, что все это чушь, а ведьма эта лишь красивая молодая девушка, страдающая от редкой и неизлечимой болезни. Третьи подтверждали, что девушка, живущая в лесу молода и красива. Но, она вовсе не больна, а на самом деле в сговоре с дьяволом. По ночам она не скот калечит, а скребется в окна домов с различными просьбами. Делает она это, чтобы соблазнять не стойких в вере мужчин и проводить с ними ночь. А в качестве платы за удовольствие забирала их детей.

В общем, историй было множество. Неизменным оставался тот факт, что в лесу живет женщина, которую следует избегать. И дети благоразумно его избегали. Пока Джордж Пеше не начал хвастаться, что он видел ведьму и ее дом, когда был с отцом на охоте. На мальчишек история Джорджа не произвела никакого впечатления, а вот на девчонок – наоборот. Особенно эти истории нравились Элизабет Джонсон. Девушки, в которую как раз был безнадежно влюблен Маркус. Каждая его прогулка с Элизабет была для него незабываемым опытом. А если уж, оставшись наедине, она позволяла взять ее за руку, сердце Маркуса начинало выбивать какой-то бешеный ритм. А в руках начиналось покалывание, словно Маркуса било множество маленьких молний. Но, чем больше история о встрече с кровожадной ведьмой обрас- тала новыми подробностями, тем реже Маркус оставался наедине с Элизабет.

Мальчишки снисходительно относились к рассказам Джорджа, поскольку тот был известен как «Знатный балабол». Маркус – другое дело, он всегда был в ответе за свои слова. Кроме того, среди мальчишек был в особом почете. Ведь он видел грудь новой молоденькой жены мельника Сандерса. Маркус в красках описал увиденное. И за все время его рассказ никто так и не смог подвергнуть сомнению – история не менялась, а описание груди жены мельника вполне соответствовала фантазиям мальчишек.

Когда Джордж в очередной раз позволил себе лишние детали, терпению Маркуса пришел конец. Джордж заявил, что дом ведьмы вырезан в огромном дубе. Но всем было известно, что дом ведьмы выложен камнем, на котором растет сладкий мох. Этот факт был известен благодаря Айзеку. Однажды он заигрался со своим псом и не заметил, как углубился в лес. Вдобавок началась сильная буря, и Айзек окончательно заблудился. Да еще и пес начал себя странно: он терял след и периодически скулил. Айзек рассказывал, что чувствовал, как за ним кто-то наблюдает. Но самое страшное, что ему казалось, что этот кто-то перемещается не только по земле. Казалось, вот-вот в черном небе мелькнет силуэт крылатого чудовища, вот-вот невидимый наблюдатель нападет с неба. Но таинственный некто никак не проявил себя. Айзек блуждал по лесу несколько часов, пока не вышел к «дому, покрытому сладким мхом». Да, Айзек не удержался и лизнул мох – не смог совладать с голодом, а поблизости не оказалось ничего съедобного. Почему ему в голову пришла идея попробовать именно мох, он не знал. Но, едва он попробовал мох на вкус, страх обуял его с новой силой. Айзек мигом припомнил историю про Ганзеля и Гретель и помчался прочь от дома, не разбирая дороги. Его нашли лишь на следующий день, когда буря утихла. Айзек был бледен от холода и страха. Несколько дней он проспал. Потом еще неделю не мог вымолвить ни слова. А когда смог – поведал историю про дом ведьмы в глухом лесу. Мужчины хотели уже отправиться в лес и сжечь проклятый дом по возможности вместе с его обитательницей. Но, местный священник отговорил их от этой идеи. «Негоже добрым людям творить самосуд», – говорил он. В конце концов, ведьма еще никому не вредила. А подобная враждебность может заставить ее передумать. Можно было

еще провести процесс над ведьмой, но уже к концу дня все утвердились в мысли, что ведьму лучше оставить в покое.

– И как же выглядела эта ведьма? – ехидно спросил Маркус Джорджа.

– Старая и страшная, как самый жуткий демон. Нос почти касается подбородка. А из беззубого рта течет вязкая серая слюна. Ходит в лохмотьях.

– А старожилы утверждают, что она молода и красива.

– Так это может во времена их молодости...

– Ну-ну.

– Хочешь сказать, что я вру?

– Именно это и хочу сказать! Все знают, что ведьма вовсе не старая карга, и живет она в каменном доме.

Тогда Джордж с издевательской ухмылкой достал что-то черное из кармана и протянул Маркусу. Это была ветка дерева. Черная, как уголь, но это была определенно древесина. Никто и никогда не видел такого странного дерева. Ведь такие неестественно черные и гладкие деревья попросту не росли в округе. Окружающие дети перевели взгляд с Джорджа на Маркуса, а затем остановили свой взгляд на Айзеке. Даже Маркус смотрел на Айзека. Только в отличие от осуждающих взглядов, взгляд Маркуса был вопросительным.

– Ей богу! – залепетал Айзек. – Я был там.

– Если хочешь, можешь сам проверить, – предложил Джордж Маркус. – Узнай, кто из нас врет. Если духу хватит.

Джордж мерзко засмеялся. Маркус захотел ударить его изо всех сил, но сдержался. А вот Айзек сдержаться не смог. Он выступил вперед и уже занес руку. Но Маркус его перехватил. Лучший способ отомстить Джорджу – унижить его.

– Пожалуй, пойду проверю. Проводишь меня?

Джордж замялся. Но все же смог вывернуться и перевести все в шутку. Настолько нелепую, безвкусную и несмешную, что Маркус попросту пропустил ее мимо ушей.

– Так покажешь или нет? – настаивал Маркус.

– Вот уж нет. Пусть твой друг покажет. Он ведь тоже был там.

– Я не помню, как попал туда, – процедил сквозь зубы Айзек.

– Я подскажу ориентиры, – парировал Джордж.

– Итак, я готов! – сказал Маркус.

– Я тоже! – добавил Айзек.

– Но если выяснится, что ты соврал Джордж Пеше, и мы это докажем, то ты перецелуешь всех лягушек, каких мы сможем только поймать!

Мальчишки пожали руки и разошлись. Маркус и Айзек отправились в лес на поиски ведьмино дома, а остальные безмолвно смотрели им вслед. У самой кромки леса Маркус услышал голос Элизабет. По крайней мере, ему так показалось. Вроде бы она крикнула нечто вроде: «Да хватит вам уже! Возвращайтесь!» Маркус перевел взгляд на Айзека, но тот и бровью не повел, словно ничего не слышал. Так ребята вошли в чащу.

Погода благоволила им. Солнце хоть и светило тускло из-за облаков, но давало достаточно тепла и света. Да и дождя ничего не предвещало. Без каких-либо проблем мальчишки добрались до поляны, на которой нашли Айзека. И сейчас им предстояло сойти с тропы и углубиться сильнее в лес. Тут Маркуса посетила мысль, которая почему-то не пришла ему раньше.

– Звери!

– А?

– Что если на нас нападут звери?

Айзек замер. Ему тоже эта мысль не приходила. Потом он покачал головой и продолжил путь.

– Кабанов здесь встречали редко. А волки ушли далеко в лес. Я слышал, как отец говорил об этом с одним охотником.

Маркус понемногу успокоился. Но потом чувство тревоги вновь вернулось. В этот раз оно было каким-то неясным. Что-то беспокоило Маркуса. Но, что? Дикие звери? Нет, не они. Свет? Да, свет. Он потускнел. Маркус поднял голову. Кроны деревьев стали гуще и поэтому пропускали меньше света. Но было кое, что еще – туман, который белой дымкой ранее стелился по земле, теперь окутывал мальчишек молочной пеленой. И все же света было достаточно, чтобы беспрепятственно продолжать путь по ориентирам, подсказанным Джорджем. Тогда что же беспокоило Маркуса?

– Ты уже был здесь?

– Да, – отозвался Айзек.

– Ты же не помнишь пути...

– Я чувствую.

Этот холодный, безразличный ответ напугал Маркуса. Он непроизвольно вцепился в плечо Айзека. Чувство тревоги мгновенно превратилось в леденящий душу, парализующий страх. Айзек смотрел на искаженное ужасом лицо другом. А затем сказал своим обычным голосом лишь одно слово: «Тишина». Это простое слово не прогнало страх, но оно дало ему имя. Это был больше не безымянный страх, а просто жуткий, но вполне естественный факт.

Маркус стоял, прислушивался, привыкал к новому гнетущему ощущению. Тишина была мертвой, но не абсолютной. В густом тумане можно было расслышать треск веток, скрип деревьев, шелест кустов. Но все эти звуки были деформированы – невозможно было определить откуда они доносятся. И все же это были звуки, хоть и искаженные. А вот чего не было, так звуков, которые обычно издают животные и насекомые. Маркус никогда не придавал значения этим звукам, он воспринимал их как само собой разумеющееся. Стоило лишиться этой обыденности, этого пустяка, как разум и чувства тут же погрузились в пучины страха. Словно мир, лишившийся своих хрупких опор, провалился в ад. Маркус ждал, что из тумана вот-вот начнут появляться немыслимые жуткие твари. Более того, ему начало казаться, что среди немногих звуков леса он слышит отвратительной чавканье и стоны, а из тумана к нему тянутся не просто ветви деревьев, а иссохшие руки мертвецов. Маркус закрыл глаза и зажал уши руками. Стоны прекратились, а молочно-белая пелена сменилась на непроглядную тьму. И даже здесь тишина не была абсолютной, а тьма – крошечной. Сердце бешено билось, словно кто-то с яростью бил в боевой барабан, предвещающая нечто злое. И вот из тьмы уже тянутся щупальца страха в попытке утянуть его неокрепший разум в пучину безумия.

Маркус вздрогнул и закричал – что больно вцепилось ему в руку. Он открыл глаза и увидел перед собой Айзека, прижимающего указательный палец к губам. Маркус не смог подавить крик и потому зажал рот свободной рукой. На лице Айзека отчетливо читался страх. Айзек убрал палец от рта и указал им в сторону. Маркус медленно перевел взгляд в сторону, куда указывал Маркус. В тумане чернел силуэт огромного дерева, ветви которого свисали до самой земли. Откуда оно здесь взялось? Маркус же стоял неподвижно. Только что он был окружен лесом, а теперь стоит на каменистой поляне перед чудовищных размеров деревом. Как зачарованный Маркус приблизился к одной из ветвей и отломал ее кончик. Сухой хруст утонул в тумане. Ветка в руках Маркуса была гладкая и черная. Неужели Джордж Пеше не соврал? А как же Айзек? Айзек стоял и смотрел на дерево со страхом вперемешку с восхищением. Он перевел взгляд на Маркуса. Им не нежно было общаться, чтобы понять друг друга.

– Я не видел его в темноте, – шепотом проговорил Айзек.

Маркуса такое оправдание не устроило. В нем закипала злость и обида. Мало того, что его обманули, а он поверил. Так он еще ввязался в спор и, как результат, он в глуши посреди леса вот-вот умрет от страха.

Свисающие ветви образовывали своеобразный проход. Темный, мрачный, и вместе с тем манящий. Маркус вошел в него, оставив Айзека позади. С каждым шагом туман редел, уступая место сырой полутьме. И вскоре туман рассеялся вовсе. Света было мало, но достаточно чтобы осмотреться. В тени гигантского дуба каким-то чудом росли кустарники и деревья поменьше. Но Маркус не мог сказать наверняка, действительно ли это была молодая поросль или же это уже мертвые деревья. Поскольку все они были покрыты мхом. Маркус поднял голову и осмотрел ветви. Они тоже были покрыты мхом. На мгновение Маркусу показалось, что он увидел человеческую фигуру среди ветвей. Фигура висела в воздухе словно висельник или... парящая ведьма. По телу Маркуса пробежал мороз, а воздух застрял в легких. Но, как ни всматривался он во тьму, не смог ничего разглядеть. Он обернулся к Айзеку и жестом поманил его. Айзек подчинился и нетвердой походкой подошел к другу.

– Видишь? – Чуть слышно спросил Маркус.

– Что?

– Там ведьма!

Айзек проследил куда указывал Маркус, но ничего не увидел. Он придвинулся ближе к Маркусу и испустил вздох облегчения. Потом взял Маркуса за плечи и передвинул его на свое место. Под другим углом обзора неясная и зловещая фигура предстала в совершенно ином виде. Руки превратились в ветки, а рваная одежда – в свисающий с этих же веток мох. Страх поутих, но даже и не думал пропасть насовсем.

Маркус и Айзек безмолвно двинулись дальше. Света становилось все меньше, а воздух – все холоднее. Но друзей это не останавливало. Наоборот, дышать стало легче, а глаза, привыкнув к полутьме, видели дальше и четче, чем в тумане. Вскоре мальчишки дошли до ствола этого дерева. Он напоминал огромного черного спрута, обвившего своими щупальцами небольшой приземистый домик. Друзья раскрыли рты в удивлении. Неясно, что изумило их больше: исполинские размеры дерева или внешний вид домика. Сам домик был выложен из камней, которые искрились и переливались различными оттенками зеленого. Айзек вышел из ступора, подошел к домику и провел рукой по камням. Теперь и его рука светилась в темноте. А потом он сделал невозможно, по мнению Маркуса. Он лизнул свою руку! Маркус аж скривился от отвращения, а на лице Айзека, наоборот, заиграла улыбка.

– Это мох! И он сладкий! – сказал он довольным голосом.

И тут лицо Айзека изменилось. Оно вытянулось и посерело, а улыбка превратилась в какой-то кривой оскал. Первой мыслью Маркуса, что это желудок его друга отреагировал на сладкий мох жуткой болью. Но Айзек не согнулся пополам и не прижал руки к животу. Он замер, а взгляд был направлен куда-то за спину Маркуса. Маркус резко обернулся и чуть было не лишился чувств. Позади него, а теперь перед ним, маячила призрачная фигура. Лохмотья, в которые был одет призрак, трепыхались словно на ветру. Складывалось ощущение, что под лохмотьями вообще нет ничего – пустота. У призрака отсутствовали ноги, но имелись костлявые руки, которые были вывернуты под неестественными углами. Но самое страшное – это лицо призрака. Точнее, его практически полное отсутствие. Оно было словно скрыто под рябью воды – дергалось, меняло форму, на миг становилось вполне отчетливым, а затем снова расплывалось. Не менялись только глаза полные безумия. И эти глаза обвиняюще смотрели на Маркуса. Маркус понял, что уже видел этого призрака, среди ветвей, когда решил, что перед ним ведьма. Сейчас же, он был уверен, что перед ним именно бестелесный дух. Но от этого осознания ему было ничуть не легче. Теперь Маркус пожалел, что Айзеку удалось переубедить его. И очень зря! У них был шанс уйти! А теперь... Что теперь? Они доказали свою правоту – Джордж Пеше не видел дом ведьмы потому, что не дошел до него. Но какой от этого прок, если сейчас они умрут?

Призрак вытянул руки, чтобы схватить Маркуса. Это движение было резким, словно под лохмотьями распрямилась пружина. Маркус не успел среагировать, чтобы защититься. Все,

что он смог – это закрыть глаза. Он знал, что призрак лишь дурной знак и физически он навредить не может. И тем сильнее было его удивление, когда чьи-то руки вцепились в его плечи. «Бежим» – услышал Маркус у самого уха. Он подчинился. Они выбежали из-под кроны черного дерева и вновь оказались в укутанном туманом лесу. Они бежали, не разбирая дороги и остановились только когда начали падать от бессилия. Их сердца бешено колотились то ли от усталости, то ли от бессилия. Мальчишки настороженно вглядывались в туман вцепившись друг в друга. Сквозь шум пульсирующей крови стал проникать другой звук. Это был скрип, и с каждой секундой он становился все громче.

– Что это? – спросил Айзек.

– Ведьма, – прошептал, ошеломленный догадкой, Маркус.

Стоило об этом подумать, как скрип превратился в протяжный вой. Было очевидно, чем он громче, тем ближе подбирается ведьма. Вскоре, к жуткому вою примешался звук ломающихся веток. Вот-вот ведьма выскочит из тумана и набросится на двух друзей. Но проклятый туман не позволял определить, откуда именно ждать беды. Вскоре вой стих, остался лишь треск. И вот одна маленькая щепка упала на плечо Айзека. Он вскинул голову и словно погрузился в ночной кошмар. Из тумана, ломая ветки, прямо на них летела ведьма. Айзек оттолкнул Маркуса в сторону, а вот сам увернуться не успел. Ведьма прижала его к земле и придвинула свою уродливую морду к лицу Айзека и зашипела. Шипение перешло скрип, а скрип – в крик. Айзек отвернулся и зажмурил глаза, но лицо ведьмы так прочно впечаталось в память, что никуда не исчезло. Это было лицо безобразного, лишенного глаз младенца, которое словно вырезали из расколотого дерева, из щелей которого сочился перегной.

Ведьма словно паук завернула Айзека в некое подобие кокона. А затем проворно опустила в мешок за спиной. Маркус видел, как ведьма выпрямилась и начала обнюхивать воздух, как это делают хищники. Ведьма была огромна. Все ее конечности были гипертрофированы и разной длины. Тонкие длинные руки оканчивались непропорционально огромными ладонями. Ноги же были толстыми и сужались к низу. Тошнотворно маленькая головка болталась на длинной шее. И все это уродство крепилось к скрюченному туловищу. Вскоре, ведьма учуяла Маркуса. Ее тело задрожало, вывернулось словно наизнанку. Она направилась к Маркусу дерганной рваной походкой. Иногда она спотыкалась и падала навзничь. Но приподнималась и продолжала свой путь опираясь на все свои конечности, словно гигантский паук. Последнее, что увидел Маркус перед смертью – тянущиеся к его лицу костлявые, покрытые язвами руки. Его юное сердце не смогло справиться с потрясением и буквально разорвалось. Он умер за мгновение до того, как отвратительные липкие руки коснулись его лица. А потом стали небрежно укутывать тело в омерзительную помесь плаценты и сгнившего тряпья.

Ведьма, под присмотром призрака, вернулась в свое логово. Небрежно вытряхнула содержимое мешка на пол и направилась к импровизированной печи. Помимо двух мерзких коконов, на пол вывалилось с десятков кореньев, несколько тушек грызунов, склянка с какой-то жидкостью и пара клочков бумаги. Все это Айзек наблюдал через небольшое отверстие. Саму ведьму, он не видел. Он не мог двигаться, даже не мог раскрыть рот, чтобы закричать. Все, что ему оставалось, это мычать и извиваться. Но пользы от этого было не много. Все, что ему удалось – привлечь внимание ведьмы. Айзек сжался, когда она приблизилась. Он ожидал, что ведьма начнет его истязать. На худой конец, пнет его, лишь бы он заткнулся. Ведьма же, напротив, бережно подняла его и прилепила к стене. Кроме того, она освободила голову Айзека, чтобы он мог извергнуть содержимое желудка. Потом стерла следы рвоты с его лица своими противными пальцами. Очередная порция еды устремилась из желудка к горлу, но Айзек сдержал позыв. Ведьма, тем временем разместила кокон с Маркусом на соседней стене и так же разорвала его. Айзек видел лишь часть лица Айзека. Все оно было покрыто кровоточащими царапинами. И хотя он ничего не чувствовал, внутренний голос подсказывал, что он выглядит точно так же.

«Видимо, мы поцарапались об кусты, когда убегали», – предположил Айзек.

Ведьма подняла бумажки с пола, внимательно их изучила, затем вернулась к котлу и бросила в него тушку барсука. После засунула в котел руки и принялась мешать его содержимое. Айзек зачарованно смотрел, как содержимое котла начинает потихоньку светиться. Воздух наполнил аромат трав. Айзек с ужасом отметил, что ему тяжело дышать, а логово ведьмы стало погружаться в темноту. Остался только тусклый свет от котла и тень ведьмы, маячившая перед ним. Но вскоре страх прошел, сердце стало биться все медленнее и медленнее. Айзек видел, как ведьма выплыла из темноты и протянула к нему свои руки. В этот раз ее прикосновение было приятным. Айзек сдался – закрыл глаза и позволил темноте поглотить его. Он наслаждался нежными ласками теплых рук, приятно пахнущими полевыми цветами. И едва эти ласки закончились, Айзек почувствовал легкое покалывание на лице, руках и шее. Его сердце с новой силой рванулось из груди. Вместе с возможностью дышать вернулся и страх. Айзек резко открыл глаза. Содержимое котла все так же светилось и бурлило, хотя никакого огня в импровизированной печи не было и в помине. Айзек осмотрел свои руки. Теперь они были свободны и на них виднелись небольшие ранки, которые медленно затягивались. Он перевел взгляд на Маркуса. Ведьма натирала его лицо, видимо, тем же отваром. Вот только ранки на его лице не затягивались, но и не кровоточили.

– Он умер, – простонал Айзек.

В ответ ведьма обнажила гнилые зубы и зашипела, словно испуганная кошка, а потом вновь повернулась к телу Маркуса. Айзек не стал спорить, а попытался высвободить ноги. Ведьма тем временем не обращала на него никакого внимания. Она продолжала растирать тело Маркуса. Иногда она отвлекалась, подходила к котлу, погружала в него руки и снова возвращалась к телу. Айзек же тщетно пытался освободиться. Он стал осматривать комнату в поисках чего-либо острого, что поможет ему выбраться. И заметил, как тень в одном из углов едва заметно подрагивает. Айзек присмотрелся и понял, что никакая это вовсе не тень, а тот самый призрак. И призрак пристально за ним наблюдает, потому-то ведьма и не обращает на него внимание – нет надобности. Неожиданно призрак бесшумно подлетел к ведьме и стал кружить вокруг нее, словно в чем-то ее убеждал. Так обычно ведут себя купцы на базаре в попытках продать свой товар. Ведьма метнулась к Айзеку и принялась обнюхивать его и ощупывать его лицо руками. Айзек понял, что ведьма таким образом «осматривает» его. Айзек в ответ тоже принялся рассматривать ведьму. И чем больше он смотрел, тем меньше в нем оставалось страха перед ней. Кроме того, что-то неуловимо знакомое было в этой ведьме, несмотря на то, что человеческого в ней практически ничего не было.

Ведьма вернулась к телу Маркуса, отлепила от стены и бросила в котел. Разумеется, Маркус не мог в нем поместиться и ведьме пришлось повозиться. Она вырвала сухожилия, ломала кости, пока из котла не остались торчать окровавленные обломки костей. Потом ведьма приложила руки к самому котлу. Метал под ее ладонями начал моментально краснеть. Жидкость в котле начала бурлить и растворять тело Маркуса. Ведьма запустила руку в варево. В руке забурлила какая-то черно-зеленая неоднородная масса, которую ведьма принялась втирать в то место где должны быть глаза. Ее «кожа» начала струпьями опадать на пол. Ведьма принялась ковырять внешнюю оболочку и теперь смотрела своими пронизательными голубыми глазами на Айзека. Хотя, настоящая кожа ведьмы была бледная, грязная, а под глазами чернели огромные круги, но без сомнения, на Айзека смотрела молодая и красивая девушка. Айзек смотрел в ее глаза и видел свое отражение. Но отражение было перевернутым. И внутренний голос ему подсказывал, что и она видит то же самое.

– А скажите, вы можете забрать с неба звезды, солнце или луну? – неожиданно для себя спросил Айзек.

Воцарилась тишина. А потом Айзек расхохотался. Ведьма отпрянула от него.

– Ну, здравствуй, моя дорогая! – сказал Айзек задыхаясь от смеха. – Не ожидал тебя здесь встретить. Тем более в таком виде. Все еще живешь по совести? Трупы животных, травы! Ты серьезно? Даже мертвый мальчишка не вернет тебе молодость!

– Тогда я сварю тебя! – с трудом прохрипела ведьма, срывая коросту с губ.

– Ну, если и поможет, то ненадолго. Ты же знаешь, чем моложе и невиннее ингредиент, тем сильнее эффект.

– Я сделаю это не ради эффекта. А ради удовольствия.

– Не понимаю. К чему такая агрессия?

– Не понимаешь? Не понимаешь?! Взгляни на меня! Во что ты меня превратил!

– Я? Если бы не я, то ты бы сгнила в той дыре, из которой я тебя вытащил.

В этот момент призрак подлетел к Айзеку и запихнул свою руку ему в горло. Айзек почувствовал, что его словно жгут изнутри, поочередно сжимая внутренние органы. Он быстро догадался, что призрак пытается добраться до его половых органов и вырвать их через рот. Как его только не убивали! Но подобным образом, кажется, впервые. Но, вмешалась Анна и призрак отступил. А Айзек вместо своих органов выплюнул лишь сгусток крови.

– Спасибо, – пробулькал Айзек.

– Не обольщайся. С живых бульон получается более наваристый, – сказала Анна своим привычным голосом, неприятно улыбаясь.

– Жаль. А я хотел еще поговорить с тобой, моя дорогая. Выговориться. Ты не представляешь какой это кошмар. Живешь, радуешься жизни и даже не подозреваешь, как внутри тебя развивается новая личность. Кто я? Малыш Айзек? Лорд Джеффрис? Алхимик Идрис? Даже не знаю. Может ты знаешь, Анна?

Анна не ответила. А тем временем котел краснел под ее руками.

XXI

– Они *что* сделали?!

– Распорядились похоронить тело... – промямлил сотрудник морга.

Форд в ярости выскочил на улицу. Он отсутствовал меньше недели, а Лайка тем временем запорола дело. Это было именно его дело. Он его начал! Не раздолбай Мордехай, а Форд! И он его закончит, даже если эта жирная свинья будет против. Да плевать! Даже если все будут против! Шеф, родители жертвы – все!

Еще вчера Форд наслаждался солнышком, великолепными пейзажами. Все здорово получалось, информация сама шла в руки. И вот он вернулся в это болото! Бардак, грязь и идиоты. Ладно бы они были безобидными, так нет же! Делают все возможное, чтобы навредить.

Форд ворвался в участок, как разъяренный медведь. Лайка громко хохотала с какими-то своими подружками, которые отличались от нее чуть меньшими размерами и жуткой расцветкой гнезд, что вились на их головах.

«Бухгалтерия!» – догадался Форд.

Прежде, чем ринуться в бой, Форд заметил вопиющую наглость, которая последнее время почему-то вошла в норму. Дверь его кабинета была приоткрыта. Форду пришлось резко сменить траекторию движения.

«Мордехай! Вот же подлец!»

Но вслух Форд не произнес ни слова. Едва завидев приближение Форда, Мордехай пулей выскочил из кабинета и затерялся в глубине здания. Но кто-то в кабинете все же оставался. Это был стажер-эксперт, которому Форд дал задание изучить тело.

– Приветствую! Есть какие-то новости, Декстер?

– Вообще-то меня зовут Де...

– Не важно, продолжай.

Форд явно был не в духе, и потому стажер не стал спорить. Впрочем, не в духе Форд пребывал постоянно. Стажер вздохнул и продолжил.

– У меня нет новостей, лейтенант. Хороших или полезных точно нет. Едва тело поступило в морг, меня тут же попросили удалиться. Поначалу я решил, что это связано со... кхм... статусом жертвы. Мол, нечего вскрытием заниматься стажеру, доверим дело профессионалу. А сейчас я узнаю, что тело собираются предать земле. Причем в спешке, не было произведено необходимой подготовки.

– То есть?

– Тело не бальзамировали. И уж тем более не вскрывали.

– Мне сообщили, что похороны будут завтра. Как они собираются...

– Гроб будет закрытым. Винить их в этом нельзя. Вы сами помните, как выглядело тело.

Но, есть несколько странностей, – Форд придвинулся поближе. – Когда тело попытались поднять с пола... В общем практически все кости были переломаны. Но внутренние органы толком не пострадали. Итого: кости указывают на смерть от падения, внутренности утверждают обратное. И самое интересное – температура тела. Она не только не упала, но и была выше, чем у здорового человека. И держалась все время, до тех пор, пока меня не отстранили от тела. Сталкивались с таким?

– Никогда... Есть заключение о смерти?

– Да, но читать там особо нечего, – стажер протянул лейтенанту папку. – Еще что-нибудь?

– Да. Узнай, пожалуйста, кто на самом деле распорядился закопать тело и не проводить вскрытие. Ведь должны быть какие-то бумаги?

– Думаю – да. Я поищу.

– Спасибо!

Форд вышел и направился в кабинет к Шефу, минуя Лайку и компанию. Благо, Шеф был на рабочем месте. Лейтенант бесцеремонно бросил отчет о вскрытии на стол.

– Лейтенант, не много ли Вы себе позволяете?! Выйдите и зайдите как положено!

– Дело...

– Я жду!

До Форда, наконец, дошло, что поступает он неправильно. Он не проявляет никакого уважения, а только враждебность и неуважение к человеку, который это не заслужил. А до этого достаточно грубо разговаривал с человеком, который искренне хотел помочь. К тому же, он нарушил порядок, который сам чтит – иерархию. При этом в комнате помимо Шефа находился еще один человек. На вид ему было едва ли больше сорока. Но выглядел он шикарно: на нем был явно сшитый на заказ костюм, лакированные туфли без единой пылинки и чертовски дорогие часы, на которых помимо стандартного набора виднелись и фазы луны. У него было по-детски пухлое лицо, которое на данный момент выражало удивление.

Форд устыдился своих поступков. Выполнив все необходимые процедуры, Форд перешел к сути дела, не обращая внимания на посетителя.

– Лайка гробит дело!

– Какое дело? – уточнил Шеф, беря в руки заключение о смерти.

– То самое убийство-самоубийство. Сейчас оно медленно, но верно превращается в самоубийство. Лайка прикрепила эти документы к делу и сдала его в архив. Все, дело закрыто! А родители уже похлопотали о похоронах!

Шеф быстро пролистал брошенные Фордом бумаги. Это было не сложно сделать, так как в папке находились всего два полупустых листа.

– Что это?

– О том и речь! Это отчет о вскрытии.

– Вскрытии? Кого?

Шеф схватил телефонную трубку и вызвал Лайку. По резкости его движений, Форд сообщил, что Шеф, мягко сказать, недоволен.

Форд заметил, что теперь в пластиковой коробочке покоится монета. На видимой Форду стороне был изображен герб Российской империи – двуглавый орел. Заметив, что Форд внимательно рассматривает монету, посетитель заметил:

– Константиновский рубль. Чрезвычайно редкая монета. По сути одна из пяти.

Форд многозначительно хмыкнул, но сказать ему было нечего.

Через несколько секунд появилась Лайка. В кабинет она скорее вплыла, вальяжно вышагивая, как сытый котяра. Завидев Форда, она закатила глаза и простонала:

– Опять он...

Форд же предпочел никак не реагировать и посмотреть, чем все закончится. Он даже не скорчил свирепую морду, которой он обычно выгонял из своего кабинета нерадивых сотрудников.

– Потрудитесь объяснить свои действия, – спокойно начал Шеф.

– Какие именно? – сказала Лайка, растягивая слова, не забыв при этом раздраженно цокнуть языком. Всем своим видом показывая, что ее оторвали от какого-то очень важного дела, чтобы расспросить о каком-то пустяке.

– Это Ваших рук дело? – продолжил Шеф, пододвинув ближе к Лайке, так называемый, «Отчет о вскрытии». Лайка надменно кивнула. – Почему Вы вмешиваетесь в расследование?

– Ну его же родители не захотели – они решили, что не стоит. И вообще, только больше шума от этого дела, чем пользы... – Лайка хотела продолжить свою ужасно медленную и невероятно важную речь, но, увы, Шеф был другого мнения.

– Пока я здесь главный! И Вы подчиняетесь мне! Я решаю: кто и чего хочет! Только я даю указания вносить или нет корректировки в следственный процесс! И все это без Вашего уча-

ствия или мнения! Если вдруг забыли, прохождение госслужбы не дает Вам право вмешиваться в расследования. В Ваши задачи входит информирование населения и повышение престижа, пока я не решу обратного. Если Вы с этим не согласны, то спокойно можете вести выпуск новостей или какое-нибудь ток-шоу на ТВ. Что Вы на это скажете? – Лайка покраснела, как помидор. Истинно как помидор: и по форме, и по цвету. – Раз на это ответить нечего, то, может, скажите весомую причину, почему все сделали именно так?

Тут Лайку начала бить мелкая дрожь, которая на ее необъятном теле вызвала волны цунами. Форд быстро сообразил, что Лайка в бешенстве – видел не раз. Только в этот раз она молчала и глупо пучила глаза. Форд пожалел, что нет фотоаппарата. Шеф продолжил чихвостить Лайку. После чего она молча выскочила из кабинета. Форду было приятно наблюдать за процессом. Жаль, что наслаждался только он один. Также велика вероятность, что после этого Лайка сорвется на ком-нибудь другом. Что ж, устроить ей нагоняй за неэтичное поведение в коллективе придется позже. Сначала необходимо разобраться в хаосе, который она устроила, причем, в сжатые сроки. Форд вспомнил о свидетеле – юной девушке. Толку от нее было не много, но хоть что-то.

– Мы можем еще раз допросить свидетеля. Может, вспомнит что-то новое.

– Бессмысленно, – Шеф сидел в задумчивости, сцепив руки перед лицом. – Как часто, люди вспоминают, что-то новое? Такое бывает только в фильмах. Свежие воспоминания всегда более четкие, остальное – домыслы. К тому же, ее слова не возымеют силы, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, – с этими словами Шеф протянул Форду какой-то документ. – Это рекомендации психолога.

– Полагаю, ничего хорошего там не сказано, – Форд не стал даже прикасаться к документам. – Вскрытие, которое могло дать хоть какое-то объяснение произошедшего, даже не дали провести. Единственный свидетель дискредитирован. Это ни хрена не совпадение!

– Не совпадение. И впредь выбирайте выражения! – Шеф опять впал в задумчивость и смотрел в пустоту позади Форда.

– Прошу прощения, что вмешиваюсь. Если речь идет о деле, о котором я думаю, то из услышанного можно сделать вывод, что единственное объяснение – вмешательство, кого-то власть имущего. Без каких-либо внятных улик это просто очень странное самоубийство, не более. И если вы ничего не предоставите, то кто-нибудь обязательно попросит прекратить расследование. Сколько Вам нужно времени? – спросил посетитель, обращаясь к Шефу.

Шеф отвлекся от созерцания пустоты и заметил недоумение в глазах подчиненного. Шеф ответил прежде, чем Форд открыл рот:

– Я смогу продержать дело достаточно долго, но не бесконечно. А как же выборы?

– Да, ни один мэр не захочет иметь нераскрытое дело в активе. Если приказ сверху не поступит до выборов, то придет после. Я, в свою очередь, могу пообещать, что до выборов никто не будет связывать вам руки.

Форд уже сообразил, что перед ним сидит представитель администрации. Но, кто именно?

– Есть один шанс, – Форд обратился в слух. – Если речь идет об убийстве, и мы предполагаем, что его совершила не спутница жертвы, то остается только...

– Сам убийца. Но как быть с ее... описанием события?

– Просто игнорируйте.

– Поговорю с родителями и друзьями. Затем заскочу на кладбище, может там, что узнаю.

Форд не стал упоминать тот факт, что фоторобот удивительно похож на жертву другого убийства, которое хронологически произошло раньше. А человек, отбывающий наказание за это самое убийство – его, наверняка, не совершал. Тем более, что вменяемость свидетельницы под вопросом.

Форд оставил Шефа наедине с посетителем. Вопросы он успеет задать позже. Выйдя за порог участка, лейтенант приступил к реализации своего. С первым пунктом плана – поговорить с родителями, все шло не так гладко, как предполагалось. От родителей толку не было вообще никакого. Они отказывались разговаривать, прикрываясь маской траура. На деле им было просто плевать. Они даже не взглянули на фоторобот. Все, чего удалось добиться Форду – адреса и телефоны друзей жертвы, а также фото, на котором, очень кстати, все эти друзья и были запечатлены.

С кладбищем повезло больше. Возле могилы собралась небольшая группка людей. Знакомых лиц с фотографии было немного, но уже что-то. Большинство ее членов с гордостью причисляли себя к готам и под мрачные тосты распивали спиртные напитки. Форд не имел ничего против, у него есть власть на земле живых, а не мертвых. Здесь пусть командует смотритель, он же местный гробовщик. К тому же неудобства они никому не доставляли. Форд отобрал нужных ему людей и договорился с ними о встрече. Все готовы были помочь сиюминутно, но состояние алкогольного опьянения делало из них не самых надежных помощников. Лейтенант благоразумно предложил им встретиться днем позже в кафе. Он терпеть не мог разговаривать с людьми в участке, если только речь не шла о подозреваемых. Все, в том числе и Форд, чувствуют себя неловко и скованно в маленькой убогой комнатухе с единственным столом. Кафе – совсем другое дело. Непринужденная обстановка провоцирует людей на общение. В конце концов, если не удастся получить важную информацию, всегда можно поесть.

Лейтенант оставил пьющую компанию и отправился перекинуться парой слов с гробовщиком. Они были знакомы с самого приезда Форда в город. Гробовщик был первым человеком, который встретил Форда на вокзале. В день приезда Форда стояли сильные морозы и снегопад. До города добраться можно было только по железной дороге. А со станции в город – на вездеходе, своих двоих или санях. Именно ими пользовался гробовщик. Когда он поднялся, чтобы прыгнуть с саней, Форд невольно ужаснулся. В свете фонарей на фоне сумрачного неба он выглядел огромным. На нем был старый кожаный плащ и широкополая шляпа, тулью которой украшало, подобие браслета со вставками из янтаря. Едва ноги гробовщика коснулись земли, его чуть не придавило тяжестью одежды. Он был высокий, на голову выше Форда, худощавый и невероятно старый. А плащ, огромных размеров, заполняли, помимо старческого тела, толстенные свитера и рубашки. По утверждениям старика раньше этот плащ был ему впору, и он один мог приподнять молодого бычка. А сейчас может только подбросить Форда до города и предложить ночлег. Этого было более чем достаточно. Собственно, старого гробовщика все так и звали – Старик. Его это вполне устраивало.

Старик, на удивление, оказался хорошим собеседником. По его утверждениям имеет ирландские и коренные американские корни. На что Форд заметил, что при всем при этом он носит акубру – шляпу популярную в Австралии. Старик не обиделся, а наоборот похвалил Форда за наблюдательность. В ответ Форд поделился, что ему в наследство достался седан австралийского производства. Так и завязался разговор или даже, с позволения сказать, дружба. Позднее Форд навещался к Старiku пропустить по стаканчику-другому виски, так как Старик наотрез отказывался выходить из дома и идти в бар. Видите ли, он был ценителем, а в баре под видом дорого напитка разливали дешевейшее пойло. Откуда он доставал дорогой виски и где брал на него деньги, оставалось загадкой.

В этот раз Форд пришел не как друг, а как лейтенант. Старик, стоял на крыльце своего дома-храма, осматривая владения.

– Ты не против готических посиделок? – спросил Форд минуя приветствие.

– По крайней мере, это более искреннее прощание. А не та очередная клоунада, которую тут недавно устроили родственнички усопшего.

– И что тут было?

– Да ничего особенного. Сначала согнали целый кортеж, на котором можно было перевести футбольную команду вместе с фанатами. Потом женщины, как полагается, рыдали и заламывали руки. Мужчины утирали платочками скупые слезы и выражали соболезнования дружеским похлопыванием по плечу. Звучали хвалебные речи и прочая чепуха. Так прошла основная часть, едва она закончилась, все начали прощаться. И представляешь, они улыбались! Улыбались! Ну куда это... Ох, куда катиться мир? Вот раньше такого не было. Вот скажи мне, это сейчас норма такая?

– Не обращай внимание. От паренька просто старались избавиться.

– Вот-вот, о чем я и говорю!

– И о чем? – не удержался Форд.

– В мое время к смерти относились иначе. Это была не рутина, а ритуал. И все процедуры соблюдались тщательно и с должным уважением. А тут даже не отпевали. Уж не знаю, кто он по вероисповеданию, но в мое время так было не принято.

– Подожди, а что значит «очередная клоунада»? – спохватился Форд.

– Вот! Это уже не первый такой наспех погребенный. Вот до этого почти целую семью схоронил. Ну с ними все понятно! Друзей почти не было, родственников вообще нет. Вот и погребли как есть, только приодели. А этого... Эх, даже и наряжать не стали, как мешок погрузили и крышку заколотили. И ладно бы бедные были! Так нет, вон – кортежами разъезжают.

– Стоп! Что ты имеешь ввиду?

– Ты меня вообще слушал? Говорю же: «как есть». Тела даже не бальзамировали.

– Про какую семью ты говоришь?

– Знаешь, я фамилии не запоминаю. Либо лица, либо места. Вон там они лежат. Видишь, где девица стоит?

Лейтенант повернул голову в сторону, куда указывал гробовщик. Действительно, там стояла девушка. Она была одета в мешковатое пальто, но оно не могло скрыть ее стройную хрупкую фигурку, как и шляпка не могла скрыть красивое острое личико. Ей здесь было не место. Она выделялась на печальном фоне, как цветное пятно в черно-белом фильме. Она положила цветы и направилась прочь. Но она пошла не к выходу с кладбища, а к другой могиле. И к удивлению Форда, остановилась как раз у той, возле которой недавно была сходка готов. И смачно плюнула на надгробие.

– Ого! – удивился Форд и сорвался с места, даже недоговорив со Стариком. Он удивился, как такое нежное существо могло сделать подобное. И уж очень ему было интересно, почему она избрала именно эту могилу.

– Простите! – окликнул Форд девушку, прежде, чем она ушла. – Могу я задать Вам несколько вопросов?

– Да, конечно! – обернулась незнакомка. И увидев удостоверение Форда осеклась. – Простите, я честно... не хотела... я арестована?..

– За что, за плевков? Вовсе нет, успокойтесь! – Форд попытался изобразить самое доброжелательное выражение лица. – Но, позвольте узнать, почему Вы это сделали?

Девушка напряглась и растерянно захлопала глазами, видимо, не зная, что сказать. Но слегка успокоилась, когда к ним подошел гробовщик:

– Все в порядке, можешь ему все рассказать.

– Мне же за это ничего не будет?

– Вы не под присягой и не на допросе. Это просто разговор.

– Этот... – она небрежно махнула в сторону могилы. – Он убил моего жениха.

– Смелое заявление. На чем оно основано, если не секрет?

– Не стоит смеяться надо мной! Если бы вы делали свою работу, меня бы здесь не было!

– Ваша правда. Но, я хочу помочь.

– Чем Вы уже ему поможете? Он умер.

– Помогите хотя бы разобраться, – Форд не понял, как случилось так, что теперь оправдываться приходится ему. Видимо, во всем виновата проклятая слабость к хорошеньким девушкам.

– Простите. Просто, следователям, с которыми я разговаривала, было наплевать. Вот и сложилось негативное представление.

– Не могу Вас винить. Я уже вроде представился, а как Вас зовут?

Девушка представилась. Потом ненадолго замолчала, склонила голову набок и стала внимательно рассматривать Форда.

– Вы тот самый лейтенант, о котором все говорят? – спросила она, хитро прищуриваясь. – Я ожидала кого-то похожего на Сэма Спейда¹¹, а не Санни Крокетта¹². Хотя, и на него вы не сильно похожи.

Форд слегка смутился, он действительно не соответствовал своему званию и должности. За время отъезда он обзавелся щетиной, позабыл о расческе, галстук и брюках. На нем были джинсы, кеды и пиджак поверх футболки. Хотя он был одет и не в пастельные цвета, все же контрастировал с посетителями кладбища.

– Можете звать меня просто Луна, меня обычно все так зовут. Знаю, звучит глупо, я так и не узнала, чем руководствовались родители, дав мне такое имя, – девушка протянула руку. Помимо необычного имени у нее был необычный цвет глаз – фиолетовый.

– Тогда зовите меня Форд. Очень приятно!

– Если Вы не против, то можем мы поговорить в другом месте и не сегодня?

– О, конечно! Можем увидеться завтра в кафе Большого Эла? Не поймите превратно, мне кажется там атмосфера приятнее, чем в участке. Но если Вас это смущает или кажется неуместным, то можем встретиться и в участке, благо у меня есть свой кабинет...

– Нет-нет! Только не в участке! И лучше не в кафе. Днем там много посторонних глаз. Лучше в баре, что расположен в подвале, он как раз открывается после двенадцати. Договорились? Тогда, до завтра, лейтенант Форд.

Она развернулась и пошла прочь. Старик и Форд смотрели, как ее черное пальто растворяется в тумане. Но они не знали, что не только они провожают ее взглядом.

Ветер стонал и гнул деревья. Дэш прятался, боясь выйти на открытое место, чтобы быть замеченным. Убрав волосы, упавшие на глаза, он невольно напомнил себе чудовище из советского мультфильма «Аленький цветочек». Он с трудом поборол в себе желание пойти за Луной. Желание просто коснуться ее руки или заглянуть в ее фиолетовые глаза сжигало его изнутри. Но, что он может ей сказать? Как объяснить, что он ходит по земле, когда должен лежать под ней? Было бы здорово узнать самому. Оставался еще один вопрос, но на него Дэш хотя бы мог получить ответ. Кто разговаривал с ней? Старика, который последнее время был его единственным собеседником, он узнал. А вот второй вызывал неподдельный интерес. Выглядит, как дорого одетый бомж, интересуется Мерзостью и при этом вооружен. Видимо, какой-то вышибала нанятый родителями Мерзости. Они вроде бы при деньгах. Надо будет разузнать потом у Старика.

У Форда тем временем по спине пробежал холодок. Это не было связано с тем, что он был одет не по погоде, а скорее с самим местом. У него было стойкое ощущение, что за ним наблюдают. Но кто именно, он так и не смог понять. Да, он был не единственным посетителем кладбища. Но остальные были поглощены своим горем, и странно выглядящий лейтенант их не интересовал. Тогда откуда же это чувство? Форд осмотрелся вокруг – ничего. Надгробия, памятники, кресты, да ветки деревьев, выдуваемые из тумана – и только. Начинало темнеть

¹¹ Сэм Спейд – вымышленный частный детектив, главный герой «Мальтийского сокола» и других произведений американского писателя в жанре «нуар» Дэшила Хэммета.

¹² Санни Крокетт – вымышленный детектив-полицейский, главный герой сериала «Miami Vice».

и Форд решил побыстрее закончить свои дела с мертвецами. Он развернулся и в компании гробовщика прошел к месту упокоения жениха Луны.

– Да вы шутите!

С фотографии, размещенной на надгробии, на него смотрел Ян Гиллан в образе Иисуса. Он осмотрел еще три надгробия, разместившиеся по соседству. Так и есть! Все знакомые лица – семья Гиллана.

Форд невольно прочитал записку на цветах, оставленных Луной. Там было написано вовсе не имя: «Дэш». Форд ухмыльнулся. Всех людей, окружавших его, он знал исключительно по прозвищам, да и сам никогда не упоминал их имена. Только в официальных документах.

– Говоришь, тела не подготавливали?

– Все как есть. Даже гробы самые дешевые выбрали. Да и не гробы вовсе, а так, коробочки фанерные. Стыдоба! Вот тебе и государственная компания.

– Государственная компания по производству гробов? Что за бред?

– А вот скажи мне. Есть конторка под крылом нашего мэра. Так и работают за бюджетные деньги. Гробики, процедуры – это все их работа.

– Много таких?

– Ты про гробы-то? Да за последнее время предостаточно, – Старик обвел рукой территорию кладбища. – Родственники только на памятники тратятся. Но подожди, сейчас эта конторка и производство памятников наладит. Тогда держись!

– Я имею ввиду бальзамирование и прочие процедуры.

Старик вновь обвел рукой кладбище.

– Ты уверен, что тела не подготавливали?

– Что же, я покойников не видел?

– Что-нибудь необычное на телах заметил?

– На женщине – множественные ножевые ранения. На мужчине – следы множественных ударов тупым предметом. На малыше никаких следов я не заметил. Скорее всего он умер от удушья.

– Старик, ты проделал большую работу, чем медэксперты. Бред какой-то! Хотели бы уничтожить тела, взяли бы и кремировали. К чему все это?

– Так, крематорий прикрыли.

Форд обдумал свой же вопрос. Если бы тела умудрились сжечь в закрытом крематории – были бы неуместные вопросы. А так, они лишь одни из многих. И все же, Форду это казалось странным. И он отчаянно старался понять почему. Похоронили в спешке, без должной обработки. Зачем избавляться от тел?

– Зачем?

– Так, все ради земли.

– Кому нужно кладбище?

– Да мало ли кому оно не нужно. Вон, мэру нашему, например.

Форд все еще непонимающе смотрел на старика.

– Какие-то полезные ископаемые или минералы тут обнаружили. Говорят, их тут столько, что они сами из-под земли лезут. Лопаткой ковырни – озолотишься! Вот он козни и строит.

– Каким образом?

– А ты оглядись!

На территории не росли молодые деревья, а старые – иссохли. Земля вздулась буграми, словно гнойными наростами. Воистину безжизненный пейзаж.

– Мэр всем рассказывает, что все это из-за дряни в земле. И надо срочно от нее избавляться. Так еще не только экологию подправим, но и денег можно подзаработать. В казну или в чей-то кошелек, как знать?

– Так в чем сложность? Тем более если это еще и деньги принесет.

– Проходили уже! Один раз завод у нас уже строили. Не здесь, конечно. Там, в горах. И видишь сколько денег он городу принес? Не видишь? То-то же! Вместо богатства получили экологическую катастрофу. Завод закрыли, скандал кое-как уладили. А мэр все не сдаётся. Однажды он, все-таки, добьётся своего. Но, не в мою смену!

– Они же тебя просто выгонят.

– Не выгонят! Чтобы, что-то построить надо мой дом снести. А он все-таки относится к культурному наследию.

– Какому наследию?

– Да без понятия. Когда город строили, он уже был. И не только он.

– В смысле?

Старик указал рукой куда-то вдаль. Над серыми пиками мертвых сосен виднелась каменная постройка. То ли башня, то ли кусок стены. Форд не смог разглядеть с такого расстояния.

– Еще один храм.

– Храм? Чей?

– Да без понятия. Никто не знает.

– Как так?

– Его пытались изучать, но быстро забросили это дело. От того храма мало, что осталось. А этот храм святоши облюбовали и всех ученых поганой метлой погнали. А когда религиозная истерия прошла, то выяснилось, что изучать уже было нечего. Все богохульные надписи отскребли, образы замазали. И вместо ученых в том храме завелись сатанисты какие-то. Говорят, у них там место силы! Они вроде тоже хотят эту землю к рукам прибрать.

– Тебя это не беспокоит?

– Да это только слухи. Видел я там пару раз огни и только. Ни огненных столбов, ни демонических образов. Мало ли в городе бомжей да наркоманов, которым заночевать негде?

– Это ты зря. Сектанты до недавнего времени в городе действительно водились.

– Это святая земля. Злу нет хода на святую землю и потому здесь... безопасно.

Изучая пейзаж, Форд отметил, что старый «сатанистский» храм прекрасно гармонирует со «святой землей». И тут он заметил, что на могиле Дэша не было характерного бугорка земли.

– Что не так с этой могилой?

– Да все не так. Начиная с того, что она пуста...

– Что?!

– Тебя какой ответ больше устроит? Что он таинственным образом восстал или, что тело пропало?

– Как так тело пропало?

– Я так и думал. Ну, значит прихожу я с утра проведать покойничков, а одного и нету. Так и нету: гроб пустой, с потолка вода льется. Не мудрено, ночью дождь шел... Ну я сразу к вашим. Мол, так и так, тело пропало. Это аккурат перед твоим отъездом было. Да ты не хмурься так! Давай пройдем в дом, от ветра укроемся, да чайку попьем.

XXII

– Ну а когда вернулся, смотрю, а он сидит в кресле в моей старой халупе, – закончил свой рассказ Старик.

– Заложный покойник¹³?

– Какие познания в области мифологии! Пока сложно сказать. Я не знаю, что заставило его вернуться. Но если он не получит то, за чем вернулся, быть беде. Я знаю, о чем говорю. Был я на его месте.

– Покойник он или нет, он озлоблен, дезориентирован и будет мстить.

– Если он пойдет этим путем, путем, которым когда-то шел я, он причинит много боли. Особенно себе. Тогда он потеряет свою душу. И как только это случится, по улицам польются реки крови.

Форд скептически отнесся к рассказу Старика. А подобных рассказов у Старика было предостаточно. Если им верить, то ему уже не одна сотня лет. Он застал гражданские войны в США и России. И, разумеется, участвовал во всех Мировых войнах. Вся свою жизнь он провел в охоте на демонов и колдунов. А теперь водит дружбу с мертвецом. Но, если он говорит, что не хоронил Дэша – Форд ему верит. Тогда история, рассказанная свидетельницей, не выглядит такой уж безумной. А выглядит она так, что Дэш убил Красавчика. Непонятно, правда, как он это сделал.

– Ааа, ты опять мне не веришь. Но веришь почему-то во всякую чертовщину. Странный ты, ей богу!

– Нет, я не верю в чертовщину...

– А как же история с конфетой?

«Когда я успел рассказать?» – подумал Форд.

– С леденцом – это раз! А два – я абсолютно уверен, что живем-то мы в реальном мире без всякой паранормальщины. Просто известный нам мир крайне мал. А рядом с ним существуют еще бесконечное множество. И иногда они пересекаются или сталкиваются, как кому угодно...

– То есть наша Вселенная не единственная...

– Да нет же! Дослушай до конца! Вселенная одна, но миров в ней несколько. Мы же представляем Вселенную в соответствии со своим убогим трехмерным мышлением. Кого угодно спроси: Вселенная это либо бесконечно гигантская сфера или что-то амебоподобное. Но обязательно трехмерное. Есть длина, ширина и высота. Это не честно по отношению к Ней, потому что какие-то млекопитающие не способны представить большую цифру, чем три. Она бесконечна в бесконечном количестве измерений. И где-то или когда-то в пятом или семнадцатом измерении Она берет и сворачивается в бублик. И у нас в гостиную появляется тварь на четырех лапах и с рогами. Суеверные людишки, разумеется, толпами ломятся в храмы молиться своим богам. А для Вселенной и рогатой твари это также естественно, как для нас езда на лошади или смена времен года.

Старик протянул Форду кружку горячего чая.

– Если ты ни во что не веришь, то что ты здесь делаешь?

– Не понял. К чему вопрос?

– Ты уже заметил, что приезжих здесь нет?

– Я удивлен, что здесь еще местные остались. Кто захочет сюда приехать?

¹³ Заложные покойники – по славянским верованиям, умершие неестественной смертью люди и не получившие после смерти успокоения.

– Твоя правда. Началось с того, что однажды в Город пришел странник. Никто не знает, то ли Зло пришло за ним, то ли он сам следовал за Злом. Но в здешних краях стало неспокойно. А потом явился ты. Так, что просто ответь на вопрос: «Что ты здесь делаешь?»

– Об этом позже, – Форд пропустил слова Старика мимо ушей. Он и раньше слышал истории о битве со Злом за души жителей Города. И относился к ним не более чем к сказкам. Хотя Старик относился к ним весьма серьезно. – Лучше скажи мне, сколько тел ты похоронил без подготовки?

– С «пропавшим телом» было бы пять.

– Приезжая семья и богатенький мальчик старейшего семейства Города. Ни в каких скандалах или сомнительных делах они ранее замечены не были. По крайней мере, это касается семьи. А на счет недавней жертвы предстоит еще уточнить, – Форд вскочил на ноги и зашагал по комнате. – Молодых людей связывает школа, их родителей – высокие посты, позволяющие управлять жизнью этого городка. С чего начать?

– Эта контора – муниципальное предприятие.

– А отец жертвы работал в администрации. Все выглядит так, что начинать надо с родителей. Знаком с кем-нибудь из этой конторы?

– Да я с живыми мало дел имею. Да и не живые должны тебя интересовать.

– А, подожди, я понял: ты хочешь рассказать мне про Зло.

– Да. А ты продолжай игнорировать старших. Фильмы ужасов именно с этого и начинаются.

– Так, это все напоминает какой-то пьяный разговор. Кажется, ты спрашивал, что я здесь делаю? Что ж, история стара как мир. Я встретил Ее...

Всю свою жизнь я держался за работу и тех немногих друзей, которые меня окружали. Точнее, один друг. Так, что, можно сказать, что я был одинок. Но, у меня было хоть что-то. Разумеется, когда-то было детство, друзья и родные. Но, я этого почти не помню, словно, это было не со мной, а если и со мной, то в другой жизни. Помню лишь образы, которые как рисунки в альбоме, пережившем кораблекрушение и найденном спустя энное количество лет на необитаемом острове...

Я словно болтался между дном и поверхностью моря, и меня это устраивало. Пока не появилась Она! В тот лунный вечер я направлялся на вечеринку, куда пригласили знакомые. Возможно, кроме луны на небе были и звезды, но меня интересовала только еда и грела возможность побывать среди людей. Вечеринка проходила на последнем этаже офисного здания, которое больше напоминало тюрьму-небоскреб из стекла и стали. Разумеется, я воспользовался лифтом. И уже проделал половину пути в минитюрьме, когда двери распахнулись, и на свет вышла Она. Нам было по пути.

Я не сразу понял, что произошло. Меня словно окатили холодной водой: тело уже мокрое, а мозг еще не понимает, что случилось. Так и я, стоял и пялился на ее отражение в холодном стальном зеркале, не понимая, что мимо меня только что прошел ангел. Я попал в плен, но еще не знал этого. Меня пленили ее запах чистоты и невинности, стройная фигура полная грации и силы, огненно-рыжие волосы и, конечно же, глаза. Прекрасные зеленые глаза. И взгляд... как ни странно, в нем не было похоти. Не было даже страсти. Только добро, теплота и нежность.

Я проехал несколько этажей, прежде, чем понял, что влюбился до безумия. Еще несколько минут назад я хотел провести вечер в окружении людей. Теперь же, мне была нужна только Она. Она была прекрасна. Наверняка, каждый встречный превозносил ее до небес. Не исключено, что среди них были и поэты, которые одаривали ее самыми изысканными выражениями. И, что мог сказать ей я? Я иногда и поздороваться не могу, не выказав презрения собеседнику. А тут мне предстояло заговорить с самой очаровательной девушкой в мире. В итоге я тупо молчал. Видимо, я сильно переусердствовал, напуская флер таинственности и неприступности. Она заметила мое напряженное лицо в отражении и рассмеялась. Клянусь.

Это самый очаровательный смех, что я слышал. И тогда она со мной заговорила. Я, что-то мычал в ответ, что еще сильнее ее заводило. Я и не заметил, как сам принялся смеяться.

Мы провели этот вечер одни, несмотря на то, что вокруг было полно народу. Что за чудесный лунный вечер! Возможно, кроме луны на небе были и звезды, но меня интересовала только Она – ее улыбка стоила всего неба над нами!

Я наконец-то, начал жить. Она вытащила меня на поверхность, и я увидел солнце. Этим солнцем была Она. Отныне, Она освещала мой путь. Я купался в ее лучах едва ли больше года...

Потом, как не трудно догадаться, все кончилось. В один прекрасный, мать его, день я остался один. Опять! Один в комнате, один в мире. Не было ни записки, ни прощального разговора. Ее словно никогда и не было. Но она была. Я мог бы это доказать, не сгори все в огне. Буквально! Какой-то алкаш решил пожарить шашлыки на балконе. Вместе с ним и его квартирой сгорела и моя.

Я искал Ее. Мне снова стало не хватать света. Ее света. Я продолжал поиски, пока свет, которым Она меня одарила, не угас. И тогда я не смог больше удерживаться на поверхности и рухнул на самое дно.

А потом оставил попытки. Я искал новые ощущения, чтобы забыть ее. Я искал приключений. И вот, поиски завели меня в очередной бар. Публика в нем была недостойная, как всегда. И в итоге, я начал игру старую как мир. Я глотал шот за шотом, не зная, какой именно меня прикончит. С таким же успехом можно было крутить барабан револьвера у виска. Я не выиграл, но и не проиграл.

Бар я покинул в то самое время, когда честные люди уже спят. И, разумеется, отправился домой через самые злачные места. Иными словами, отошел на метр от освещенной дороги и... вуаля! Вот оно – злачное место. Я выбрал самый удаленный и темный квартал, какой отделял бар от моего дома. Цель была проста: новые приключения – новые ощущения. Я повернул за угол, и тут – судьба! Или рок. Кто знает?

Молодые любовники решили уединиться в укромном местечке, но были они не одни. Уже не одни. Нашлось еще трое любителей приключений. Я застал их на пике их свежих ощущений: альфа-самец шайки уже вовсю зажимал юную красавицу, в то время, как его менее тщеславные дружки скакали на парне той самой красавицы.

То, что произошло в последующие несколько минут, было первым шагом в сторону этого городка. Но интересно другое. Не смотря на явно выраженный антисоциальный подтекст действий трех подонков, у них нашлись защитники. Мне довелось столкнуться с бабульками, в один голос твердившими, что все они милые мальчики, всегда здороваются, помогают, никогда плохого слова не скажут. А все злые языки наговаривают на них, «чтоб своих выроdkов выродить». Встречались и мамы с подружками, от которых только и можно было, что услышать: «шалава, вырядилась и спровоцировала бедных...» или: «недоумок! Нашел куда девушку отвести, что у него на уме только было...» и так далее и в том же духе. Только старики да мужики оставались в стороне. Одни боялись получить по башне за неверные слова, другие просто разбирались в ситуации и знали, когда замолчать. Наблюдая все это, я и сам начал понимать маньяков. Ибо появилось желание схватить бензопилу и начать резать бестолковых идиотов, которые не в состоянии отличить добро от зла. Но кто я такой, чтобы судить? Благо судьи нашлись, и вынесли решение по делу. Если бы кто-то другой сделал то, что сделал я, неизвестно еще кого признали бы виновным. А сделал я следующее...

Я не стал вдаваться, кто кого спровоцировал, или кто додумался сюда прийти раньше. Для моего ослабленного алкоголем мозга все было предельно просто. Один применяет действия насильственного характера к незащитной девушке – злодей. Двое избивают лежащего – тоже злодеи. Со всего маха я сбил с ног кучерявого, что избивал парня, и вместе с ним врезался в стену дома. Раздался какой-то странный звук: то ли треснула черепная коробка (не

моя), то ли кирпичная кладка, а может все разом. Треск и внезапное нападение отвлекли двоих оставшихся ублюдков. Их заминка позволила девушке провести контратаку в пах насильника, а мне перегруппироваться перед схваткой с лысым противником. Забыв про избитого паренька, лысый бросился на меня. Из всей троицы этот был самый здоровый и по-видимому самый тупой. От его кулака размером с небольшой астероид меня спас стиль пьяного мастера. Иными словами, я пошатнулся при попытке подняться на ноги, и лысый со всего маха раздробил кулак о стену. Под аккомпанемент его воплей я приготовился к схватке с альфа-самцом, которого к моему сожалению не так сильно приложили по причинному месту, как хотелось. В руке у него блеснул нож. Недолго думая, я схватил обломок кирпича внезапно (!) оказавшийся под рукой и метнул в неудавшегося насильника и резко рванул следом. Дальше последовала сцена, достойная фильмов с Джеки Чаном, не будь она настолько жесткой. Альфа-самец все-таки смог защититься. Я успел перехватить обломок в воздухе, когда он отскочил от поставленного блока, и всем телом навалился на оппонента. И несколько раз приложился тем самым обломком кирпича в область головы альфа-самца, еще прежде, чем она достигла асфальта. Я вбивал кирпич в голову до тех пор, пока он не вылетел из рук и не ударился обо что-то мягкое – юное женское тело. Это самое тело вскрикнуло и тем самым спасло меня. Я обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, что лысый вполне оклемался и готовится обрушить мне на голову кусок арматуры. Мне хватило реакции откатиться в сторону, чтобы избежать удара. Ну, по крайней мере, мне показалось, что я откатился. Скорее всего, я просто завалился набок, и чтобы подняться, пришлось совершить нелепый кульбит. Но, как бы то ни было, удара я избежал. Арматура попала по альфа-самцу, а тот не издал ни звука, только выплюнул сгусток крови из места, которое раньше, вроде бы, было лицом. И тут я провел, в моем представлении, блестящую контратаку: я выпрямился, резко выбросив руку вверх для апперкота. Мой кулак достиг цели – челюсти лысого. В этот момент стало понятно, что контратака оказалась не такой блестящей, как могло показаться. В очередной раз за вечер раздался жуткий треск: помимо челюсти я сокрушил кости безымянного пальца левой руки. Не то чтобы я не знал, что бить надо костяшками указательного и среднего пальцев... ну, не получилось. И прежде, чем я смог занести еще здоровую руку для следующего удара – меня повязали. Вообще-то, тогда повязали всех неудавшихся: не удавшегося героя – меня, жертву неудавшегося изнасилования, неудавшегося Ромео, неудавшихся правонарушителей, и даже одного неудачника-бомжа, который додумался справить нужду в этой подворотне. Ему это не удалось.

В участке выяснилось, что моя операция спасения чести девушки была не такой удачной, как я запомнил. Левый глаз у меня заплыл, видимо, результат столкновения со стеной в начале бойни. Левая рука распухла – сам виноват. Помимо перечисленного, серьезный порез на правой руке, ссадина на подбородке, разбитая губа и сломанное ребро.

Далее началось выяснение очевидного. Я – сотрудник правоохранительных органов, девушка – жертва, а бомж ни при чем. Остальные, разумеется, были госпитализированы. И все это действие происходило под композицию Platters, а именно Twilight time. Бред, конечно, но я был уверен, что она звучала. Также, я выяснил, что наряд прибыл только потому, что наша возня мешала кому-то спать. Мешала! Спать! Всем было плевать, что в этот самый момент кого-то насилуют, кого-то калечат! Хотя спали далеко не все, кто-то отдергивал штору, чтобы удовлетворить свое любопытство и узнать, что же происходит под окнами. Теплая летняя ночь, окна были раскрыты, а бедная девушка звала на помощь, но все предпочли ничего не видеть, ничего не слышать! А тут им помешали спать! Я раньше думал, что люди чего-то боятся, конфликтов, боли, проблем... Но нет! Они слишком глупы, чтобы бояться! Им просто плевать до тех пор, пока их самих не коснется! Каждый из них верит, что он – личность, а на самом деле лишь зомби, один из многих. А во всем виновата дурная мода на демократию, суть которой до конца так и не поняли. Каждая личность – это часть огромного социума, который создается и развивается сообща. Человеческое общество – это элемент, а люди его атомы. Что происходит,

как только атомы теряют связи друг с другом? Цепная реакция, приводящая к разрушению. Ядерный взрыв – отличный пример. То же и с обществом. Как только свое «я» станет выше «я» общественного – БУМ! – взрыв, гибель всего живого, ядерная зима. А кто-то хочет спать!

Но, продолжаем. Дальше закрутились шестерни огромного государственно-бюрократического механизма, который обычно находится в спящем режиме до тех пор, пока не заденут один из его винтиков. В данном случае винтик – это я. И тут, два извечно враждующих лагеря начали перетягивать одеяло. Лагерь сторонников власти видел во мне героя, который в одиночку предотвратил преступление. Оппозиция видела только бухого копа, покалечившего несколько человек. Это могло продолжаться до бесконечности, пока не появился чертик из табакерки... или даже бог из машины. А именно та самая девушка, о которой все забыли. Та самая девушка, которую я случайно спас. Та самая девушка, которая для меня так и осталась безымянной. Все, что я знаю, она смогла это пережить и теперь помогает другим несчастным. Это, наверное, не то, о чем она мечтала. Но она нашла себе место, творит добро и у нее неплохо получается.

Так вот, она поведала всем, что произошло тогда. И теперь в истории обоих лагерей был коп-герой, спасший девушку. И это было главное. Я кого-то спас. Может и себя смогу.

В итоге наше управление не только сохранило лицо. Но и улучшило свой имидж. В конце концов, авторитет – это главное¹⁴. Я получил некоторые привилегии. Но был взят «на карандаш».

Если раньше моим самым грубым проступком была не застегнутая верхняя пуговица на форме или повседневной одежде, то после происшествия в подворотне я презрел все нормы, касаемые внешнего вида. Трехдневная щетина, растрепанные волосы, забинтованные руки, едва глаженная рубашка навывпуск с двумя расстегнутыми у ворота пуговицами и галстук поверх всего этого безобразия. Мое попустительство внешним видом терпели ровно до момента, когда я отправил в больницу руководителя операционного центра.

Несмотря на то, что после стычки в подворотне большинство приняло мою сторону, меня благоразумно решили отправить подальше с глаз долой, пока волнения не улягутся окончательно. Самым глухим местом всего управления на Большой земле оказался операционный центр. Чем они в нем занимаются? Черт его разберет! Я так и не успел выяснить – и трех месяцев не продержался.

Заправлял у них там один хмырь – Шнурок. Связано ли это с его фамилией или кривой рожей, не имею ни малейшего понятия. Изначально, насколько я выяснил, прозвали его Коршун. Но так как с благородной птицей ничего общего он не имел, а скорее наоборот, то и прозвище решили перечитать наоборот – Нушрок. А со временем и вовсе превратилось в анаграмму – Шнурок. Обычные люди матом ругаются, а он им исключительно общался. Поговаривали, что он большой любитель нехороших девушек, если понимаешь, о чем я, при условии, что сам был женат. Вокруг него обязательно вились одни и те же представительницы вполне определенного типа. Не знаю, относились ли они к кругу нехороших девушек, но все без исключения были руководительницами подразделений и обладательницами огромной груди. При чем, зачастую, сомнительного качества. Что красивого в огромной груди, с объемом которой может сравниться живот под ней? Но факт остается фактом: есть спрос, есть и предложения.

¹⁴ Слоган игры GTA2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.